ОБЛАДАТЕЛЬ ПРЕМИИ Hugo

РОБЕРТ Ч. УИЛСОН

ОСЬ

Читайте продолжение
культового романа «Спин»!

Annotation

Действие романа происходит примерно через 30 лет после окончания «Спина». Мембрана, окружавшая Землю исчезла, а люди активно заселяют богатую нефтью планету, названную по имени ее главного континента Экватория. На Экваторию можно попасть, отправившись на корабле в морское путешествие через гигантскую арку, построенную в Индийском океане Гипотетиками. В одном из океанов Экватории стоит такая же арка, через которую можно попасть на другую планету, и так по цепочке, но каждый новый мир все более враждебен людям. Действие книги начинается с ряда загадочных событий на Экватории — над планетой проносится шторм из светящегося пепла, в нефтеносном районе Руб Аль-Хали происходят землетрясения, хотя геологи говорят, что это невозможно. При этом в падающем на землю пепле видны остатки наномашин, а иногда в нем рождаются живые организмы. В эти загадочные события оказывается втянутой дочь ученого, журналистка Лайз Адамс, которая ведет расследование таинственного исчезновения своего отца. Может быть он стал «четвертым», то есть прошел незаконное марсианское лечение по продлению жизни и теперь скрывается от Департамента геномической безопасности, ведущего охоту на таких людей (проект терраформирования Марса удался, и теперь марсиане в биотехнологиях намного опережают землян). В поиски Лайз оказывается вовлечен пилот Турок Финдли. Вместе они выходят на знакомую отца марсианку Сулеан Мои, благодаря которой они в свою очередь знакомятся с самым главным героем нашего повествования, двенадцатилетним мальчиком по имени Айзек, который был специально создан группой ученых-ренегатов для общения с Гипотетиками. Последние загадочные события на планете совпали с появлением у Айзека ряда необычных способностей.

- РОБЕРТ Ч. УИЛСОН
  -
  - ЧАСТЬ I
    - ГЛАВА 1
    - ГЛАВА 2
    - ГЛАВА 3
    - ГЛАВА 4
    - ГЛАВА 5
    - ГЛАВА 6
    - ГЛАВА 7

- ЧАСТЬ II
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
- ЧАСТЬ III
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19
  - ГЛАВА 20
  - ГЛАВА 21
  - ГЛАВА 22
- ЧАСТЬ IV
  - ГЛАВА 23
  - ГЛАВА 24
- ЧАСТЬ V
  - ГЛАВА 25
  - ГЛАВА 26
  - ГЛАВА 27
  - ГЛАВА 28
  - ГЛАВА 29
  - ГЛАВА 30
  - ГЛАВА 31
  - ГЛАВА 32
  - ГЛАВА 33
  - ГЛАВА 34
- ЧАСТЬ VI
  - ГЛАВА 35

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23

РОБЕРТ Ч. УИЛСОН
Ось

Откуда вещи берут свое происхождение, туда же должны они сойти с необходимостью; ибо должны они платить пени и быть осуждены за свою несправедливость сообразно порядку времени.

Анаксимандр

ЧАСТЬ I
ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ АВГУСТА

ГЛАВА 1

Тем летом, когда Айзеку еще не было двенадцати, — тем летом, когда с неба стали падать звезды, — он обнаружил, что может различать стороны света с закрытыми глазами.

Айзек жил на окраине Великой Внутренней Пустыни, на материке под названием Экватория, на планете, соединенной с Землей непостижимой волей существ, которых называли гипотетиками. Люди присвоили этой планете множество возвышенных мифологических или сухо научных имен, но в обиходе она звалась попросту Новым Светом на всех ста с лишним земных языках, или опять же Экваторией — по названию самого густозаселенного континента. Все это Айзек знал от своих учителей.

Он жил в поселке, состоявшем из кирпичных и глинобитных строений, вдали от городов. Кроме него, ни одного ребенка в поселке больше не было. Люди, с которыми он жил, предпочитали селиться вдали от мира. Они были особенными, не такими, как все. В чем состояло их отличие, они затруднялись объяснить. Айзек тоже был особенным. Так ему часто говорили. Но самому ему не очень-то в это верилось. Он не чувствовал себя каким-то особенным. Скорее наоборот — самым что ни на есть обыкновенным.

Иногда взрослые, особенно доктор Двали и миссис Рэбка [1], спрашивали, не одиноко ли ему. Нет, он не страдал от одиночества. Ему всегда было чем заняться: чтением, просмотром видеотеки. Он учился и усваивал знания в своем собственном ритме — размеренном и неторопливом. (Как он догадывался, это по каким-то причинам огорчало его наставников.) Книги, фильмы и уроки занимали все его время, а когда их почему-либо не было — оставался сам мир экваторианской пустыни. Мир, сделавшийся его безмолвным и бесстрастным другом: серо-зеленые и коричневые горы, обступавшие безводную равнину, вздыбленный ландшафт из скал и песка. Здесь мало что росло — дожди бывали только в начале весны, да и то нечасто. В сухих оврагах попадались непритязательные растения с прозаическими названиями: огурец бочковатый, вьюн кожистый. Во внутреннем дворе поселка были высажены образцы местной флоры — нахохлившиеся кактусы с фиолетовыми цветами, высоченные вечносерки, улавливающие влагу из воздуха, чьи соцветия напоминали паутину. Иногда старик по имени Радж поливал этот сад из помпы, труба которой уходила глубоко в землю. Воздух тогда наполнялся стойким запахом минерализованных вод, и он

был слышен за километры. В дни полива горные землеройки принимались рыть норы под оградой и уморительно кувыркаться на плитках двора.

В начале того лета, когда Айзеку еще не было двенадцати, его дни текли умиротворенно-однообразно, как и все прежние годы. Но однажды это дремотное блаженство было нарушено появлением в поселке старушки, пришедшей из пустыни.

* * *

Самое удивительное, что она пришла сюда пешком.

В тот день Айзек решил немного прогуляться. Он дошел до предгорий и забрался на гранитный уступ, возвышавшийся над пустыней, как нос корабля над поверхностью моря. Полуденное солнце раскалило горы до палящего, обжигающего жара. Айзека спасали от солнца только широкополая шляпа и белая хлопчатобумажная рубашка. Он присел под кромкой скалы, где еще оставалась тень, и стал смотреть на горизонт. В глазах рябило от ходящего волнами горячего воздуха. Одиноко и неподвижно он качался на этих волнах, ощущая себя никем среди ничейных каменных морей, когда появилась она. Вначале показалась точка на немощеной дороге, ведущей к далеким городам, куда взрослые ездили за едой и всякими хозяйственными мелочами. Она двигалась медленно — или так ему казалось издали. Прошел почти час, прежде чем Айзек сообразил, что это женщина. Потом рассмотрел, что это довольно старая женщина с рюкзаком на плечах, в белой накидке и шляпе, идущая уверенной, но странной, какой-то кукольной походкой, широким шагом.

Дорога проходила совсем рядом со скалой, почти под ней, и Айзек, не желая быть замеченным, — хотя он сам не смог бы сказать почему, — скользнул за валуны и пригнулся, как только старушка приблизилась. Он закрыл глаза и представил себя под толщей земли, на которой он сидел. Ступни старухи щекотали кожу пустыни, как жук, ползущий по телу спящего великана. И следом возникло еще одно ощущение — спящего где-то глубоко под землей на западе и ворочающегося во сне огромного бегемота.

Женщина замедлила шаг у кромки скалы, словно приметила мальчика в его укрытии. Айзек не мог не расслышать перемены в ее шаркающей походке. Хотя, может, она просто решила на ходу попить воды из фляги? Айзек замер без движения — этим умением он владел в совершенстве.

Шаги возобновились. Айзек осторожно выглянул наружу. На песчаной тропинке, ведущей к утесу, были хорошо заметны его петляющие следы. Но старушка ушла уже далеко. В полуденном свете ее ноги отбрасывали карикатурно кривые тени. Как только он посмотрел ей вслед, она тотчас остановилась и оглянулась. На секунду их глаза словно встретились. Айзек тут же нырнул обратно. Неужели она его все-таки заметила?.. Он был поражен быстротой и прицельностью ее взгляда. Он долго еще отсиживался в своем укрытии. Солнце уже клонилось к вершинам гор. Он прятался не столько от старушки, сколько от себя самого, как рыбка в заводи своих мыслей и воспоминаний.

Старушка остановилась перед оградой поселка и немного помедлила, прежде чем раскрыть ворота. До самого наступления сумерек Айзек вглядывался, не выйдет ли она обратно, но она все не выходила. Значит, она останется? Доктор Двали в таких случаях представлял Айзека всем новым жителям. Наверное, представит и сейчас. Возможно, за ужином.

В поселок очень редко приходили посторонние. А те, что приходили, обычно оставались.

Айзек принял ванну, переоделся и пошел в столовую.

* * *

Каждый вечер здесь собиралась вся община, все тридцать человек. Завтраки и обеды каждый готовил себе сам, когда пожелает. А вот ужины по традиции были сущими — всегда многолюдными и шумными.

Айзеку нравилось слушать разговоры взрослых, хотя он мало что в них понимал, если только речь не шла о самых простых вещах: чья очередь ехать в город за продуктами, как починить или подправить крышу. Но чаще, поскольку почти все взрослые были учеными-теоретиками, разговор касался абстрактных материй. Детали этих дискуссий Айзеку почти ничего не говорили, но он каким-то образом улавливал общий смысл. Говорилось о времени, о звездах, о гипотетиках, о биотехнологиях, эволюции и трансформации. Хотя все эти беседы обычно вертелись вокруг понятий, ему недоступных, за ними ощущалось присутствие чего-то особенного, высокого. Споры о том, стоит ли называть гипотетиков «они» и говорить о них как о мыслящих существах, или же это стихийный физический процесс огромных масштабов, нередко переходили в ожесточенные дебаты. Философские концепции яростно атаковались и защищались, словно укрепленные рубежи, словно и недоступной

близости разбиралась и снова собиралась Вселенная.

Но сегодня было непривычно тихо. За ужином присутствовала новая персона — старушка из пустыни. Айзек, пристроившись между доктором Двали и миссис Рэбка, украдкой наблюдал за ней. Она же как будто не обращала на него никакого внимания. Как только представился случай, Айзек постарался получше ее рассмотреть.

Она была еще старее, чем ему показалось вначале. Темнолицая, морщинистая, с глубоко запавшими, но ясными и светлыми глазами. Волосы жидковатые, коротко остриженные. Руки бледные, исхудавшие — казалось даже, ей не так-то просто справляться с ножом и вилкой. Она сменила прежний пустынный наряд на другой — примерно такой же, как у остальных обитателей поселка: джинсы и бледно-желтая рубашка. На ней не было никаких украшений. На сгибе локтя виднелся кусочек ткани, прихваченный хирургическим бинтом, — стало быть, миссис Рэбка, исполнявшая в поселке обязанности врача, уже взяла у нее анализ крови. Таково было правило для всех новоприбывших. И как только ей удалось отыскать вену в этой засохшей руке? Зачем вообще нужны анализы крови, думал Айзек? Что с их помощью узнают, и удалось ли миссис Рэбка и теперь узнать то, чего она хотела?

Гостье не уделялось особенного внимания. Она принимала участие в общей беседе, но беседа эта была как бы ни о чем, словно никому не хотелось посвящать незнакомку ни в какие здешние тайны, пока ее не признают вполне своей, не поймут и не удостоверятся, кто она такая. И только когда с ужином было покончено, а на длинном столе появилось несколько кофейников, доктор Двали представил ей Айзека.

— Айзек, это Сьюлин Муа. Она проделала огромный путь, чтобы познакомиться с тобой.

Мальчик, потупившись, смотрел в стол.

«Огромный путь? Со мной?..»

— Привет, Айзек, — сказала женщина. Он ожидал услышать какое-то хриплое карканье, а вместо этого услышал ласковый, хоть и чуть жестковатый, но главное — он сам не мог понять откуда — *знакомый* голос.

— Здравствуйте, — сказал он, по-прежнему избегая ее взгляда.

— Зови меня Сьюлин, ладно?

Он осторожно кивнул.

— Думаю, мы подружимся, — сказала она.

* * *

Конечно, он не сразу рассказал ей о своей способности, недавно обнаружившейся, угадывать стороны света с закрытыми глазами. Он ни с кем этим не делился — ни со строгим доктором Двали, ни с куда более мягкой миссис Рэбка, боясь, что это тотчас же станет предметом расспросов и тестов.

Новая жительница поселка, Сьюлин Муа, взяла за правило приходить к нему каждый день после уроков перед ланчем. Вначале эти визиты вызывали у него нешуточный страх. Он был стеснителен и побаивался возраста Сьюлин, зримых примет ее старости. Но она держалась с ним неизменно дружелюбно и деликатно, относилась с пониманием к его неразговорчивости, почти не задавала — в отличие от всех — неловких и назойливых вопросов.

Как-то раз она спросила:

— Тебе нравится твоя комната?

Он предпочитал одиночество, поэтому ему выделили собственную комнату — маленькую, зато не перегруженную мебелью, — на втором этаже восточного крыла самого большого из четырех домов. Ее окно выходило в пустыню. Айзек попросил поставить себе письменный стол у окна, а кровать — у противоположной стены. Ему нравилось держать открытым окно по ночам, чтобы ощущать, как сухой ветер касается простыни и кожи. Он любил запах пустыни.

— Я выросла в пустыне, — сказала Сьюлин. Косой луч солнца из окна освещал ее сбоку. Рука, щека и ухо казались вырезанными из пергамента. Она говорила почти шепотом.

— Здесь?

— Нет, не здесь. Но в очень похожей пустыне.

— А почему вы оттуда уехали?

— Хотелось побывать в других краях, — сказала она, улыбнувшись. — Тогда мне это казалось важным.

— А теперь вы будете жить здесь?

— Да. Теперь да.

Она нравилась ему, но ему было по-прежнему не по себе от ощущения того, что есть вещи, которые нельзя ни с кем обсуждать. Он ничего не мог с этим поделать. Поэтому просто сказал:

— Я не знаю, чего вы ждете от меня. Но, боюсь, что не смогу вам дать этого.

— А чего, по-твоему, я жду?

— Не знаю. Все от меня чего-то ждут. И доктор Двали, и остальные. Раньше они меня все время спрашивали, что я думаю, что чувствую, просили объяснить разные вещи в книжках… Но им не нравились мои ответы.

(В конце концов его перестали расспрашивать. Как и брать у него анализы крови и предлагать всякие психологические тесты.)

— Для меня ты хорош таким, какой есть, — сказала Сьюлин.

Ему хотелось ей верить. Но он ее не знал. Она преодолела пустыню, не испугавшись ни жары, ни насекомых на раскаленных камнях, и все ради него. Зачем? Он этого не понимал. И не мог поэтому открыться ей и впустить в свой мир.

* * *

Его учителями были все взрослые в поселке. Некоторые относились к нему более внимательно и терпеливо, некоторые — менее. Миссис Рэбка учила его основам биологии, мисс Фишер — географии Земли и Нового Света, мистер Ноуотни рассказывал о небе, о звездах, об отличии звезд от планет. Доктор Двали занимался с ним физикой: наклонные плоскости, закон обратных квадратов, электромагнетизм. Айзек помнил, с каким изумлением в первый раз увидел, как магнит притягивает ложку. Вся планета обладает силой притяжения, а какую роль играет в этой ее силе каждый отдельный камешек? Айзек только-только начинал понимать смысл ответов доктора Двали.

Прошлым летом доктор Двали показывал ему компас. Он сказал, что планета — это тоже магнит, ее сердцевина, состоящая из железной руды, ведет себя как вращающийся сердечник, этим и объясняется существование силовых линий, ионосферы, защищающей от губительного солнечного излучения, полюсов — северного и южного. Айзек попросил дать ему на время компас. Это была внушительных размеров военная модель земного изготовления. Доктор Двали охотно согласился.

Поздно вечером у себя в комнате Айзек поставил компас на стол и повернул его так, чтобы красный конец стрелки совпал с буквой «N». Затем закрыл глаза и принялся кружиться. Остановившись, подождав, пока пройдет головокружение, и не открывая глаз, он явственно услышал послание мира, ощутил собственное положение в нем — ориентацию, разрядившую непонятное внутреннее напряжение. Тогда он поднял руку и открыл глаза, чтобы удостовериться, куда она указывает. Ему открылось многое, больше не имевшее отношения к физике.

Три вечера подряд он с успехом повторял этот опыт. И каждый раз оказывалось, что его рука указывает практически туда же, где находится буква «W» на компасе.

Он делал так множество раз, еще и еще.

* * *

Должен был вот-вот начаться ежегодный метеоритный дождь. Айзек решился наконец поделиться со Сьюлин Муа своим невероятным открытием, не дававшим ему покоя.

Метеоритный дождь бывал в конце августа — в этом году он ожидался 34-го числа (месяцы в Новом Свете носили по традиции те же имена, что земные, но были чуточку подлинней). На западном побережье Экватории август означал окончание бархатного сезона. Рыболовные суда доставляли последний улов с северных промыслов, чтобы успеть вернуться в Порт-Магеллан до начала осенних штормов. Здесь, в пустыне, августовская пора приносила с собой разве что ночную прохладу. Времена года в пустыне Айзек определял по характеру ночи, поскольку дни почти не отличались друг от друга, а вот ночи зимой бывали колючими, пронизывающе-холодными.

Постепенно Айзек подружился со Сьюлин Муа. Не то чтоб они больше стали разговаривать или говорить о чем-то важном. Сьюлин была такой же немногословной, как и Айзек. Но она сопровождала его в прогулках по горам, демонстрируя ловкость, никак не вязавшуюся с ее возрастом. Она двигалась не спеша, зато преодолевала подъемы не хуже, чем Айзек, и могла просидеть за компанию с ним час или больше, не шелохнувшись. У него никогда не возникало впечатления, что она делает это по обязанности или по какому-то заранее продуманному плану. Просто она таким образом разделяла с ним радость его одиноких прогулок.

Айзек подумал, что если она, как говорит, прибыла в Экваторию всего несколько месяцев назад, то никогда не видела еще метеоритного дождя. Сам он был большим любителем этого зрелища, и ему хотелось, чтобы и она смогла полюбоваться им с самой выгодной точки обзора. Доктор Двали (так, кажется, до конца и не принявший Сьюлин) неохотно это позволил, и 34-го августа они с ней взобрались на ту самую плоскую скалу, с которой он впервые увидел ее на горизонте, подернутом горячей дымкой.

Тогда был полдень, а сейчас уже вечер. Луна Нового Света была меньше и двигалась быстрее, чем земная. К тому времени, как Айзек и Сьюлин добрались до своей смотровой площадки, она уже успела описать полный круг. У обоих в руках были фонарики, на обоих — сапоги по колено и рейтузы на случай встречи с ящерицами, которые часто грелись здесь на гранитных откосах, отдающих накопленное за день тепло. Айзек внимательно обследовал место и не нашел ничего опасного. Он уселся на

камне, скрестив ноги. Сьюлин, чуть помедлив, приняла ту же позу. Ее лицо было безмятежным, замершим в спокойном ожидании. Они выключили фонарики, и их обступила тьма. Небо было густо усеяно звездами. Этим звездам никто не давал официальных названий, хотя астрономы и снабдили их каталожными номерами. Звезды роились на небе, словно мошкара. Айзек знал, что каждая из них — это солнце. Многие озаряют своим светом никем не виданные ландшафты — может быть, пустыни вроде этой. А между звездами — он знал это — живет и дышит нечто. Живет своей безграничной, неспешной, холодной жизнью, в которой человеческое столетие укладывается в один миг.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказал Айзек.

Он не видел лица Сьюлин в темноте, и от этого ему было легче начать разговор. Произнести эти слова, будто двигая языком камни.

— Ты уверен?

— Чтобы изучать меня.

— Нет. Если я что и изучаю, то небо, мир… Но только не тебя.

Как и все в поселке, она интересовалась гипотетиками, неведомыми существами, вершащими судьбы неба и земли.

— Вы пришли из-за того, что я такой.

Она приподняла голову и ответила:

— Да, это правда.

Он стал рассказывать ей о своем чувстве сторон света. Сперва запинаясь, потом — заметив, что она не переспрашивает — более доверчиво. Он пытался предупредить вопросы, на которые, возможно, придется отвечать. Давно ли он обнаружил у себя этот странный дар? Точно он не помнил — но в этом году, несколько месяцев назад. Поначалу он не придавал этому значения. Просто ему нравилось, например, заниматься в библиотеке, где его стол тоже стоял у западной стены, — в этой библиотеке не было окон, и он понял это только после своих опытов с компасом. Завтракал и обедал он тоже всегда в одном и том же месте, у самой двери столовой. Он передвинул свою кровать — так, чтобы можно было лежать, глядя на запад. Так ему намного лучше спалось. Он чувствовал, что не теряет контакта… с *чем?.,* —этого он и сам бы сказать не смог.

Где бы он ни находился, ему всегда хотелось смотреть в одну сторону. Это не было каким-то болезненным наваждением — просто тихим зовом, на который при желании можно было не обращать внимания. Все остальные стороны света ничем не отличались друг от друга. А эта — отличалась.

— Ты и сейчас смотришь туда? — спросила Сьюлин.

Она была абсолютно права — хотя, если бы она не спросила, он сам об этом и не задумался. Потому ему так нравился этот уступ, отвернутый от гор к западу, к непроглядно темной пустыне.

— На запад, — сказала Сьюлин. — Тебе нравится смотреть на запад.

— Чуть-чуть северней.

Вот и все. Тайна разоблачена. Больше сказать ему было нечего. Он слышал, как Сьюлин пытается устроиться поудобнее на камне. Как вообще люди живут в таком возрасте? Должно же все невыносимо болеть у них. Но если Сьюлин и трудно было двигаться, она ничем этого не выдавала.

— Ты был прав насчет звездопада, — сказала она после долгого молчания. — Это здорово.

Начался метеоритный дождь.

Айзека зачаровывало это зрелище. Доктор Двали рассказывал ему о метеоритах — что это никакие не звезды, а сгорающие в атмосфере каменные обломки, осколки комет, тысячелетиями кружившие вокруг солнца Нового Света. Но все такие объяснения только добавляли очарования метеоритным дождям: В их ускользающих огнях ему чудились какие-то отголоски древней космогонии. Эти небесные пути были проложены задолго до того, как сама планета родилась на свет (или, если верить взрослым, была создана гипотетиками), их ритмы сложились за время жизни множества поколений, множества видов. Искры мчались в зените с востока на запад. Айзек вслушивался в шепоты ночи.

Он был заворожен этим зрелищем, тут Сьюлин встала и обернулась назад, к горам.

— Посмотри, что это? Кажется, там что-то падает.

Это походило на светящийся дождь, на грозу, спускающуюся с вершин, — в горах иногда бывали грозы, — только свечение было сплошным, непрекращающимся.

— А раньше так бывало? — спросила Сьюлин.

— Нет, — сказал Айзек.

Не бывало. Никогда.

— Тогда, пожалуй, нам лучше собираться.

Айзек встревоженно кивнул. Не то чтоб его напугали эти огни — ну подумаешь, гроза и гроза, если это и вправду гроза, — но в них крылось что-то, значение чего он не мог объяснить, что было связано с тем огромным и безмолвствующим, что жило под Руб-эль-Хали [2]— под Пустынным Краем далеко на западе, на который был нацелен его внутренний компас. Они пошли к поселку быстрым шагом (Айзеку казалось, что Сьюлин вряд ли

сможет бежать). Меж тем вершины гор на востоке вначале озарились, потом вновь утонули в волнах необычного смутного свечения. К тому времени, как они дошли наконец до ворот, метеоритный дождь уже был не виден. С неба посыпалась какая-то пыль. Фонарик Айзека выхватывал из темноты пятно, все более и более сужающееся.

Айзек подумал и спросил:

— Это не снег?

Снег он видел в фильмах.

— Нет, это не снег, — ответила Сьюлин. — Больше похоже на пепел.

От завесы пыли исходил удушливый сернистый запах. Так, наверно, — подумал Айзек, — пахнут умершие звезды.

Миссис Рэбка ждала у дверей. Она схватила Айзека с такой силой, что ему стало больно, и втолкнула его внутрь. Он ошеломленно посмотрел на нее обиженным взглядом: миссис Рэбка никогда не делала ему больно. Никто из взрослых никогда не делал ему больно. Миссис Рэбка, казалось, не придала этому никакого значения. Она не выпускала его из рук, твердя: «Я так боялась, что с тобой случится что-нибудь… из-за этого… из-за этого…» Больше она ничего не могла выговорить.

Доктор Двали слушал в столовой передачи из Порт-Магеллана, огромного города на восточном побережье Экватории. Сигнал передавался через горы с помощью аэростатов. Доктор Двали говорил, что связь очень неустойчивая, но в Порту происходит то же самое: лавинообразное выпадение осадков, похожих на пепел. В городе началась паника. Потом сообщение прервалось, возможно, отказали аэростаты.

Миссис Рэбка настояла, чтобы Айзек отправился к себе в комнату. Взрослые о чем-то спорили внизу. Он не спал — и мысли не было, чтобы уснуть. Он сидел у окна, за которым не было видно ничего, кроме серого пятна, которое высвечивал на асфальте сквозь пепельную завесу его налобный фонарик, и слушал, как звучит ничто. Слушал тишину, вопреки всему говорившую с ним и исполненную смысла.

ГЛАВА 2

Днем 34-го августа Лиза Адамс направлялась к маленькому загородному аэродрому. Ее охватывали два чувства: неприкаянности и свободы.

Она сама не могла до конца разобраться в этом странном ощущении. Может, все дело в погоде? В конце августа в Экватории обычно стояла жара, порой невыносимая, а сейчас с моря дул прохладный ветерок, и небо было пронзительно-синим. Именно с таким небом у нее ассоциировалась Экватория — бездонным и словно более взаправдашним, чем задымленное и бледное небо Земли. Но такая погода держалась уже несколько недель. Просто сейчас она как нельзя более отвечала душевному состоянию Лизы.

«Наконец я свободна, — думала Лиза. — Свободна как пташка». Позади — замужество, только что вступившее в силу decree nisi [3], глупость, которой удалось избежать… и предстоящая встреча с человеком, не будь которого, она бы повела себя куда глупее. Но за всем этим стояло и нечто гораздо большее. Болезненные нити, привязывающие будущее к прошлому, должны были вот-вот разорваться. Вопрос, столько лет мучивший ее, был теперь на грани разрешения. Это ее неприкаянность. Самая настоящая. Так бывало с ней, может, всего раз или два в жизни.

Освободившись от мужа, она поселилась в небольшой квартирке в южной части Порт-Магеллана. Прибрежные равнины были застроены фабриками и заняты фермерами, но часть побережья все же оставалась нетронутой. Выглядела она как степь, заросшая перистыми травами. Пойменные луга подступали к прибрежным горам. Еще задолго до аэродрома «Эранджи», куда она направлялась, в воздухе показались маленькие самолетики, спешащие туда и обратно. Длины полосы в «Эранджи» хватало только для частных винтовых самолетов. Все, что на ней могло приземлиться или с нее взлететь, относилось к одной из двух категорий: это либо хобби богачей, либо средство заработка для людей победнее. В «Эранджи» приезжали те, кому нужно было ненадолго снять ангар, слетать на экскурсию к ледникам, срочно добраться в какой-нибудь городишко вроде Костяной Бухты или Могилы Кубелика. Смышленые клиенты обращались к Турку Файндли: он специализировался на дешевых чартерных рейсах уже бог весть сколько и знал пожелания клиента еще до того, как они у того возникали.

Лиза однажды уже летала с Турком. Но сейчас она ехала к

нему не за этим. Турк имел некое отношение к фотографии в коричневом конверте, что находилась у нее в бардачке.

Она припарковалась на площадке, посыпанной галькой, выбралась из машины и постояла, прислушиваясь к жужжанию насекомых в горячем воздухе. Затем направилась к задней двери внушительного, крытого железом сарая, похожего на перестроенный коровник, — он служил в «Эранджи» пассажирским терминалом. Чартерный бизнес Турка имел офис тут же, в углу сарая, с согласия владельца аэродрома Майка Эранджи, который получал за это часть прибыли от доходов Турка. Турк рассказывал ей об этом прежде, когда у них было достаточно времени, чтобы поговорить.

Здесь не нужно было проходить никакого досмотра. Турк соорудил себе кабинку с тремя стенами, так что Лиза просто вошла и покашляла — вместо стука. Он сидел за столом, заполняя какие-то бумаги — судя по всему, отчеты для Временного Правительства ООН, она успела разглядеть голубой логотип вверху. Расписавшись на последнем листке, он поднял глаза.

— Лиза!

Его улыбка выглядела, как всегда, искренней и обезоруживающей. Ничего похожего на упрек или укор во взгляде. («Почему ты не отвечала на мои звонки?..»)

— Ты сейчас занят?

— А я похож на занятого человека?..

— Во всяком случае, на человека, у которого полно работы.

Она была совершенно уверена, что ради встречи с ней он отложит все, что можно отложить. Слишком долго она не давала ему шанса увидеться. Он встал из-за стола и обнял ее — сдержанно, но чувственно. Она на секунду опьянела от его запаха. Турку было тридцать пять — на восемь лет больше, чем Лизе, — и он был выше нее на целый фут.

Она постаралась не позволить себе слишком разволноваться от этого объятия.

— Всякие бумаги, — сказал он. — Извини, не обращай внимания.

— Ничего страшного, — ответила Лиза.

— Для начала скажи, ты по делу? Или просто так?

— По делу.

— Понял, — кивнул Турк. — Куда летим?

— Пока никуда. Это не имеет отношения к полетам. Мне нужно с тобой кое о чем поговорить, если ты не против. Может, сходим куда-нибудь поужинать? Я угощаю.

— С радостью, но угощаю я. Это по поводу твоей книги? Не

представляю, чем бы я мог быть тебе полезен?

Ей стало приятно, что он помнит ее россказни о книге, тогда как никакой книги не существовало.

Приземляющийся самолет прогрохотал по полосе буквально в нескольких метрах от ангара. Стены кабинки Турка защищали от шума не больше, чем настежь распахнутая дверь. Лиза окинула взглядом его стол. Посреди бумаг стояла керамическая чашка, оставившая на них жирные отпечатки кофе. Должно быть, у него с самого утра и времени не было кофе попить. Когда шум утих, она сказала:

— Именно ты сейчас можешь мне помочь. Особенно, если бы мы могли пойти в какое-нибудь более тихое место…

— Разумеется. Я оставлю ключи Полу.

— Даже так? — Она не переставала удивляться манере людей «с фронтира» вести бизнес. — Не боишься потерять клиентов? Клиенты, если что, оставят записку. Я же вернусь, гак или иначе. Да и вообще на этой неделе дела идут неважно, так что ты удачно выбрала момент… Как насчет «Харлейз»?

«Харлейз» был одним из самых престижных ресторанов Порта в американском стиле.

— Тебе это по карману?

— Ничего, посчитаем это накладными расходами. Мне тоже нужно кое о чем тебя спросить. Услуга за услугу.

«Что бы это значило…»

— Хорошо, договорились.

Ужин в «Харлейз» — это было и много больше, и много меньше того, что она ожидала. Она приехала в «Эранджи» из тех соображений, что явиться собственной персоной все же предпочтительнее телефонного звонка, учитывая, сколько времени прошло с их последней встречи. Нечто вроде извинения без слов. Но если он и обижался на то изменение в отношениях, что произошло между ними (хотя и «отношениями» это можно было назвать только с натяжкой, и даже дружбой), то, во всяком случае, никак этого не показывал. Она настраивала себя на то, чтобы сосредоточиться на деле. Том деле, ради которого она приехала. Двенадцать лет назад в ее жизни стряслось нечто ужасное, и ей необходимо было найти этому объяснение.

* * *

У Турка была своя машина, стоявшая тут же, на аэродроме. Они договорились встретиться в ресторане через три часа, ближе к вечеру.

Дорога была сравнительно свободной. Чем больше разрастался Порт-Магеллан, тем больше в нем появлялось машин, и отнюдь не только дешевых легковушек южно- азиатского производства и скутеров (которые были у всех поголовно). Когда Лиза проезжала через доки, ее зажали с обеих сторон два тягача и сопровождали большую часть пути. Тем не менее добралась она вовремя. Парковка у ресторана оказалась забита, что было необычно для вечера среды [4]. «Харлейз» славился своей кухней, но посетители платили не за это: ресторан располагался на самой вершине горы, откуда был виден весь Порт-Магеллан.

Почему первые поселенцы основали город именно здесь, нетрудно было понять. Самая большая естественная бухта на побережье, расположенная ближе всех к Арке, соединяющей Новый Свет с Землей. Благодатные низовья на побережье давно уже были перенаселены, и Порт разросся до подступов окружающих гор. Застраивался он как попало, на градостроительные кодексы Временного Правительства никто не обращал внимания. Но «Харлейз», целиком состоящий из дерева и стекла, как раз соответствовал всем правилам.

Лиза расписалась в книге посетителей и прождала в баре около получаса. Наконец послышалось пыхтение раздрызганного авто Турка. Лиза видела в окно, как он захлопывает дверцу и направляется к дверям в сгущающихся сумерках. Его одежда весьма отличалась от одежды большинства посетителей «Харлейз», но швейцар тотчас узнал его и поприветствовал. Турк часто встречался здесь с клиентами. Он подошел к Лизе, и официант тут же проводил их в кабинет в форме буквы «и», у самого окна. Все остальные столики у окон были уже заняты.

— Модное место, — сказала Лиза.

— Сегодня особенно, — ответил Турк, и в ответ на вопрошающий взгляд Лизы добавил: — Метеоритный дождь.

Ах да. Как она могла забыть! Она пробыла в Порт-Магеллане всего одиннадцать месяцев по местному счету и не успела застать прошлогоднего метеоритного дождя. Для Экватории это было событием особой важности. Сложилась традиция отмечать его как своего рода неофициальную масленицу: захватывающее небесное шоу, происходящее каждый год в одно и то же время, само по себе давало повод для праздника. Лиза провела часть детства в Экватории и помнила, как это выглядит. Впрочем, пик метеоритного дождя приходился на третью ночь. Сегодня ожидалось только его начало.

— У нас отличные места, чтобы не пропустить увертюру, — сказал Турк. — Через пару часов, когда стемнеет, они погасят свет. Можно будет перебраться во двор. Отсюда вообще всегда

здорово этим любоваться.

Небо светилось лучезарной синевой, чистой, как студеная вода. Метеориты пока не появлялись. Город расстилался внизу, тая в волшебных отсветах заката. Лиза видела факелы нефтеперерабатывающих заводов в промзоне, силуэты церквей и мечетей, подсвеченные щиты на Рю де Мадагаскар с рекламой фильмов (на хинди), зубной пасты «Пять трав» (на фарси), сетевых отелей. Круизные теплоходы в гавани зажигали огни. Это было и вправду здорово — как если прикрыть глаза и думать о чем-нибудь приятном. Когда-то на Лизу все это производило впечатление настоящей Страны Чудес. Но теперь уже не трогало так, как прежде.

— Как твои дела? — спросила она.

Турк пожал плечами.

— Летаю, плачу за аренду, веду переговоры. А какие еще у меня могут быть дела? Жизненные цели — это не про меня.

«Это у тебя цели», — словно бы прибавил он. Самое время перейти к делу, ради которого она сюда приехала. Она потянулась за сумочкой, когда официант принес воду со льдом. Проглядев наскоро меню, она заказала себе паэлью из местных морепродуктов с сезонными специями и привозным шафраном. Турк попросил себе бифштекс, желательно хорошо прожаренный. Вот уже лет пятнадцать как самым распространенным земным животным в Экватории был азиатский буйвол. Так что теперь не было проблемы заказать бифштекс из свежего мяса.

— Почему ты не позвонила? — спросил Турк, когда официант отошел.

Со времени их тесного знакомства. — той вылазки в горы, после которой было еще несколько встреч урывками, — он иногда звонил ей. Сперва Лиза откликалась на эти звонки со всем пылом, потом звонила скорее по привычке, позднее — когда устоялось чувство вины — и вовсе прекратила звонить. «Да, все понимаю, прости, но у меня уже два месяца столько работы…»

— Нет, я имею в виду — сегодня. Можно же было и не ехать в «Эранджи», чтобы просто пригласить на ужин. Достаточно было позвонить…

— Я думала, это будет… более формально.

Он ничего не ответил, и Лиза заговорила с большей откровенностью:

— Мне хотелось увидеть тебя. Убедиться, что между нами… все по-прежнему в порядке.

— Я все понимаю, Лиза. Дома хорошо одно, в горах — другое. Я сделал вывод, что у нас с тобой…

— То, что хорошо только в горах?

— Мне казалось, ты сама так решила.

— Ну, решаешь одно, а бывает другое…

— А как ты сейчас живешь? — невесело улыбнулся он. — Как с Брайаном?

— Никак.

— Неужели?

— Развелись. Окончательно и официально.

— А что с твоей книгой?

— Проблема не в книге как таковой, в сборе материала.

Она в жизни не написала ни одной книги, да и вряд ли напишет когда-нибудь.

— Но ты же для этого здесь осталась.

Он имел в виду — в Новом Свете. Она кивнула.

— А потом, когда закончишь, — вернешься в Штаты?

— Может, вернусь, может, нет.

— Интересная вещь, — сказал Турк. — Все попадают сюда по разным причинам. Но у одних потом находятся веские причины остаться, у других — уехать. Может, дело в какой-то границе, за которой понимаешь, что тебе на самом деле нужно. Когда впервые сходишь на берег, понимаешь, что ты действительно на другой планете. Воздух не такой, вода не такая, луна не такая и движется не так. В сутках по-прежнему двадцать четыре часа, но в часе не шестьдесят минут. После нескольких недель или месяцев — у кого как — в человеке что-то щелкает. Или он собирает вещи и уезжает, или, наоборот, все становится на места. И все равно время от времени мелькает мысль: не вернуться ли обратно в эти муравейники, в духоту, к этим грязным морям и всем так называемым дарам Земли…

— А с тобой тоже так было?

— Да. Наверное. Примерно так, — ответил Турк.

Официант принес заказы. Они поужинали, болтая о чем-то незначащем. Тем временем небо потемнело, город сверкал огнями. Официант подошел, чтобы убрать со стола. Турк заказал еще кофе.

Лиза собралась наконец с духом и спросила:

— Не посмотришь одну фотографию? Пожалуйста. Пока свет не погасили.

— Да, конечно. Что за фотография?

— Одного человека, который, возможно, летал с тобой. Ориентировочно несколько месяцев назад.

— Ты что, лазила в мои пассажирские декларации?

— Нет! Не я… Ты разве не отчитываешься о рейсах?

— А с чем все это связано?.. Сейчас пока не могу тебе этого объяснить. Посмотришь сперва фотографию, ладно?

Он насупился.

— Хорошо.

Лиза положила сумочку на колени и открыла конверт.

— Но ты ведь тоже хотел меня о чем-то спросить?

— Сначала ты.

Лиза положила конверт на льняную скатерть и подвинула его к Турку. Он вынул снимок. В его лице ничего не изменилось. Помолчав, он сказал:

— Как я понимаю, за этим должна последовать какая-то история?

— Это снимок с камеры наблюдения на пристани, сделанный в конце прошлого года. Увеличенный и отретушированный.

— У тебя есть доступ к камерам наблюдения?

Нет, но…

— Следовательно, он есть у кого-то еще. У кого-то и твоих друзей в консульстве. Или у Брайана и его приятелей.

— Я не могу сейчас говорить об этом.

— Можешь по крайней мере объяснить, — он показал на снимок, — почему тебя интересует… эта пожилая леди?

— Как ты знаешь, я пытаюсь найти всех, кто был так или иначе связан с моим отцом. Она одна из них, и мне очень хотелось бы с ней встретиться.

— А почему именно с ней?

— Ну… этого я тоже пока не могу сказать.

— Отсюда я могу заключить, что все дороги по-прежнему ведут к Брайану. Почему он ею интересуется?

— Брайан работает в Генетической Безопасности. Я там не работаю. Хочешь сказать, что Генетическая Безопасность работает на тебя?

— Турк…

— Ладно, бог с ним. Я ничего не спрашивал, ты ничего не отвечала. Понятно одно: кому-то известно, что эта женщина летала со мной. И кому-то из твоего окружения очень хочется ее найти.

— Логично. Но я не «кто-то». Что бы ты ни сказал или не захотел сказать кому-то в консульстве — дело твое. А все, что ты скажешь мне, останется только между нами.

Он взглянул на нее, как бы взвешивая ее слова. А почему, собственно, подумала Лиза, он должен ей доверять? Что она сделала, чтобы заслужить его доверие? Если не считать того, что спала с ним в те феерические выходные?

— Да, — сказал он наконец. — Она летала со мной.

— Спасибо… Расскажи, пожалуйста, кто она? Где она может быть сейчас? Она тогда говорила с тобой о чем-то?

Турк откинулся на спинку стула, Как он и обещал, свет начал гаснуть. Двое официантов раздвинули массивные стеклянные двери, ведущие во дворик. Небо было ясным, полным звезд, слегка засвеченным по краю огнями Порта, и все равно у себя в Калифорнии Лиза никогда не видала такого глубокого чистого неба. Не начался ли уже метеоритный дождь? Она заметила несколько ярких вспышек в зените.

Турк даже не глядел на небо.

— Можно, я немного подумаю над твоими вопросами?

— Я не прошу тебя разглашать никаких секретов. Просто…

— Я все понимаю. Понимаю, зачем тебе это нужно. Но мне надо кое-что обдумать, если ты не против.

— Конечно. — Ей не хотелось давить на него. — А ты о чем хотел спросить?

— Тут такая странная штука. Я подумал, может, ты что-нибудь об этом знаешь из тех источников, которые предпочитаешь не называть. Я посылал на утверждение график полетов на Дальний Запад. Сегодня утром пришел ответ из Управления авиации. Как раз когда ты приехала. Мне запретили туда летать. Днем я не сумел ни до кого дозвониться, все были в рейсах, потом выяснил. Похоже, что всем запретили полеты в Рубэль-Хали.

— А почему?

— Это мне и хотелось бы узнать.

— Это временный запрет или постоянный?

— Понятия не имею.

— А кто подписал приказ? От кого это исходит?

— Ты же знаешь, в правительстве никто ни за что не сознается, что от кого исходит. Я обошел сегодня добрый десяток кабинетов. Как и другие летчики, которые летают на Запад. Не хотелось бы видеть в этом дурной знак, но все-таки странно. Почему весь Запад должен стать запретной зоной? Только регулярные рейсы к нефтепромыслам и остались. Дальше за ними нет ничего, кроме скал и песка. Туда летают только всякого рода странники-пустынники. Они и были моей основной клиентурой. Не понимаю…

Лиза была бы и рада отблагодарить Турка хоть чем-то. Лаже если б это были просто сплетни из консульства. Но она действительно впервые слышала о таком запрете. Знакомств в американском консульстве у нее хватало. Например, Ларри, начальник Брайана. Хотя сам Брайан, в конце концов, работал даже не в самом консульстве, а в местном отделении УГБ. Да, вообще, во Временном Правительстве у США право только совещательного голоса.

— Я постараюсь что-то выяснить, — сказала она.

— Заранее спасибо. Ну ладно… Как у тебя самой-то дела? Сейчас по крайней мере получше?

— Получше, — неохотно согласилась Лиза.

— Тогда как ты смотришь на то, чтобы допить наш кофе по дворе, если там еще найдется столик?

* * *

Три месяца назад она летала с Турком в городок за Мохиндарскими горами на окраине нефтепромыслов, зовущийся Могила Кубелика. То был сугубо деловой полет. Ей хотелось разыскать давнего знакомого отца по имени Двали. Но до Кубелика они так и не долетели тогда. Шквальный ветер погнал самолет в ущелье. Турку пришлось садиться на безымянном озере посреди скал, окутанных облаками, клубившимися, как пушечный дым. Он вывел самолет на каменистый берег и соорудил на удивление удобное жилище под деревьями, которые напоминали Лизе сосны с раздувшимися словно луковицы стволами. Ветер не унимался три дня. Была непроглядная темнота: шаг из-под тента — и тебя уже не видно. Турк оказался неплохим плотником, и у него имелся аварийный запас — когда забаррикадируешься от разгула стихии, полагаясь только на печку и походный фонарик, и консервы покажутся сказкой. При других обстоятельствах это было бы просто трехдневным испытанием на выносливость, но с Турком им было хорошо вместе. Она не собиралась его соблазнять, как (она была уверена) — и он ее. Влечение было внезапным, одинаково сильным с обеих сторон и в их ситуации более чем понятным.

Они рассказывали друг другу о себе и согревали друг друга, когда замерзали от ветра. Лизе казалось тогда, что все, чего ей хочется, — это завернуться в Турка Файндли, как в одеяло, и укрыться от всего остального мира. И если б ее спросили, верится ли ей самой, что она стоит на пороге чего-то большего, чем просто нежданное приключение, — она бы ответила: «Да. Наверное, да».

Она собиралась и дальше встречаться с ним, после того как они вернулись в Порт. Но у Порта есть обыкновение гасить самые лучшие порывы. Все, что не имело никакого значения под тентом в Мохиндарских горах, дало о себе знать по возвращении, обернувшись обычной рутиной и ненужными осложнениями. К тому времени расставание с Брайаном казалось ей свершившимся фактом, хотя на мужа порой нападали настроения: «давай-

начнем-все-сначала». Она верила в его искренность, но ничего, кроме новых унижений, им обоим это принести не могло.

Она рассказала Брайану о Турке. Когда Брайан, упрямо стоя на своем, пытался восстановить семейную жизнь, она начинала тяготиться новым для нее ощущением вины: ей казалось, что она просто использует Турка как рычаг, что-то наподобие эмоционального лома, которым она сражается с Брайаном, пытающимся разжечь потухший костер. И после еще нескольких встреч с Турком, нелегко давшихся и ему, и ей, она прекратила поддерживать с ним отношения. Зачем усложнять и без того сложное?

Но теперь у нее в бардачке лежало свидетельство о разводе — decree nisi. Ее будущее было чистой страницей, и ее одолевало искушение начать ее заполнять.

Люди во дворике оживились: метеоритный дождь начался. Лиза подняла голову и увидела три слепяще-белые полосы, перечеркнувшие зенит. Метеориты появлялись из точки, расположенной почти строго на востоке высоко над горизонтом. Не успела она отвести взгляд, как появились еще два, потом еще один, потом — впечатляющая группа сразу из пяти.

Ей вспомнилось то лето в Айдахо, куда отец брал ее с собой наблюдать за звездами. Ей было тогда десять, не больше. Ее отец хорошо помнил время до Спина и часто рассказывал ей о звездах — «какими они были» до того, как гипотетики столкнули Землю на биллионы лет вниз по течению реки времен, — хотя он и сам уже начинал забывать названия созвездий. В ту ночь тоже шел метеоритный дождь — десятки метеоритов, самые крупные из которых задерживал невидимый экран, защищавший Землю от распухшего Солнца, а те, что помельче, сгорали в атмосфере. Они неслись по небу с такой скоростью и так красиво, что у нее перехватывало дыхание.

Совсем как тогда. Фейерверк богов.

— Ух ты! — выдохнула она.

Турк подвинул свой стул ближе к ней. Они сидели рядом и смотрели на небо. Он не сделал ни единого движения, которое бы выдавало его чувства по отношению к ней, и — как она поняла — твердо решил от этого воздерживаться. Наверное, это требовало не меньшего самообладания, чем полеты в горах. Сама она, в свою очередь, тоже старалась не допустить какого-нибудь опрометчивого жеста — но сейчас, когда их тела почти соприкасались, ей было трудно сопротивляться этому особенному, исходившему от него ощущению тепла. Она отхлебнула свой кофе, даже не почувствовав вкуса. Последовала новая волна звездопада.

— Интересно, а они когда-нибудь и в самом деле падают? — спросила Лиза. — Или всегда сгорают?

— Это же просто пыль, — сказал Турк, — как утверждают астрономы. Остатки каких-то комет невесть какой древности.

Но тут ее внимание привлекло кое-что другое.

— А это? — спросила она, указывая ниже, на восток, туда, где темнота неба сливалась с тьмой моря. Ей показалось, что там и вправду происходит что-то новое — уже не метеориты, а вспыхивающие точки, наподобие сигнальных ракет, хотя ей никогда прежде не доводилось их видеть. Океан под ними окрасился оранжевой рябью. Она не могла припомнить ничего подобного за те годы, что провела в детстве в Экватории. — Это тоже просто пыль?

Турк замер, а вместе с ним и кое-кто из людей, сидевших во дворе. Разговоры и смех прекратились, повисла недоуменная тишина.

— Нет, — сказал Турк. — Это не пыль.

ГЛАВА 3

За те десять лет, что Турк провел в Экватории, он тоже не видел ничего подобного.

Но вообще-то, так всегда и бывало здесь. Новый Свет то и дело напоминал, что ты не на Земле. Здесь все было по-другому. Выражение «тут тебе не Канзас» вошло в поговорку, и наверняка на других языках тоже существовали подобные поговорки. Тут тебе не Москва, тут тебе не Шанхай, тут тебе не Момбаса.

— Как по-твоему, это может быть опасно? — спросила Лиза.

Ресторанная публика, очевидно, придерживалась именно такого мнения. Посетители спешили расплатиться с плохо скрываемой нервозностью, и разъезжались. Не прошло и нескольких минут, как в мощеном досками дворике остались только несколько смельчаков.

— Хочешь уехать? — спросил Турк.

— Если ты нет, то я тоже нет.

— Я думаю, здесь не более опасно, чем в любом другом месте, — сказал Турк. — К тому же отсюда вид отличный.

Странное атмосферное явление продолжало висеть над морем и, кажется, начинало приближаться. Оно походило мм светящийся дождь, на подвижное серое облако, пронизанное огнями, — так выглядит гроза, если смотреть на нее издалека, с той только разницей, что свечение было не прерывистым сверканием, а сплошным сиянием, шедшим откуда-то снизу, со стороны колышущейся тьмы. Турку не раз приходилось попадать в шторм, и он легко определил, что облако движется примерно со скоростью ветра. Видно ныло, что светится множество фосфоресцирующих или горящих частиц, роящихся густо, как снег, хотя сам Турк не решился бы на такое сравнение — снегопадов в этой части Экватории не бывало, и он последний раз видел снег мною лет назад на побережье Атлантики, в штате Мэн.

Первое, чего он испугался, — это пожары. Порт-Магеллан представлял собой самую настоящую пороховую почку. Его загромождали дома и лачуги, не отвечающие никаким требованиям противопожарной безопасности. На побережье находилось бесчисленное множество топливных резервуаров и трубопроводов, а в бухте колыхалось не меньшее множество танкеров с нефтью и сжиженным газом, снабжавших топливом ненасытную Землю. С востока надвигалось нечто похожее на плотный рой зажженных спичек, и ему страшно было даже подумать, чем все это может кончиться.

Он не стал делиться с Лизой своими тревогами, наверняка и

она сейчас рисовала в воображении подобные картины. И все же она не поддалась порыву немедленно бежать — видимо, понимая, как и он, что бежать некуда, судя по тому, с какой скоростью движется облако.

Когда свечение коснулось кромки суши в южной оконечности бухты, она напряглась. И тут же сказала:

— А внизу оно темное.

Официанты принялись заносить внутрь столики со двора, словно этим можно было что-то от чего-то уберечь, и торопить оставшихся посетителей перебраться в помещение, пока не выяснится, что происходит. Но Турка здесь хорошо знали и беспокоить не стали. Они с Лизой посидели еще какое-то время во дворе, наблюдая за танцем далеких сполохов над морем.

«А внизу оно темное». Теперь он понял, что она имела в виду. Переливающаяся огнем завеса рассасывалась в темноте, не доходя до поверхности океана. Возможно, она прогорала, не успев достичь воды. Это было хорошим знаком. Лиза достала свой мобильник и принялась читать сводки местных новостей, коротко передавая их содержание Турку. Сообщали о «шторме» — на экранах радаров это выглядело как шторм, — охватившем сотни миль к северу и к югу, с эпицентром приблизительно в районе Порта.

Светящийся дождь поравнялся с мысами и внутренней гаванью, озаряя палубы и мачты стоящих на рейде круизных лайнеров и сухогрузов. Потом силуэты портовых кранов потускнели и расплылись, башни отелей померкли вдали, рынки и базары исчезли в сверкающей пелене, охватывающей склоны холмов и поднимающейся по мере приближения все выше и выше. Но ничто пока не горело. «Это хорошо», — подумал Турк. Потом вдруг он подумал: «А если это что-то ядовитое? Это может оказаться, черт возьми, чем угодно».

— Пора, пожалуй, и нам внутрь, — сказал он.

С Тайреллом, метрдотелем «Харлейз», Турку довелось короткое время поработать вместе на трубопроводах в Руб-эль-Хали. Они были добрыми приятелями, хотя и не закадычными друзьями, и у Тайрелла отлегло от сердца, когда Турк и Лиза наконец вернулись со двора. Он задвинул стеклянные двери.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Нет, — сказал Турк.

Не знаю, что делать: уносить ноги или любоваться зрелищем. Я звонил жене. Мы живем на Равнине. — Так называлась загородная местность в нескольких милях от Морга, где можно было недорого снять квартиру. — Она говорит, там то же самое. С неба сыпется какой-то пепел.

— Но ничего не горит?

— Вроде нет.

— Может, это вулканический пепел, — сказала Лиза. Турк не мог не восхититься ее самообладанием. Она старалась, ничем не выдавать своего испуга, и ей доставало мужества строить гипотезы в такой ситуации. — Может, какое-то извержение достаточно далеко от нас, где-то на море…

— А в море есть вулканы? — поинтересовался Тайрелл.

— Но тогда, если только это не где-то на другом конце планеты, должны же были о чем-то сообщить заранее. О землетрясении там, или цунами…

— Управление авиации, насколько я знаю, ничего не сообщало, — сказал Турк.

— Жена говорит, сыпется пепел, — повторил Тайрелл. — Серый рыхлый пепел.

— У вас там на кухне есть еще кофе? — спросил Турк.

— Хорошая идея, — сказал Тайрелл и отправился на кухню.

В ресторане все еще оставались несколько человек, вероятно, тех, кому было уже все равно, где находиться в эту минуту. Правда, никто больше не ел и не веселился. Они сидели за столиками посреди зала, подальше от окон, и нервно переговаривались с официантами.

Подоспел кофе. Он был вкусный и крепкий. Турк плеснул в чашку сливок, словно и не было никакой угрозы с небес. Телефон Лизы то и дело принимался жужжать. Звонили ее многочисленные знакомые. Она не отвечала — переключила телефон в режим голосовой почты. Турку никто не звонил, хотя телефон был при нем в кармане рубашки.

Во двор посыпался пепел. Турк и Лиза подошли поближе к окну.

Серый и рыхлый. Описание Тайрелла оказалось в точку. Турк никогда не видал вулканического пепла, но в его представлении он должен был выглядеть именно так. Пепел сеялся сверху, усыпая деревянные перекладины и щиты, и его сносило ветром к окну. Он походил на снег цвета старой шерсти, но в нем тлели, угасая на глазах, частички чего-то непрогоревшего, все еще светящегося.

Лиза прижалась к плечу Турка, широко раскрыв глаза. Ему снова вспомнились выходные в Мохиндарских горах, когда они по воле погоды оказались на безымянном озере. Тогда она так же владела собой, была такой же собранной, готовой к любым неожиданностям.

— По крайней мере ничего не горит, — заметил Турк.

— Да. Зато пахнет.

Как только она сказала об этом, он тут же почувствовал резковатый минеральный запах, отдающий серой.

— Как вы думаете, это опасно? — спросил Тайрелл.

— Если и так, то что мы можем поделать?

— Только оставаться здесь, — сказала Лиза.

Турку казалось это не лучшим выходом. Даже сейчас сквозь пелену мерцающего пепла был виден плотный поток машин, запрудивший Рю де Мадагаскар. Пешеходы неслись со всех ног по тротуарам, накрыв голову кто чем — пиджаком, платком, газетой.

— Если только… — продолжала Лиза.

— Если только что?

— Если это не продлится слишком долго. В Порт-Магеллане ни одна крыша не выдержит такое количество осадков.

— А это не просто осадки, — сказал Тайрелл.

— Что?

— Посмотрите!.. — Он указал на окно.

Это было немыслимо, не поддавалось никакому разумному объяснению, но за стеклом проплывало что-то в форме морской звезды. Серой, в мелких светящихся пятнышках. Должно быть, она почти ничего не весила, — слабый ветерок носил ее, как воздушный шарик. Звезда опустилась на настил и тут же рассыпалась в порошок. В нем виднелись отдельные сравнительно крупные частицы.

Турк посмотрел на Лизу. Она пожала плечами, не зная, что сказать.

— Тайрелл, раздобудь мне скатерть, — сказал Турк.

— Что ты собираешься делать со скатертью?

— И еще салфетку. Можно эту.

— Что ты собираешься делать с салфеткой? — спросил Тайрелл. — У нас менеджеры насчет этого строги.

— Ну так позови менеджера.

— Мистера Дарнелла сегодня нет. Так что, следовательно, и за менеджера.

— Тогда дай мне скатерть и салфетку. Я хочу посмотрен, что это такое.

— Только не мусори тут.

— Постараюсь.

Тайрелл снял со стола скатерть.

— Ты собираешься туда? — спросила Лиза.

— На секундочку. Чтобы набрать немножко *этого*…что бы это ни было.

— А если оно ядовитое?

— Тогда, я думаю, нам всем крышка. — Она вздрогнула, и он добавил: — Зато мы, возможно, сразу узнаем, ядовитое оно или

нет.

— Ты уверен, что это не опасно для легких?

— Поэтому я и просил салфетку. Помоги мне ее завязать.

Все, кто был в ресторане — гости и официанты, — с любопытством наблюдали за происходящим, но не спешили предлагать помощь. Турк подошел со скатертью к ближайшей двери и попросил Тайрелла ее приоткрыть. Запах тотчас усилился, он напоминал запах мокрой паленой тряпки. Турк поспешно раскинул скатерть на настиле и заскочил обратно.

— Что дальше? — спросил Тайрелл.

— Подождем немножко, пока его не наберется достаточно.

Он вернулся к Лизе. Ни слова не говоря, они смотрели еще минут пятнадцать на падающий пепел. Лиза спросила, как он намерен добираться домой. Он пожал плечами. Он жил, в сущности, в автофургоне на побережье, в нескольких милях к югу от аэродрома. Слой пепла на дороге был уже в добрых полдюйма, и машины еле ползли по нему.

— Я живу в паре кварталов отсюда, — сказала Лиза. — Новый дом на Рю Аббас, возле комплекса городского самоуправления. Вроде бы достаточно прочный.

Она впервые пригласила его к себе.

Но сперва ему хотелось удовлетворить свое любопытство. Он помахал Тайреллу, который подавал кофе оставшимся гостям. Тайрелл снова приоткрыл дверь. Турк ухватился за край скатерти, отяжелевшей от пепла, и осторожно втянул ее, стараясь не повредить те, возможно, хрупкие образования, которые попадались в пепле. Тайрелл тут же задвинул стекла:

— Фу! Ну и вонь.

Турк смахнул несколько хлопьев серого пепла, приставших к его волосам и рубашке, и присел на корточки, чтобы рассмотреть добычу. Лиза встала рядом. Несколько заинтригованных посетителей пересели поближе, хоть и морщились от вони.

— У тебя есть ручка или карандаш? — спросил Турк.

Лиза порылась в сумочке и достала ручку. Турк взял ее и провел по слою пепла, покрывавшему скатерть.

— Что это? — спросила Лиза через плечо. — Вон там, слева. Похоже на… желудь…

Турк много лет не видел желудей — дубы в Экваториии не росли. В пепле виднелся предмет толщиной с его большой палец, с одной стороны оканчивающийся блюдцеобразной выпуклостью, с другой — узкий и притупленный. Жёлудь, или крошечное яйцо, увенчанное миниатюрным сомбреро. Он казался составленным из того же вещества, что и пепел, и немедленно рассыпался, оказавшись непрочным, как только Турк коснулся его кончиком

ручки.

— А вот еще, — показала Лиза. Другой предмет напоминал зубчатое колесо от старинных механических часов. Он тоже распался при первом прикосновении.

Тайрелл сходил в комнату для персонала и вернулся с фонариком. По мере того, как он освещал скатерть под разными углами, в пепле находились все новые и новые «предметы» — едва оформленные подобия вещей, производящих впечатление рукотворных. Среди них была трубка идеальной формы длиной около сантиметра, другая — примерно того же размера, но изогнутая, как позвонок какого-то мелкого животного, вроде мыши. Был шип с шестью зубьями, диск с миниатюрными искривленными спицами, как у велосипедного колеса, кольцо с фаской. От некоторых из этих предметов все еще исходило тусклое свечение.

— Все сгорело, — подытожила Лиза.

Сгорело или распалось в прах. Но как может то, что сгорело, упав с неба, сохранять хоть какое-то подобие формы? Из чего это все состоит?..

В пепле оставалось еще несколько светящихся пятен. Турк подержал руку над одним из них.

— Осторожно, — сказала Лиза.

— Оно не горячее. Даже не теплое.

— Может, оно, не знаю… радиоактивное.

— Может.

Если так, это еще один сценарий конца света. Все, кто был сейчас на улице, вдыхали эту пыль. Все, кто был под крышей, вдохнут ее потом. Здесь нет воздухонепроницаемых зданий, нет воздухоочистителей.

— Тебе это о чем-нибудь говорит? — спросил Тайрелл.

Турк поднялся и отряхнул руки.

— Говорит. Что я знаю еще меньше, чем ожидал.

* * *

Он согласился на предложение Лизы остаться на какое-то время у нее. Они взяли у Тайрелла напрокат кое-что из его служебного гардероба — шеф-поварские блузы, чтобы защитить одежду от пепла, — и проскочили так быстро, как только могли, по серым смрадным дюнам к машине Лизы. Небо почернело от пыли. Метеоритного дождя из-за этого не было видно. Фонари едва светились.

Машина у Лизы была китайского производства, поменьше,

чем у Турка, но поновей и скорее всего понадежней. Турк отряхнул с себя пыль и забрался на переднее сиденье.

Лиза выехала через задние ворота стоянки на узкую, но не слишком оживленную улочку, соединявшую Рю де Мадагаскар с Рю Аббас. Она вела машину с осторожным изяществом, аккуратно объезжая скопления пыли. Турк старался ее не отвлекать. Но, как только движение стало помедленнее, она сама спросила:

— Как по-твоему, это связано с метеоритным дождем?

— Не похоже на простое совпадение. Хотя кто его знает.

— Это точно не вулканический пепел.

— Я тоже так думаю.

— Это может быть что-то космического происхождения.

— Может быть.

— В таком случае это может быть связано с гипотетиками.

Во время Спина все строили бесконечные предположения о гипотетиках — по-прежнему загадочных существах, забросивших Землю на несколько биллионов лет вперед в галактическое будущее и открывших ворота из Индийского океана в Новый Свет. Насколько было известно Турку, все эти рассуждения так и не привели ни к каким достоверным выводам.

Возможно. Но вряд ли это что-то объясняет.

Мой отец часто говорил о них. В частности, о том, что мы склонны забывать, насколько Вселенная сейчас старше, чем она была до Спина. Она могла измениться так, как мы себе даже не можем представить. В учебниках по-прежнему пишут, что кометы и метеориты — это обломки малых космических тел. Здесь, на Земле, где угодно. Но все это не более чем локальные наблюдения, притом устаревшие на четыре биллиона лет. Существует теория, что гипотетики — не биологические организмы и никогда ими не были…

Машина Лизы с трудом преодолела поворот на дороге, скользкой от пепла.

Отец Лизы был университетским профессором. Прежде чем пропал.

— Возможно, они сеть самовоспроизводящихся машин, ж и пущих в холодных частях галактики, за пределами планетарных систем, с очень замедленным метаболизмом. Они поглощают лед и генерируют информацию…

— Как те репликаторы, что мы запускали во времена Спина.

— Да. Клеточные автоматы [5]. Только куда более старые, чем наши.

Неужели профессора рассказывают такое дочерям школьного возраста? Или она сейчас говорит что попало, лишь бы не поддаваться панике?..

— Ну и что?

— Может быть, и эти метеоритные дожди — не просто космическая пыль. Может, это…

— Прах гипотетиков, — докончил он за нее.

— Ну, такое предположение — это просто бред.

— Теория ничуть не хуже других. Не подумай — я не такой уж скептик. Просто мы понятия не имеем, что все это такое. Из чего оно состоит. Может, оно и космического происхождения, но чем ты это докажешь?

— А *откуда* это, по-твоему? Все эти трубки, шестеренки…

— Не торопись с выводами. Люди на этой планете всего лишь тридцать лет. И все думают, что все давно исследовано, изучено, понято. Чушь собачья! Мы не знаем об этом ничего. Вообще ничего. Даже если это «из-за гипотетиков». Тридцать лет подряд в это время бывали метеоритные дожди, и никогда не случалось ничего подобного.

«Дворники» сгоняли пыль к краям ветрового стекла. Турк видел людей на тротуарах — одни бежали, другие прятались под навесами. Из окон выглядывали встревоженные лица. Завывая и сверкая мигалкой, мимо промчалась машина полиции Временного Правительства.

— Может, сейчас происходит что-то необычное там, куда мы не можем заглянуть.

— А может, это Небесный Пес отряхивается от блох. Лиза, пока рано о чем-либо говорить.

Она удрученно кивнула, заводя машину в гараж дома, где жила, — бетонной башни, словно пересаженной сюда из Майами. Здесь, на закрытой подземной парковке, ничто не напоминало о происходящем снаружи, разве что пара пылинок в неподвижном воздухе. Лиза вставила свою карточку в прорезь кодового замка лифта.

— Ну, вот и все, — сказала она.

«Пока все, а дальше — кто знает», — подумал Турк.

ГЛАВА 4

Лиза подобрала ему халат размером побольше, чтобы он смог его натянуть, и предложила постирать одежду — вдруг остатки пыли на ней все-таки ядовиты. Потом настал ее черед отправиться в душ. Когда она принялась мыть голову, вокруг сливного отверстия образовалась серая лужица.

Дурное предзнаменование, подумала она. Может, пепел так и не прекратит падать, пока не погребет под собой весь Порт-Магеллан, как Помпею. Она стояла под душем, пока в слив не потекла чистая вода.

Зато время, что она была в ванной, дважды выключался свет.

Электросеть в Порт-Магеллане была до сих пор довольно допотопной. Наверняка трансформаторам немного нужно, чтобы выйти из строя. Она попыталась представить себе, что будет, если «шторм» — как это назвали по телевизору — продлится еще день, два или больше. Погрузившийся в темноту город. Спасательные корабли ООН, прибывающие в гавань. Солдаты, эвакуирующие выживших… Лучше о таком не думать.

Она надела свежую рубашку и джинсы и вернулась к Турку. Свет пока горел. В ее старом фланелевом халате Турк выглядел очень сконфуженным и чертовски привлекательным.

До смешного длинные ноги, в шрамах — следствие жизни, которую он вел до того, как стал пилотом в «Эранджи».

Он рассказывал, что прежде был моряком торгового флота, а первым его местом работы в Новом Свете стал трубопровод «Арамко» [6]. Большие, сильные, натруженные руки.

Он осматривался вокруг с таким видом, что это заставило Лизу взглянуть новыми глазами на свое жилище.

Широкое окно, выходящее на восток, плазменная панель, небольшая коллекция книг и дисков. Что он думает, глядя на все это? Жилье классом повыше, должно быть, того, что он называл «мой трейлер». Немного подчеркнуто домашнее — слишком бросающаяся в глаза копия северо-американского быта, — хотя ей самой оно казалось все еще немного чужим и необжитым. Сюда она перевезла все свои вещи после разрыва с Брайаном.

Но таких тем пока касаться не стоило. Турк смотрел местный новостной канал. В Порт-Магеллане существовали три ежедневные газеты и всего один канал новостей — под надзором безлично-мультикультурного консультативного совета. Он вещал на пятнадцати языках — и ни на одном, как правило, никогда не бывало ничего интересного. Но сегодня ему было чем заняться. Съемочная группа отправилась в гущу событий — снимать

репортажи на осыпаемых пеплом улицах. Тем временем двое комментаторов зачитывали сообщения и прогнозы управлений Временного Правительства.

— Сделай погромче, — попросила Лиза.

Переключаясь с десятого на португальский и обратно, они посмотрели репортаж о переполненном автобусе туристов, отчаявшихся добраться до своего круизного лайнера. Из-за загрязненной атмосферы качество сигнала было хуже некуда, а связь с судами то и дело прерывалась. Лаборатории Геофизического надзора проводили экспресс-анализы пепла, но результаты пока не объявлялись. Впрочем, комментаторы утверждали, что он не представляет серьезной опасности для здоровья, если не считать возможных обострений легочных заболеваний. Делались неуверенные предположения о связи пепла с ежегодным метеоритным дождем, но ни подтвердить, ни объяснить этого никто не мог. Самое лучшее, что могли пока посоветовать эксперты, — это закрыть в домах окна и двери и ждать.

Все дальнейшее повторяло уже сказанное. Лиза и без репортеров понимала, что жизнь в городе постепенно замирает. Обычного ночного шума не слышалось, не считая завывания сирен экстренных служб.

Турк выключил звук и сказал:

— Моя одежда, наверное, уже готова.

Он подошел к встроенной стиральной машине, достал уже высушенные футболку и джинсы и отправился в ванную переодеваться. Там, на озере, он вел себя куда менее церемонно. Как и Лиза, впрочем.

Она постелила ему на диване. Потом спросила:

— Как насчет стаканчика на ночь?

Он не возражал.

Сходив на кухню, она разлила по стаканам все, что было в початой бутылке белого вина. Турк раздвинул жалюзи и, стоя, вглядывался в темноту. За окном ветер нес все прибывающий поток пепла. Даже в помещении слегка чувствовался его сернистый запах.

— Похоже на диатомовый грунт, — сказал Турк, принимая у нее стакан.

— На что?

— На планктон. Такие мельчайшие морские организмы. Когда они умирают, их панцири оседают на дно, образуя что-то вроде ила. Если поглядеть на него под микроскопом, то видны детали его строения — все эти звезды, шипы и тому подобное.

Лиза смотрела, как летит пепел, и думала над словами Турка.

Останки некогда живого, оседающие во взвихренном воздухе. Панцири мертвых гипотетиков.

Ее отец бы не удивился.

Она все смотрела на пепел. Телефон опять зазвонил. Лиза взяла трубку. Сейчас ей важно было не отгораживаться от внешнего мира и заодно успокоить всех, кто мог из-за нее волноваться. Мельком подумала, не без чувства вины: хоть бы это был не Брайан. Но это был именно он.

— Лиза? — сказал он. — Я за тебя так волновался. Где ты?

Она пошла на кухню, как бы символически выбирая нейтральную зону между Брайаном и Турком.

— Со мной все в порядке. Я дома.

— Слава богу. Сейчас непонятно везде, что творится.

— А ты как?

— Я на работе. Мы все тут. Будем находиться в консульстве, сколько возможно. Тут есть спальня для гостей. И генератор, так что без света не останемся. У тебя есть свет?

— Пока есть.

— Половина китайского квартала в темноте. А ремонтники отказываются выезжать.

— У вас кто-нибудь понимает, что происходит?

Голос Брайана казался как будто надломленным. Так бывало, когда он нервничал или был чем-то очень расстроен.

— Нет, никто ничего не понимает…

— И когда это прекратится?

— Спроси что-нибудь полегче. Но не может же это длиться вечно.

Хорошее утешение. Только вот Лизу оно сейчас совсем не успокаивало.

— Ладно, Брайан. Спасибо, что позвонил. У меня все хорошо.

Он помолчал. Ему явно хотелось сказать что-то еще. Последнее время ей часто казалось, что ему хочется сказать что-то еще. То ли объясниться в чем-то, то ли даже предложить снова пожениться.

— Если у тебя будут какие-то затруднения, позвони мне. Ладно?

Она поблагодарила его еще раз и вернулась к Турку, оставив телефон на кухне.

— Твой бывший? — спросил Турк.

Он знал об ее сложностях с Брайаном. Там, на горном озере, в непогоду, она рассказала ему немало всякого о себе и своей жизни. Она кивнула.

— Я тебе здесь не мешаю?

— Нет, — ответила она. — Не мешаешь.

* * *

Они сидели с Турком, глядя повторяющиеся новости. Часам к трем ночи ее охватило изнеможение, и она, пошатываясь, пошла спать. Но, даже несмотря на это, какое-то время не могла заснуть, съежившись под простыней, словно это могло защитить ее от того, что сыпется с неба. «Это еще не конец света, — говорила она себе. — Просто что-то очень непонятное и неприятное».

Диатомовый грунт. Панцири микроорганизмов. Допотопные времена. Зримое свидетельство того, что за время Спина Вселенная бесповоротно изменилась. Мир, в котором родилась она, был не тем миром, к которому привыкли ее родители, и родители родителей. Она помнила старую книжку по астрономии, еще дедовскую, — в детстве она без конца ее перечитывала. Последняя глава называлась: «Одиноки ли мы во Вселенной?». Теперь половина этой книжки показалась бы нелепой и надуманной. Разумеется, не одиноки. Никогда уже больше люди не смогут смотреть на Вселенную как на свою частную собственность. Жизнь во всех своих многообразных проявлениях появилась задолго до эволюции человека. Гипотетики подготовили почву для нас. Но что будет дальше? Не зная их целей, как можно решаться принимать какие-то решения? Как будто кто-то может объяснить, почему Земля с только лет пробыла в темном погребе галактической истории, словно луковица тюльпана, или почему путь в Новый Свет пролег именно через Индийский океан. То, что падало сейчас с небес, было еще одним свидетельством колоссального человеческого неведения.

* * *

Она проспала дольше, чем предполагала. Было уже позднее утро. Солнечным его никак нельзя было назвать, но и особенно хмурым тоже. Турк стоял у окна и смотрел па улицу.

— Вроде сейчас немножко получше? — спросила Лиза.

— По крайней мере не как вчера.

За окном по-прежнему сеялась и мерцала пыль. Но она падала уже не с такой скоростью, и небо было сравнительно ясным.

— Если верить новостям, — сказал Турк, — «осадки», как они это называют, прекращаются. Облако все еще над нами, но его сносит в глубь материка. По данным с радаров и спутников, все это должно закончиться уже к ночи. Самое большее — завтра к утру. Все побережье завалено пеплом.

— Хорошие новости, — сказала Лиза.

— Это еще не все. Улицы пока не чистят. В Порту проблемы с электричеством. Говорят, несколько крыш рухнуло, но не в городе, а на мысах, в основном — кемпинги. Одна очистка доков потребует колоссальных усилий. Правительство заключило контракт на уборку, но пока нет ни финансирования, ни техники. Дороги забиты, машины стоят. Собираются качать воду из бухты в Порт, как только протянут трубы. Надеются смыть всю пыль в коллекторы.

— А про токсичность что-нибудь говорят?

— Нет. Сейчас передавали результаты анализов. Углерод, сера, силикаты, металлы… И, как они выражаются, — «необычные псевдоорганические соединения». Не знаю, что они имеют в виду. Но все это очень быстро распадается. В общем, острой токсичности нет, это опасно только для легочников и астматиков. А хронической — кто его знает… Пока советуют не выходить из дома, а если выходить, то только в маске.

— Были какие-то предположения насчет происхождения всего этого?

— Сколько угодно. В основном сплошная бредятина. Но кто-то из Геофизического Надзора высказал ту же самую идею, что тебе вчера пришла в голову. Что это материал космического происхождения… гипотетического.

Словом, никто ничего не знает.

— Ты хоть поспал?

— Немного.

— Завтракал?

— Не хотел без спросу хозяйничать у тебя на кухне.

— Я плохая повариха. Пойду-ка все же приготовлю омлет и кофе.

— Тебе помочь?

— Нет, ты мне будешь только мешать. Подожди пару минуток.

Пока сковородка разогревалась, Лиза смотрела в окно. Гигантский город-полиглот, калейдоскоп, в котором перемешались все культуры. Выросший на краю материка за какие-то тридцать лет, он тонул теперь в зловещей серости. Было ветрено, пепел покрывал пустые улицы и сеялся над, кронами деревьев вдоль Рю Аббас.

Посыпав омлет чеддером, она подцепила его лопаткой. На сей раз он не соскользнул с лопатки, как обычно, и не слипся в ком. Она вернулась в комнату, держа в руках две тарелки. Турк стоял и разглядывал ее «офисный» уголок.

Стол, клавиатура, толстые папки, маленькая библиотека.

— Твое рабочее место писателя?

— Ага.

Если бы. Она поставила чашки на кофейный столик, Турк уселся рядом с ней на диване, согнув свои длинные ноги держа чашку на коленях.

— Класс, — сказал он, когда попробовал омлет.

— Спасибо!

— А твоя книга… как с ней дела?

Она поморщилась. Книги — воображаемой книги, ради которой она будто бы осталась в Экваториии, — никогда не существовало. Лиза была по образованию журналисткой. Ее отец пропал без вести двенадцать лет назад, когда они жили всей семьей уже здесь, в Новом Свете. То, что после неудачного замужества она взялась писать мемуары об отце, выглядело довольно правдоподобно. Обычно этому верили.

— Понемногу движется, — ответила она.

— Тебе удалось узнать что-нибудь новое?

— Несколько интервью. Побеседовала не без пользы с папиными прежними коллегами по университету.

Это была правда. Она ушла с головой в перипетии ломанной судьбы своей семьи. Но писать ничего не писала, кроме заметок для себя.

— Помню, ты говорила, что твой отец интересовался Четвертыми.

— Он интересовался всем.

Роберт Адамс приехал в Экваторию по контракту между Геофизическим Надзором и открывшимся в Новом Свете Американским университетом. Он читал курс геологии Нового Света и занимался полевыми изысканиями на Дальнем Западе. В отличие от Лизы он действительно работал над книгой под названием «Планета как артефакт» — очерком геологической истории Нового Света как небесного тела, сформировавшегося при активном участии гипотетиков.

Что он интересовался общинами Четвертых, тоже было правдой. Но то был его человеческий, а не исследовательский интерес.

— Та женщина на фотографии, — спросил Турк, — она из Четвертых?

— Может быть. Скорее всего. — Лиза не была уверена, стоит ли ей сейчас вдаваться в подробности.

— А как ты это поняла?

— У меня есть еще одна ее фотография. — Лиза положила вилку и повернулась к нему. — Рассказать тебе все с начала?

— Если хочешь, конечно.

* * *

Первый раз Лиза услышала об «исчезновении» отца после того, как он три дня подряд не возвращался из университета. Ей только что исполнилось пятнадцать. Полицейские из местного отделения пришли и стали допрашивать мать. Лиза стояла за дверью и слушала их разговор. Отец исчез. То есть как обычно, ушел с работы, сел в машину, поехал привычной дорогой и пропал где-то на полпути между университетом и домиком в окрестностях Порта, который они снимали.

Это не укладывалось ни в какие рамки. Этого просто не могло быть.

Но расследование продолжалось. Всплыла тема увлечения ее отца Четвертыми. Мать Лизы снова стали допрашивать, теперь уже люди по большей части в штатском, а не в униформе, — из Управления Генетической Безопасности. Имел ли интерес мистера Адамса к Четвертым личный или профессиональный характер? Часто ли он сам заговаривал о долгожительстве? Страдал ли от каких-либо симптомов, характерных для генетической перестройки и как-то связанных с марсианской биотехнологией продления жизни? Был ли особенно сосредоточен на всем, что связано со смертью? Несчастлив в семье?

«Нет», — отвечала мать. Точнее, чаще всего она отвечала: «Нет, блин!.. Ни хрена подобного». Лиза помнила, как мать сидела во время допросов за кухонным столом, бесконечно пила коричневый, цвета ржавчины, ройбуш, и повторяла: «Нет, блин, нет!»

Тем не менее УГБ ухватилось за эту версию. Семейный человек, впервые приехавший в Новый Свет, проводящий много времени вне семьи, опьяненный непредсказуемой атмосферой пограничья, магией «четвертого возраста» — лишних трех десятков лет к жизненному сроку… Про себя Лиза не могла не соглашаться, что в этой логике имеется рациональное зерно. Если это так, ее отец — далеко не единственный, кто оставил семью, соблазнившись долголетием. Тридцать лет назад марсианин Ван Нго Вен привез на Землю биотехнологию, продлевающую жизнь, которая в то же время кардинально изменяла человеческую личность, причем подчас эти изменения были почти незаметны для окружающих. Объявленная вне закона правительствами практически всех стран, она тем не менее продолжала широко практиковаться на Земле в катакомбных общинах Четвертых.

Мог ли Роберт Адамс бросить семью и работу, чтобы стать Четвертым? Инстинктивный ответ Лизы был тот же, что у матери:

нет. Не мог. Он не мог так поступить с ними — ни за что, ни при каких обстоятельствах.

Но действительность поколебала эту веру. У ее отца были странные связи за пределами университетской среды. К ним домой приходили люди, не имевшие никакого отношения к его работе. Он не представлял их семье, а на вопросы, что это за люди и зачем они приходят, отвечал крайне уклончиво. Кроме того, именно среди ученых культ Четвертых пользовался наибольшей популярностью. Новую технологию первым освоил физик Джейсон Лоутон. Он поделился ею с друзьями, которым доверял, и с тех пор она стала достоянием преимущественно интеллектуалов.

«Нет, блин!» Но могла ли миссис Адамс предложить другое какое-то объяснение?..

Лиза тоже не могла.

Расследование УГБ, как и полицейское, ни к чему не привело. Год спустя мать Лизы купила билеты на пароход в Калифорнию — себе и дочери. Удар, сломавший ее устоявшуюся жизнь, согнул, но не смог сломать ее саму — по крайней мере внешне. В ее присутствии никто не смел заговаривать не только об исчезновении Роберта Адамса, но и о Новом Свете вообще. Молчание лучше домыслов и бестактностей. Этот урок Лиза хорошо усвоила. Как и у матери, ее боль и желание узнать, что же на самом деле случилось, осели в каком-то глубоком тайнике ее души, где хранится все, что не поддается осмыслению. По крайней мере до замужества и перевода Брайана в Порт-Магеллан. Воспоминания внезапно ожили, рана заболела с новой силой, словно никогда и не заживала. Как будто за это время всё, что так мучило ее, очистилось внутри нее и повзрослело вместе с ней.

Она начала расспрашивать друзей и коллег отца — некоторые из них все еще жили в городе. И все эти вопросы сводились к одному: к существованию общин Четвертых в Ионом Свете.

Брайан поначалу старался ей чем-то помочь. Он не одобрял ее дилетантских расследований, затрагивающих потенциально опасные вещи. Лиза теперь думала, что, наверное, это стало одним из тех звоночков, которые дали ей попить, что с Брайаном дальше жить не стоит. И тем не менее это он находил все сведения, которые были ей нужны, пользуясь своим служебным положением в УГБ.

Гак вышло и с этой фотографией.

— А та вторая фотография… — сказала Лиза.

Уезжая из Калифорнии, она захватила с собой множество

вещей, которые мать все время грозилась выкинуть, — в том числе диск со снимками родителей, сделанными в Порт-Магеллане. В основном с университетских вечеринок, обычно проводившихся в доме Адамсов.

Лиза отобрала несколько снимков и показала их давним друзьям семьи в надежде, что они смогут опознать тех, кого не шала она сама. Ей удалось установить имена почти всех, За исключением одной — темнолицей старушки в джинсах. На фотографии она стояла в дверях, поодаль от толпы к уда более изысканно одетых университетских преподавателей, и выглядела нервной, встревоженной — словно пришла без спроса в незнакомый дом.

Никто ее не знал. Брайан предложил пропустить снимок через программу распознавания изображений в Управлении — вдруг на эту женщину что-то найдется. Это было последним из его благодеяний, которые Лиза привыкла называть про себя «уловками благородства». Великодушные поступки, все назначение которых — склонить ее остаться с ним. Она согласилась, лишний раз заверив Брайана, что это не заставит ее изменить свое решение.

Поиск оказался успешным. Та же самая женщина несколько месяцев назад проходила видеоконтроль на пристани. В пассажирской декларации она значилась как Сьюлин Муа.

Ее имя появилось в поисках еще раз. В связи с Турком Файндли, у которого она заказала чартерный рейс через горы к Могиле Кубелика. В тот самый городок, куда так хотела попасть Лиза три месяца назад.

* * *

Турк внимательно выслушал все это, затем сказал:

— Она ничего особенного не говорила. Заплатила наличными сразу всю сумму. Я высадил ее на аэродроме в Кубелике. Вот и вся история. Она не сказала мне, ни кто она такая, ни тем более, зачем ей нужно на Запад. Ты уверена, что она Четвертая?

— Судя по тому, что за пятнадцать лет она почти не изменилась, — очень может быть.

— Так, может быть, самое простое объяснение и есть правда? Твой отец стал Четвертым и начал новую жизнь под новым именем?

— Может быть. Но мне нужна не гипотеза, а правда. Что произошло на самом деле.

— Ну узнаешь ты ее, и что потом? Это сделает тебя

счастливее? Может, ты узнаешь что-то, от чего тебе станет только хуже. И горе вернется тогда с прежней силой.

— По крайней мере, — сказала она, — буду знать, от чего я горюю.

* * *

Как часто бывало после разговоров об отце, он приснился ей ночью.

Вначале это был не сон — воспоминания. Вот они на веранде дома в горах в Порт-Магеллане. Он рассказывает ей о гипотетиках.

Они разговаривали на веранде, потому что мать Лизы терпеть не могла таких бесед. В этом и заключался самый разительный контраст между ее родителями. Оба пережили Спин, но после кризиса у них сложилось совершенно разное восприятие окружающего. Отец с головой бросился в тайну, влюбился в обнажившуюся чужеродность Вселенной. Мать, наоборот, делала вид, что ничего особенного не произошло, что стены дома и ограда сада — препятствия, вполне достаточные, чтобы сдержать поток времени. Лиза тогда не знала, чья позиция ей ближе. Она одинаково любила и материнский уют, и отцовские рассказы.

Она уснула, а отец продолжал рассказывать о гипотетиках. *Лиза, они — не люди, это большая ошибка — смотреть на них так.*По иссиня-черному небу плыли безымянные звезды Экваториии. *Скорее всего это сеть более или менее лишенных разума машин. Но понимает ли она себя? Есть ли у нее разум в таком смысле, как у нас с тобой? Если есть, тогда все, что бы она ни помыслила, должно мгновенно охватывать пространство в сотни и тысячи световых лет. Пространство и время должны представляться им совершенно иначе, чем нам. Может быть, они вообще нас не замечают, мы для них — что-то эфемерное, и если они и используют нас в каких-то своих целях, то бессознательно, как мы свои клетки мозга.*

«Как Бог свои создания?» — спросила Лиза во сне.

*Да, вроде Бога, но слепого,*ответил отец. Она тут же поняла, что он ошибается. Она ощущала все величие его видения, и в то же время материнский склад души надежно охранял ее от любых опасностей. И тут с неба спустились *они.*Разжали стальной кулак, засверкавший в звездных лучах, схватили отца и унесли, прежде чем она нашла в себе силы даже закричать.

ГЛАВА 5

Пыль отступала, уступая место серому дневному свету, а к вечеру перестала падать совсем.

В городе по-прежнему стояла зловещая тишина. Ее нарушал только рокот землеуборочной техники — машины трудились без устали, расчищая улицы от пепла. Где именно шли работы, нетрудно было угадать по густым волнам пыли, столбам серого мокрого месива и фонтанам брызг морской воды, вздымающимся над скоплениями домов и лачуг, магазинов, офисных зданий, рекламных щитов, — в город уже протянули водомагистрали из бухты. Вымершая страна. Тем не менее на улицах попадались люди — в масках, платках и банданах, повязанных на лицо, — пробирающиеся среди потоков воды и грязи. Их явно не волновал свой внешний вид. Они выглядели как массовка в фильме катастроф. Человек в перепачканной дишдаше [7]с полчаса уже стоял перед закрытым арабским бакалейным магазином на противоположной стороне улицы, куря сигарету за сигаретой и глядя на небо.

— Турк, как ты думаешь, этого больше не будет? — спросила Лиза.

Что он мог на это ответить?.. Она ведь ждала от него не столько правды, сколько утешения.

— Сейчас — наверное, нет.

Оба были слишком обеспокоены, чтобы уснуть. Он включил видеопанель, и они снова уселись на диване, пытаясь выловить из новостей что-то свежее. Диктор говорил, что облако сместилось во внутреннюю часть континента, и новых «аномальных осадков» не предвидится. Приходили эпизодические сообщения о выпадениях пепла из всех населенных пунктов на побережье от мыса Эйр до Эйкси, но, похоже, более всего досталось Порт-Магеллану. Ну и слава богу, думал Турк. Если этот вал протовешества причинил такой ущерб городу, для природных экосистем он мог бы обернуться катастрофой — вымиранием видов, гибелью урожая и заражением почв, возможно, хотя доктор и утверждал, что, «согласно данным анализов», в пыли нет ничего особо токсичного. Разумеется, характер осадков, напоминающих части механизмов и ископаемые останки, тоже привлек к себе внимание. Микрофотографии пепла выявили в нем множество скрытых форм — кривые колесики и шестерни, срезанные конусы, напоминающие раковины крохотных моллюсков, сложные и причудливые комплексы всяких неорганических соединений. Как будто где-то на орбите рассыпалась какая-то гигантская машина,

и только самые стойкие ее частицы выдержали падение и не сгорели в атмосфере.

Они провели так целый день, не выходя из дома. Турк — в основном, стоя у окна, Лиза — звоня и рассылая сообщения родным, прикидывая, что осталось из еды, на случай, если жизнь в городе надолго замрет. И понемногу между ними возродилось снова что-то вроде прежней близости — той близости-в-горах-на-озере, что потом исчезла в Порту. Когда она клала голову ему на плечо, Турк поднимал руку, чтобы погладить ее по волосам, и останавливался, возвращаясь мысленно к той ситуации, в которой они оказались.

— Все хорошо, — сказала Лиза.

Ее волосы пахли чем-то свежим («золотым» — подумалось ему), когда он прикасался к ним, ему казалось, что под его пальцами шелковое платье.

— Турк, — сказала она, — прости…

— Не за что.

— За то, что я думала, что мне нужен какой-то особенный повод, чтобы приехать к тебе. Я тоже по тебе скучал.

— Просто… мне было очень не по себе.

— Понимаю.

— Пошли спать? — Она взяла его руку и поводила ею себе по щеке. — В смысле…

Ему не надо было объяснять, в каком смысле.

* * *

Эту ночь он провел с ней. Следующую тоже. Не потому, что у него не оставалось выбора, — побережье в основном уже расчистили, — а потому, что иначе ему бы вряд ли когда-то выдался такой шанс.

Но и оставаться у нее бесконечно он тоже не мог. Он протянул еще одно утро, занимаясь завтраком, пока Лиза беспрестанно звонила. Удивительно, думал он, сколько же у нее друзей, приятелей, родни. По сравнению с ней он чувствовал себя просто отшельником. Сам он звонил только клиентам, рейсы которых приходилось переносить или отменять — хотя отмена рейсов сейчас ощутимо била по его карману, — да паре друзей и механиков с аэродрома, у которых могли возникнуть вопросы, почему это он не пришел вчера с ними выпить по стаканчику. Он вообще был не слишком общителен — даже собаку, и ту не решался завести.

Лиза надиктовала длинное послание матери в Америку.

Прямой связи через Арку не существовало. Гипотетики предоставили людям единственную возможность сообщения между этим миром и тем — это проход судов из Бенгальского залива в Индийский океан и обратно. Тем не менее существовал целый коммерческий телекоммуникационный флот, снующий туда-сюда и передающий сообщения. Можно было посмотреть видеоновости из дома давностью всего в несколько часов, или, наоборот, послать письмо или голосовое сообщение на Землю. Лизино сообщение — насколько Турк успел его расслышать — состояло из осторожных уверений, что пепел не опасен, — скорее всего худшее уже позади, — хотя происхождение пепла остаётся загадкой, и никто пока не может его объяснить. Ты дипломатка, подумал Турк.

У Турка была семья в Остине, в Техасе, но он давно не поддерживал с ней никаких отношений. Там от него этого и не ждали.

На полке у Лизы стояла подшивка трехтомных «Архивов Марса» — так называемой «Марсианской энциклопедии — собрание исторических и научных знаний, которые принес на Землю тридцать лет назад Ван Нго Вен.»

Выцветшие голубые корешки истрепались по краям. Он открыл и пролистал первый том. Когда Лиза наконец положила телефон, он спросил:

— А ты всему этому сама веришь?

— Это не религия, чтобы в нее верить.

Тогда, в лихие годы Спина, наиболее развитые в технологическом отношении страны Земли объединили свои ресурсы, чтобы обустроить по земному образцу и колонизировать Марс. Самый главный ресурс землянам был уже предоставлен гипотетиками — время. Год на Земле, окруженной оболочкой Спина, равнялся тысячам лет в масштабе Вселенной. Биологическая трансформация Марса (или, как говорили ученые умы, его «экопоэзис») была не такой уж сложной задачей, если учесть, какая фора времени была дарована Земле. И все же колонизация представляла собой во всех отношениях рискованное начинание.

Отделенные от Земли тысячелетиями, марсианские колонисты создали собственные технологии, приспособленные к дефициту воды и азота. Они достигли вершин в биоинженерии, но с неизменным предубеждением относились к сложной технике. Посылка пилотируемой экспедиции на Землю была последним, отчаянным предприятием марсиан перед тем, как гипотетики приступили к окружению Марса также собственной Спин-оболочкой.

Так называемый посол Марса Ван Нго Вен (перелистывая приложения, Турк нашел его фотографию: маленький, морщинистый, темнокожий человечек) появился на Земле в последние годы Спина. Его чествовали правительства всех стран, пока не стало ясно, что он не способен как волшебник разрешить все земные проблемы. Однако Ван отстоял и помог воплотить в жизнь программу запуска за пределы Солнечной системы квазибиологических зондов, разработанных на Марсе. Ожидалось, что эти самовоспроизводящиеся машины смогут передать на Землю что-то существенное, возможно, способное пролить свет на природу гипотетиков. В каком-то смысле ожидания оправдались: запущенные зонды оказались интегрированными в уже существующую сеть подобных машин, обитающих в отдаленных уголках галактики, о которой никто раньше не подозревал, и которая (как полагали многие) представляла собой физическое «тело» гипотетиков. У Турка не было четкого мнения по этому поводу.

Лизино официальное американское издание Архивов было составлено и заверено экспертным советом ученых и чиновников. Все знали, что оно неполное. Незадолго до смерти Ван приложил усилия к тому, чтобы распространить по рукам отредактированные копии. В них было кое-что особенно ценное — марсианская «фармацевтика», в том числе и рецепт препарата, увеличивающего среднюю продолжительность жизни на тридцать-сорок лет. Тот самый курс четвертого возраста, которым, возможно, и соблазнился отец Лизы.

На Земле было уже немало Четвертых, судя по всему, но в отличие от Марса не существовало никаких социальных институтов, регламентирующих их жизнь. Согласно конвенции ООН, подписанной почти всеми странами, применение марсианских биотехнологий считалось преступлением. Однако все, что было в силах сделать американское Управление Генетической Безопасности, — это приостановить распространение культов долголетия (как легальных, так и мошеннических) и слегка остудить всеобщий нездоровый интерес к генетическим трансформациям людей и животных.

В этом самом Управлении и работал бывший муж Лизы.

* * *

— Знаешь, — сказала Лиза, — раньше мы мало об этом говорили…

— Мне кажется, мы вообще раньше мало говорили.

Она одарила его короткой ободряющей улыбкой.

— Ты знаешь кого-нибудь из Четвертых?

— Я бы вряд ли их узнал, даже если бы встретил.

Она не восприняла это как отговорку — во всяком случае, не подала виду.

— Здесь, в Порту, и вообще в Новом Свете, все не так строго, как на Земле…

— Сейчас, как я слышал, это положение меняется.

— Вот поэтому я и хочу успеть увидеть тех людей, с которыми общался отец, пока еще это возможно. Говорят, в городе существует община Четвертых, и даже не одна.

— Я тоже слыхал об этом, но мало ли что говорят. Не всем слухам стоит верить.

Что можно было узнать из прочих источников, я уз-нала. Но мне нужно поговорить с кем-то, кто лично обшился со здешними Четвертыми.

— Ясно. Попроси Брайана, он тебе это устроит. Как только они еще кого-нибудь сцапают.

Он тут же пожалел о своей грубости.

— Мы с Брайаном в разводе, — резко сказала Лиза. — И я не отвечаю за то, что делает УГБ.

— Но вы оба ищете Четвертых.

— Знаешь ли, по разным причинам…

— А тебе не приходило в голову, что он может использовать тебя в своих целях? Что твои расследования могут быть очень даже полезны для его служебной деятельности?

— Я никому о них не рассказываю. В том числе Брайану.

— А эта женщина, которая, очень может быть, причастна к исчезновению твоего отца? Он ведь пытался тебя ею заманить, чтобы ты осталась…

— Я не уверена, что у тебя есть право…

— Ладно. Забудь. Просто, сама понимаешь, мне не все равно.

Она вот-вот готова была ответить грубостью на грубость, но сдержалась. Раньше Турк не замечал в ней этой черты: умения мгновенно брать себя в руки и отступать за секунду до рискованного шага.

— Не фантазируй насчет меня и Брайана. То, что у нас нормальные отношения, вовсе еще не значит, что он меня использует.

— Ну и слава богу, — ответил Турк.

* * *

К полудню небо опять посерело и затянулось тучами, но это были уже обычные тучи — такие, как всегда. Пошел проливной дождь. Обычно в августе таких дождей не бывало, но это и к лучшему, думал Турк: часть пыли уйдет в почву, часть смоет в море, возможно, даже окажутся спасены посевы, если еще не поздно. Но проехать на юг от Порта оказалось не так-то просто. Турк пешком дошел до стоянки «Харлейз», чтобы забрать свою машину. Мостовые были скользкими от искрящихся потоков пепла. Реки и ручьи вздулись, даже цвет речной тины изменился. Поднимаясь на перевал, Турк увидел сразу десяток мутных русел, уносящих в море цветущий ил.

Он свернул на дорогу без указателей, ведущую к низине, которую англоязычные поселенцы обычно называли Нью-Дели. Она представляла собой плоское плато между двумя речушками, упирающееся в отвесный обрыв, который во время дождей всегда размывало. Вдоль немощеных улочек тянулись ряды дешевых китайских сборных домиков. Эти сараюшки, пригодные только для хорошей погоды, жители пытались усовершенствовать как могли при помощи толя и кровельного железа (на побережье было множество кустарных заводиков, где можно было без труда приобрести такого рода стройматериалы). В Нью-Дели не существовало полиции, можно сказать, не существовало и власти как таковой, не считая власти пасторов, лам и имамов. На землеуборочную технику тоже рассчитывать не приходилось. Боковые улочки тонули в вязких грязевых наносах. Но основную дорогу уже более или менее расчистили. Не прошло и пары минут, как Турк оказался возле дома Томаса Джинна — ничем не примечательного фургончика ядовито-зеленого цвета, зажатого между двумя другими такими же.

Ступая по кашице размокшего пепла, он пробрался к двери Томаса и постучал. Никто не отзывался. Он постучал еще раз. В маленьком занавешенном окошке слева мелькнуло морщинистое лицо, дверь скрипнула и приоткрылась.

— Турк! — Голос Томаса звучал глухо, по-стариковски, словно из-под земли. Во времена их первого знакомства он уже производил впечатление такой дряхлости. — Вот уж кого не ждал, того не ждал! Тем более когда вокруг вся эта хреновина. Заходи. У меня жуткий бардак, но выпить кой-что найдется.

Жилище Томаса представляло собой тесное помещение с тонкими стенками. В одном углу — стол и потертый диван, в другом — крошечное подобие кухоньки. Под потолком светилась тусклая лампочка. Централизованной электросети в этих местах не было. Спасали солнечные батареи, установленные на крыше, — тоже, разумеется, китайского производства. Сейчас они

к тому же работали в пол силы из-за слоя пепла. В воздухе чувствовался едкий запах серы и талька, но он исходил большей частью от одежды самого Турка. Томас был на свой лад педантичным хозяином, и «жуткий бардак» на его языке означал всего лишь пару пустых пивных бутылок на узкой конторке.

— Присаживайся, — сказал Томас, опускаясь на продавленный стул, вмятина в сиденье которого точно повторяла очертания его костлявого зада. Турк сел на диван, выбрав наименее изодранную подушку. — Ну и как по-твоему, что это за хрень на нас свалилась? Каким на фиг силам это нужно? Мне вчера пришлось дорогу разгребать, чтоб дойти до магазина.

— Трудно сказать кому, — согласился Турк

— С чем пожаловал? Думаю, не просто навестить соседа? Тем более, учитывая погоду.

— Мне нужно тебя кое о чем спросить.

— Спросить? Или попросить?

— Ну для начала — спросить.

— Что-то серьезное?

— Пока не знаю. Может быть.

— Как насчет пива? Сполоснуть горло от пыли?

— Не откажусь, — сказал Турк.

* * *

Турк познакомился с Томасом на борту ржавого танкера под названием «Пустельга», направлявшегося в свой последний рейс — к Берегу Лома.

«Пустельга» была для Турка пропуском в Новый Свет. Он нанялся на корабль в качестве физически крепкого работника за смешные деньги, как, впрочем, и остальной экипаж — рейс был только в один конец. Танкер не отвечал никаким стандартам и не годился ни на что, кроме заурядных каботажных перевозок, а утилизация его обошлась бы слишком дорого, так что на Земле это дряхлое страшилище было только обузой для судовладельца. А вот по ту сторону Арки, в Экватории, металлолом шел нарасхват, и из этого ржавого корыта можно было еще извлечь неплохую выгоду. Судно должна была освежевать и разделать на части армия индийских и тайских могильщиков, вооруженных ацетиленовыми резаками, — профессиональных могильщиков с Берега Лома в нескольких сотнях миль к северу от Порт-Магеллана. (Разумеется, никакой санитарно-экологический контроль в эти края не заглядывал.)

Турк и Томас обедали за одним столом и узнали коечто друг

о друге. Томас родился в Боливии, вырос в Билокси, штат Миссисипи, в юности и молодости работал в доках — сначала там же, в Билокси, потом в Новом Орлеане. Последние лет двадцать — тридцать провел в основном в море. В смутные годы Спина американское правительство принялось — из соображений укрепления национальной безопасности — возрождать пришедший в упадок торговый флот. А потом возник ажиотажный спрос на морские перевозки — благодаря торговле с Новым Светом.

Томас поступил на корабль примерно по тем же причинам, что и Турк. Это был его билет в обетованную землю. Обратных билетов у обоих не было. Все их разговоры сводились так или иначе к обетованной земле. Томас не питал особых иллюзий на этот счет: он уже пять раз плавал на Арку, несколько месяцев прожил в Порт-Магеллане, шал жестокие нравы города не понаслышке — в частности, как тяжко приходится в нем новичкам. И все-таки Порт, город двунадесяти языков, отличался свободой и терпимостью, какими не мог похвастаться ни один земной юрод. Это была столица мореходов — в основном и выстроенная моряками-эмигрантами. Томас мечтал провести здесь остаток жизни, глядя на природу, почти не тронутую человеком. Турк никогда не бывал по ту сторону Арки. Но ему хотелось забраться максимально далеко от Техаса. (Почему — он предпочитал не рассказывать.)

«Пустельга» была не лучшей возможностью для этого. У корабля не было будущего, поэтому он почти не ремонтировался. Он мог бы и не доплыть до места назначения. Это понимал весь экипаж — от капитана-филиппинца до неграмотного мальчика-стюарда из Сирии. Вместо обетованной земли можно было запросто пойти на дно. Море уже поглотило множество судов, направлявшихся к Берегу Лома. Таких ржавых танкеров, нашедших себе последнее пристанище под Аркой гипотетиков, было немерено.

Но погода в Индийском океане стояла обнадеживающе тихая. Поскольку для Турка это было первое путешествие в Новый Свет, он отважился — не обращая внимания на насмешки со стороны матросов, — остаться на палубе во время перехода. Ночного перехода через Арку. Он облюбовал себе местечко в углу полубака, где не так дуло, прилег на подушку из бухты троса — грубого выцветшего каната из текстильных отходов, — вытянулся и стал смотреть на звезды. За те годы, что Земля пробыла в своем Спин-коконе, Вселенная стала старше на четыре биллиона лет, и все звезды на небе перемешались — вот уже тридцать лет, как у них не было имен, — но других звезд Турк никогда не видел. К

концу Спина ему не было и пяти. Его поколение выросло в постспиновскую эпоху, и сам факт, что можно переплыть на корабле с одной планеты на другую, никого уже не удивлял. Но Турк в отличие от многих так и не научился воспринимать это как нечто само собой разумеющееся. Для него это по-прежнему оставалось непостижимым.

Арка гипотетиков представляла собой сооружение, неизмеримо превосходящее все когда-либо созданное человеческими руками. В масштабах мироздания — в масштабах среды обитания гипотетиков — она, конечно, была почти ничтожна. Но для Турка она являлась, самым величественным творением, какое только можно себе представить. Конечно, он много раз видел Арку на фотографиях, в фильмах, на всякого рода диаграммах, но все это не давало совершенно никакого представления об ее истинных размерах.

Впервые он увидел ее наяву в порту на Суматре, где он поднялся на борт «Пустельги». В ясную погоду можно было разглядеть ее восточный край. Особенно на закате — когда косые лучи солнца взбегали по ее бледному обручу, делая его похожим на заостренную золотую дугу. Но теперь она была у него прямо над головой. Кто-то когда-то поэтически сравнил Арку с обручальным кольцом диаметром в тысячу миль, упавшим в океан. Верхняя часть кольца терялась за облаками, а нижняя — уходила глубоко в недра земли. С палубы «Пустельги» другого конца Арки, конечно, не было видно, зато виднелась самая ее вершина — серебристо-голубой мазок в гаснущем небе, контрастирующий с тускло-красным основанием дуги. Арка слегка дрожала в жарком сумеречном воздухе.

Те, кому случалось бывать в непосредственной близости от опор Арки, рассказывали, что они не производят никакого особенного впечатления — что-то вроде циклопических бетонных ног, уходящих под воду. Зато вверх они простирались настолько, насколько хватало глаз, теряясь и небе. Арка отнюдь не была обычным сооружением. Она представляла собой устройство, сообщающееся с другим таким же — или с другой половиной самой себя — на расстоянии многих световых лет, в океане Нового Света. Может, думал Турк, она на самом деле совсем не здесь, а на орбите одной из этих звезд? От таких мыслей у него холодок пробегал по спине. Арка казалась пассивной и безжизненной. Но на самом деле она следила за всем, что происходит по обе стороны от нее, управляя двусторонним движением, — в этом и заключалось ее назначение. Птицы, плавучий мусор, подхваченный штормом, океанские течения, проходя под Аркой, продолжали свое движение, как нив чем не

бывало. Воды океанов Земли и Нового Света не смешивались. Но когда под Аркой проходило судно с людьми на борту, она подхватывала его и переносила в немыслимую даль. Все, кто побывал за Аркой, говорили, что сам переход совершается до обидного незаметно. Тем не менее Турку хотелось во что бы то ни стало увидеть это своими глазами. Поэтому он и остался на палубе, а не в трюме, где даже не поймешь, «там» ты уже или еще «тут», пока не проревет по традиции корабельный гудок.

Он сверился с часами. Уже вот-вот. Он ждал — и вдруг из темноты в слепящем свете прожекторов появился Томас, насмешливо глядя на него.

— Ну да, — сказал Турк, опережая неизбежные реплики, — у меня это первый раз.

— Черт, — ответил Томас, — можешь не объяснять. Я сам всегда выхожу в этот момент на палубу, днем или ночью. Не выйти — все равно что проявить неуважение.

К кому? К гипотетикам? Турк не стал уточнять.

— О, бог ты мой, — сказал Томас, повернув к небу свое старческое лицо. — Вот оно.

Турк завороженно смотрел вверх, на Арку. Звезды смешались и заколыхались над ее вершиной, словно отражения огней за кормой. Вокруг «Пустельги» сгустилось что-то наподобие тумана — только без характерного запаха влаги. У Турка слегка закружилась голова и зашумело в ушах. Звезды тотчас появились опять, но уже другие — более четкие, яркие. Небо стало темнее, и воздух — другим на вкус: соленым, бодряще-свежим, теплым, — он омывал палубу, точно приветствуя корабль. И должно быть, на мостике наверху стрелка компаса уже совершила скачок — как это бывало всегда при переходе через Арку, — судя по утробному басу корабельного гудка. Но этот трубный глас все равно звучал с какой-то растерянностью посреди океана, еще до недавних пор не знавшего людей.

— Новый Свет… — сказал Турк.

И все? И только-то?..

— Экватория, — ответил Томас.

Как и большинство, он путал планету и материк.

— Ну, как? Понравилось быть космонавтом?

Турк не успел ответить: двое матросов, притаившихся на палубе, подкрались к нему и с хохотом облили соленой водой из ведра. Еще один обряд перехода — крещение для моряков, впервые прошедших под Аркой. Вот наконец он и пересек самый непостижимый меридиан на свете. Он не собирался обратно. Ему было некуда возвращаться.

* * *

Томас был и без того стар и слаб, когда нанялся на «Пустельгу». А во время неудачной швартовки судна получил к тому же серьезное ранение.

На Берегу Лома не было никаких доков и причалов. Турк отметил это про себя сразу, еще когда стоял на палубе, держась за поручни и глядел на берег. Впервые в жизни он видел в реальности берега Экватории. Материк уходил за горизонт, как мираж, тающий в утреннем свете. Хотя это разве что с большой натяжкой можно было назвать «нетронутой природой». За три десятилетия, что существовала Арка, западная оконечность Экватории превратилась в беспорядочный агломерат рыбацких деревушек, складов пиломатериалов, допотопных фабрик, фермерских хозяйств, практикующих подсечно-огневое земледелие, как попало проложенных дорог. На побережье была целая дюжина быстро растущих городов, хотя почти все поставки сырья с континента шли сюда через один-единственный из приморских городов — Порт-Магеллан. Берег Лома, находящийся примерно в сотне морских миль к северу от Порта, представлял собой, наверное, самую безобразную колонию на всем побережье. Так утверждал капитан-филиппинец, и, судя по всему, был абсолютно прав. К широкому галечному пляжу за молом приткнулись остовы мертвых кораблей. Кругом дымили и чадили тысячи костров. Турк рассмотрел двухкорпусный танкер, чем-то похожий па «Пустельгу», десяток-другой каботажных судов, и даже один военный корабль, лишенный каких-либо опознавательных знаков. Все они, видимо, только что прибыли, и их еще не начали разделывать. Побережье на много миль вокруг заполняли стальные скелеты с ободранной обшивкой, выпотрошенные корабельные останки, в недрах которых беспорядочно вспыхивал свет ацетиленовых резаков. Все это было окружено амбарами, кузницами, складами инвентаря, магазинами, торгующими всяческим оборудованием для утилизации. Основной рабочей силой здесь были индусы и малайцы, отрабатывающие таким образом свой билет в Новый Свет. В утренней дымке вдали виднелись лесистые холмы, переходящие в серо-голубые подножия гор.

Началась швартовка, и Турку пришлось уйти с палубы. Швартовка крупнотоннажных судов к Берегу Лома заключалась попросту в том, чтобы направить судно на отмель и там его оставить. Все остальное делали могильщики, набрасывавшиеся на корабль, как только его покидал экипаж. Сталь отправлялась под пакетировочные прессы, расположенные тут же на побережье чуть

южней. Из километров проводов и труб добывался алюминий, который затем продавался на вес. Даже судовые колокола и те, как рассказывали Турку, предлагались затем местным буддийским храмам. В Экватории любая вещь, сделанная человеческими руками, на что-нибудь да пригождалась. То, что «швартовка» такой громадины, как «Пустельга», будет действом довольно жестоким, никого не волновало. Ни один из этих кораблей уже никогда никуда не поплывет.

Как только проревел гудок, Турк направился в трюм. Там сидел среди прочих ухмыляющийся Томас. Турк уже успел полюбить от души его ухмылку, диковатую с виду, зато непритворную.

— Вот «Пустельге» и конец, — сказал Томас. — Мне скоро тоже. Сколько веревочке ни виться… верно я говорю?

— Мы еще даже не на берегу, — ответил Турк.

Скоро капитан опустит рычаг, отдаст приказ машинному отделению и направит корабль на берег — пошлет на смерть. Двигатель остановят в последний момент. Нос корабля проделает в песке огромную рытвину. Ее зализет песком первый же прилив. Экипаж сбросит веревочные лестницы и заспешит по ним вниз, следом спустят ранцы со снаряжением. А Турк сделает свой первый шаг по земле Нового Света, по мокрому песку Берега Лома. Через месяц от «Пустельги» не останется ничего, кроме воспоминаний и нескольких тысяч тонн железного лома.

Любая смерть — рождение, — сказал Томас. Он был достаточно стар, чтобы в его устах такие вещи не звучали смешно.

— Мне этого не понять.

— Брось. Ты вообще странный человек. Так много понимаешь и так мало говоришь. «Пустельги» сейчас не станет. Зато вот ты попал в Новый Свет. Одно умрет, другое родится.

— Ну, если таково твое мнение…

Турк почувствовал ногами биение допотопного сердца танкера. Скорее всего он рассыплется на куски, как только сядет на мель. Все оборудование, которое могло упасть но время швартовки, было уже закреплено, кое-что демон-тиронано и отправлено на берег на шлюпках — вместе с частью экипажа.

— Хорош! — закричал Томас, когда вибрация стала слишком ощутимой, дрожала палуба и ножки кресел. — Что-то мы быстро идем, вам не кажется?

Должно быть, сейчас корабль ухал носом в воду и выныривал, как бывало с ним во время штормов. Только теперь они были уже не в открытом море. Они неслись прямо к пустому участку берега, готовому к гибели корабля.

Суша стремительно приближалась. Капитан переговаривался по радиосвязи с лоцманом, в обязанности которого входило корректировать курс, он же должен был в нужный момент передать команду заглушить двигатель.

Скорей бы уж все закончилось, думал Турк. Матросская жизнь была ему, в целом, по душе. Но когда до запланированного кораблекрушения остаются секунды, поневоле станет не по себе…

— Ты раньше с таким сталкивался?

— Лично я — нет, — отвечал Томас. — Но однажды видел такое в Индии, недалеко от Гоа. Старый контейнеровоз выбросился на мель. Вроде нашего, только поменьше. Это была просто песня. Видел, как черепахи карабкаются, чтобы яйца отложить? Вот и он так же… Понимаю все, что ты сейчас переживаешь. Но это не настоящая жестокость. Жестокость — другое.

Прошло несколько минут. Томас взглянул на часы, болтавшиеся как браслет на его худом запястье, и сказал:

— Пора заглушать машину.

— Ты засекал время?

— У меня есть глаза и уши. Я помню, где мы стояли, и могу на слух определить скорость.

Может, это и было очередным кокетством Томаса. А может — и правдой. Турк вытер вспотевшие ладони об коленки. Какие тут могут быть сбои? Чисто баллистический расчет…

Что произошло, он узнал только потом. В решающий момент капитанский мостик оказался обесточенным — из-за отказа чего-то или замыкания в изношенной проводке. Капитан не мог ни услышать указаний лоцмана, ни передать их машинистам. «Пустельга» должна была продолжать движение по инерции, но вместо этого врезалась в берег на полном ходу. Турка выбросило из кресла. Корабль коснулся земли и стал картинно заваливаться на правый борт. Висящий на стене стальной шкаф со Столовыми приборами сорвался и полетел прямо на Турка. Он был величиной с гроб и примерно такой же тяжести. Турк ни за что не успел бы отскочить, если бы не Томас, как по волшебству оказавшийся прямо перед ним. Чудом сохраняя равновесие, он схватился за угол грохочущего ящика, пытаясь его удержать. Потом повалился в кресло. Корабль замер, и его машина наконец, по милости судьбы, тоже. По телу «Пустельги» пронеслась предсмертная старческая судорога. Готово. Пришвартовались.

Всё хорошо, кроме…

Кроме Томаса, принявшего на себя весь удар стального шкафа. Его левая рука была раскроена до локтя, в ране виднелась кость.

Томас ошарашенно сидел, опустив раненую руку на колени. Его штаны уже пропитались кровью. Турк сделал жгут из носового платка, попросил Томаса постараться не орать благим матом и побежал за помощью. Минут десять их не мог найти ни капитана, ни его помощников.

Выяснилось, что корабельный врач уже на берегу, а в аптечке не оказалось никаких лекарств, только бинт. Томаса а пришлось спускать с палубы в люльке, наспех связанной из веревок. Для облегчения боли не нашлось ничего, кроме пары таблеток аспирина. Капитан отказался взять на себя ответственность за несчастный случай, забрал у босса а могильщиков причитающуюся ему сумму и еще до заката уехал на автобусе в Порт. Так что Турку пришлось одному ухаживать за Томасом. Ему удалось уговорить какого-то сварщика-малайца, возвращавшегося с работы, позвать врача или кого-то, кто сошел бы за медика в этой части света. Худощавый малаец сказал на ломаном английском: она женщина и хороший доктор. Американский доктор, очень добрый к рабочим. Врач, хотя и была белой, уже много лет жила в рыбацкой деревушке минангкабау [8]на этом берегу неподалеку.

Он сказал: «Ее зовут Диана».

ГЛАВА 6

Турк рассказал Томасу о Лизе, не слишком вдаваясь в подробности. О том, как они сблизились, заблудившись в юрах. Как он тосковал по ней потом, после возвращения в юрод, когда Лиза решила порвать с ним отношения. Как они снова оказались вместе в ту ночь, когда стал падать пепел.

Томас слушал его, сидя в своем стареньком драном кресле, прихлебывая пиво из зеленой бутылки и блаженно улыбаясь, словно все эти бури жизни были от него где-то за тридевять земель.

— Судя по твоему рассказу, ты не очень хорошо знаешь эту девушку.

— Чтобы кому-то верить, необязательно его хорошо знать. А ей я верю.

— Прямо так уж и веришь?

— Да.

Томас собрал в пригоршню свои мешковатые джинсы в паху:

— Вот чему ты веришь. Все моряки одним миром мазаны.

— Это не то.

— Это всегда не то. И всегда то. Так с какой целью ты мне о ней рассказываешь?

— Я хотел, если ты не против, тебя с ней познакомить.

— Со мной? Турк, я тебе папаша, что ли?

— Нет, но ты… ты не такой, каким был раньше.

— Не понимаю, при чем тут это?

Турку приходилось очень осторожно касаться этой темы. Он боялся нечаянно задеть Томаса.

— Одним словом… она интересуется Четвертыми.

— О Господи. — Томас закатил глаза. — *Интересуется*'?..

— У нее есть на то причины.

— И ты хочешь представить ей меня в качестве образца номер один, я верно понял?

— Нет. Мне бы хотелось сделать так, чтобы Лиза смогла поговорить с Дианой. Но прежде мне нужно узнать твое мнение о ней.

* * *

Диана, «западный доктор» — или медсестра, как она упорно предпочитала себя называть, — спешно прибыла из деревни на севере, чтобы осмотреть Томаса.

Сначала Турк был настроен к ней недоверчиво. Как он подозревал, в Экватории, тем более в такой глуши, никто ни у кого не проверял дипломов и лицензий. Всякий, у кого есть клизма и бутылка дистиллированной воды, смело мог бы назваться здесь врачом, и боссы могильщиков с Берега Лома охотно привечали бы такого врача. Тем более если он не просит денег за лечение, независимо от его результатов. Турк сидел с Томасом в пустой хижине, куда должна была прийти Диана, время от времени занимая его болтовнёй, пока старик не уснул. Несмотря на то, что из-под самодельной повязки до сих продолжала сочиться кровь. Хижина была из какого-то местного дерева вроде бамбука, плоскую жестяную крышу подпирали ободранные стволы, то расширяющиеся, то сужающиеся. Пахло несвежей едой, табаком и потом. Было жарко. Редкие вздохи тропического ветерка чуть шевелили москитную сетку, закрывающую дверной проем.

Солнце уже садилось, когда Диана поднялась наконец по дощатым ступенькам и, откинув сетку, ступила в хижину на шаткий помост, держащийся на нескольких брусьях. На ней была туника и широкие штаны из ткани, цветом и фактурой напоминающей некрашеный муслин. Она была немолода. Очень немолода. Ее светлые волосы казались почти прозрачным пухом.

— Кому требуется помощь? — спросила она, окинув хижину беглым взглядом. — И, пожалуйста, зажгите лампу, здесь ничего не видно.

— Меня зовут Турк Файндли, — сказал Турк.

— Это вам требуется помощь?

— Нет, я…

— Где больной?

Турк зажег масляную лампу и провел доктора за ширму, к желтоватому тюфяку, на котором спал Томас. Жужжание насекомых снаружи становилось все громче. Турк никогда не ожидал такого от насекомых, но это гудящее стальное стаккато нельзя было спутать больше ни с чем. С берега доносился еще стук молотков, грохот железа, пыхтение и завывание дизелей.

Томас похрапывал в забытьи. Диана с отвращением посмотрела на кое-как повязанный окровавленный бинт.

— Что случилось?

Турк рассказал ей про неудачную швартовку «Пустельги».

— Выходит, он пожертвовал собой ради вас?

— Ну, собой не собой, но куском руки точно.

— Счастливый вы человек. Всем бы таких друзей.

— Пожалуйста, посмотрите, что у него с рукой… Атам будет ясно, счастливый я человек или нет.

Она потрогала Томаса за плечо. Тот открыл глаза и немедленно выругался — старинной, жгучей, как перец, креольской похабщиной. Потом попытался сесть, но у него ничего не вышло.

— А это что еще, б…, за старушенция?

— Я медсестра. Успокойтесь. Кто делал вам перевязку?

— Какой-то козел на корабле.

— У него это получилось крайне неудачно. Можно, я осмотрю вашу руку?

— Я думаю, он это делал впервые в жизни. Он… ё-мое!.. Отец небесный!.. Турк, это правда медсестра?!

— Не ведите себя как маленький, — сказала Диана. — И лежите смирно. Я не смогу вам помочь, пока не пойму, в чем дело. — Она помолчала, продолжая осмотр. — Ясно… Вам повезло, что артерия не задета. — Она достала из сумки шприц и наполнила его. — Это обезболивающее. Сейчас сделаем вам укол. Потом промоем рану.

Томас было принялся негодовать, но больше для виду. После укола ему заметно полегчало.

Турк отошел в сторону, чтобы освободить место Диане, — хижина была совсем крохотной. Он попытался представить себе, на что похожа жизнь могильщиков судов.

Спаять в ангаре, молиться, чтобы тебя не убило и не покалечило раньше, чем закончится годовой «контракт» и тебе выдадут обещанную зарплату вместе с билетом до Порта. По словам босса могильщиков, в лагере был официальный врач, но он приходил дважды в неделю и в основном для заполнения бумаг. Большую часть рутинной работы — скальпелем и иголкой — приходилось делать Диане.

Турк наблюдал за ней — за тем, как движется в такт ее движениям тень на прозрачной сетке. Диана была худощавой и двигалась с выверенной осторожностью, свойственной очень старым людям. И в то же время ее никак нельзя было назвать слабосильной. Она делала свое дело спокойно и сосредоточенно, иногда что-то бормоча себе под нос. Лет ей было примерно столько же, что и Томасу, — а ему можно было дать когда шестьдесят, когда семьдесят, когда и все восемьдесят.

Томас то и дело ругался, но уже не так свирепо — сказывалось действие обезболивающего. В хижине несносно пахло антисептиком, и Турк вышел за дверь. Уже почти стемнело. Неподалеку росло скопление цветущих кустов, ни на что не похожих. Их шестипалые листья чуть трепетали от бриза, а цветы были голубыми и пахли как клевер, корица или еще какие-то рождественские пряности. Вдали чуть светились, как фитильки,

огни и костры Берега Лома. А за ним, отсвечивая бледно-зеленым фосфорическим светом, расстилался океан. Чужие звезды всходили на небо, начиная свой неспешный и величественный еженощный круг.

* * *

Диана закончила работу и сказала:

— Есть риск осложнений.

Она присела рядом с Турком на краешке бруса, поддерживающего пол на высоте примерно фута от земли. Промыть и зашить рану Томаса оказалось, судя по всему, делом непростым. Диана достала платок и вытерла пот со лба. У нее американский акцент, подумал Турк, — что-то южное, может, Мэриленд.

— Каких осложнений?

— Ну, особенно бояться нечего. Но в Экватории совсем другая микрофлора, чем на Земле, если вы понимаете, о чем я говорю…

— Может, я и выгляжу придурком, но не до такой степени невежда.

Диана рассмеялась.

— Прошу прощения, мистер… Как вас зовут?

— Файндли, но зовите меня Турком.

— Такого имени я, кажется, еще не встречала.

— Просто, мэм, я в детстве немного жил с семьей в Стамбуле. Вот и нахватался всего турецкого. С тех пор меня все зовут Турк. Так что вы имели в виду: Томас может заразиться каким-то местным заболеванием?

— На этой планете раньше не было людей. Ни гоминидов, ни приматов, ни кого-либо, хоть сколько-то генетически напоминающего нас. Поэтому большинство местных вирусов для нас безопасно. Но бактерии и грибки, как вы знаете, хорошо размножаются в любой теплой и влажной среде, в том числе и в человеческом организме. Здесь нет ничего такого, к чему мы не могли бы адаптироваться, мистер Файндли, — простите, Турк, — и ничего чересчур опасного и заразного для землян. И все же это не лучшая идея — отправиться в Новый Свет с совершенно расшатанной иммунной системой, и вдобавок — как в случае мистера Джинна — заработать здесь открытую рану, которую забинтует какой-то идиот.

— Может, ему надо было дать какие-нибудь антибиотики?

— Я и дала. Но местная микрофлора не всегда реагирует на

обычные антибиотики. Поймите меня правильно. Его здоровью ничто особенно не угрожает, надеюсь, но всегда стоит подстраховаться. Вы его близкий друг?

— Не то чтобы очень близкий. Но, как я уже говорил, он пострадал из-за меня.

— Мне бы хотелось, чтобы он несколько дней побыл здесь под моим присмотром. Согласны?

— Конечно. Если только вы сами сумеете убедить его остаться. Я ему не сын, не родня, он меня не послушает…

— Куда вы собираетесь отправиться, если не секрет?

— В Порт.

— У вас есть там какой-то определенный адрес? Телефон?

— Нет, мэм. Я вообще здесь первый день. Пожалуйста, передайте Томасу, если он тоже соберется в Порт, что я Пуду по вечерам ждать его в клубе моряков.

— Передам, — сказала огорченно Диана.

— Или, может, мне вам позвонить?

Она повернулась к нему и долго, пристально на него смотрела. Словно стараясь заглянуть в душу. Ему уже делалось не по себе от этого взгляда.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я оставлю вам номер.

Она достала из сумочки карандаш и написала неровным почерком свой телефон на корешке билета Прибрежно-городской пассажирской компании.

* * *

— Она тебя испытывала, — сказал Томас.

— Знаю.

— Ну и чутье у этой бабы.

— Да, в том-то все дело, — ответил Турк.

* * *

В Порту Турк приискал себе жилище. Он жил на те небольшие деньги, что у него были, и каждый день наведывался в клуб моряков в надежде встретить Томаса. Но Томас все не появлялся. Поначалу это не очень беспокоило Турка. Томас мог быть где угодно. С его характером он вполне мог решиться и на переход через горы. Так что Турк, заказывая себе ужин и выпивку, тут же забывал о своем приятеле с «Пустельги». Так прошел месяц. Наконец Турк достал корешок билета и позвонил по

номеру, оставленному Дианой.

Механический голос ответил: такого номера не существует.

Это всерьез его озадачило, а заодно и пробудило в нем чувство ответственности. Денег у него осталось совсем чуть-чуть. Он собирался устроиться наладчиком на трубопроводы и все же решил перед тем съездить на Берег Лома. Один из боссов могильщиков помнил его в лицо. Он сказал, что Томас заболел, и очень серьезно, но у них, конечно, не было ни времени, ни возможностей возиться с каким-то старым больным матросом, поэтому Диана и рыбаки-минанги отвезли Томаса к себе в деревню.

У выезда на шоссе находился китайский ресторанчик с жестяной крышей. Турк поужинал в нем, после чего поймал очередную попутку. Водитель, агент какой-то африканской торговой фирмы, ехал на север, к подковообразной бухте с крикливой рекламой, светящейся в долгих экваторианских сумерках. Он указал Турку на грунтовую дорогу, уходящую в лес, с указателем на странном языке, и сказал: «Деревня там». Турк прошел пару миль и к тому часу, когда звезды становятся ярче, а мошкара — назойливее, — добрался наконец до горстки деревянных домишек с крышами, настланными поверх буйволовых рогов. Неподалеку была лавка, где за столами, сделанными из кабельных катушек, пили кофе при свете фонариков люди в огромных тюрбанах. Он изобразил самую вежливую улыбку, какую мог, и спросил, как пройти к клинике доктора Дианы.

Один из местных улыбнулся в ответ и перевел остальным его просьбу. К Турку подошли двое крепких молодых людей. Один встал слева от него, другой справа. Он еще раз повторил свою просьбу, и один из них ответил по-английски:

— Мы вас проводим.

Они тоже улыбались, но Турку было не по себе от вида дружелюбных внешне, но строгих конвоиров.

* * *

Да, наверное, когда ты приехал, я находился в совершенной жопе, — сказал Томас.

— Еще какой, — подтвердил Турк. — А ты что, сам ничего не помнишь?

— Очень мало.

* * *

«Совершенная жопа» означала, что Томас лежал, изможденный до крайности, не вставая с постели и с трудом дыша, в комнатушке в большом деревянном доме, который Диана называла своей «клиникой».

Турка при взгляде на своего друга охватил ужас.

— Господи Иисусе, что с ним?

— Не волнуйтесь, — сказала *ибу*Диана, как называли ее в деревне. Видимо, это было каким-то местным почтительным обращением.

— Он умирает?

— Нет. Он выздоравливает… хотя внешне, понимаю, но выглядит довольно ужасно.

— Все из-за той раны?

Вид у Томаса был такой, словно ему вставили в горло шланг от пылесоса и высосали из него все внутренности. Турк никогда еще не видел настолько исхудалого человека.

— Нет, все гораздо сложнее. Присядьте, я вам сейчас объясню.

За окном клиники Дианы в деревне продолжалась шумная вечерняя жизнь. На карнизах покачивались светильники, откуда-то доносилась музыка, напоминавшая громыхание жести. У Дианы были электрический чайник и французская кофемолка. Она приготовила кофе — горячий и крепкий.

По словам Дианы, до последнего времени в клинике работали два настоящих врача. Это ее муж и еще одна женщина, по национальности минангкабау. Оба они недавно умерли, и Диана осталась одна. Все знания, какие у нее были, она приобрела, работая медсестрой. Этого было достаточно, чтобы клиника продолжала существовать: она была жизненно необходима не только для этой деревни, но и для дюжины соседних, не говоря уж о нищих могильщиках. В сложных случаях, когда Диана не могла помочь своими силами, она направляла пациентов в больницу Красного Полумесяца на севере побережья или в благотворительный католический госпиталь в Порт-Магеллане, хотя путь туда был неблизким. С колотыми и резаными ранами, несложными переломами, заурядными болезнями и расстройствами она отлично справлялась сама. Диана регулярно консультировалась с приезжающим врачом из Порта, который, понимая ее положение, заботился об обеспечении клиники основными медикаментами, стерильными бинтами и тому подобным.

— Так, может, лучше было отправить Томаса в Порт? — спросил Турк. — По-моему, он чувствует себя крайне неважно.

— Рана на руке — самая пустяковая из его проблем. Он

говорил вам, что у него рак?

— Нет… О Господи! Быть не может.

— Мы перевезли его сюда, потому что в рану попала инфекция и началось воспаление. Но по первому же анализу крови я поняла, что дело куда хуже. Из диагностического оборудования у меня мало что есть, зато есть переносной флюорограф. Ему хоть и десять лет уже, но работает отлично. После флюорографии все стало окончательно ясно. Если бы Томас не попал сюда, он бы прожил очень недолго. Как вы знаете, рак не принадлежит к числу неизлечимых заболеваний, но ваш друг слишком долго не обращался к врачам. У него были уже очень глубокие метастазы.

— Он умрет?

— Нет. — Диана помолчала и еще раз посмотрела на Гурка тем же пронзительно странным взглядом. Он сделал усилие, чтобы не отвести глаз. Это напоминало игру в кошки-мышки.

— Я предложила ему не совсем традиционное лечение.

— Какое, что-нибудь вроде облучения?

— Я предложила ему пройти курс четвертого возраста.

Турк на миг лишился речи. Из-за окна по-прежнему доносилась музыка — что-то невыносимо немелодичное, напоминающее беспорядочные звуки ксилофона, пропущенные через дешевый динамик.

— Вы это можете?..

— Могу. Я это сделала.

У Турка промелькнула мысль: «Вот это да, ну я и влип!» И как теперь из этого выбираться с наименьшим ущербом для своей шкуры?

— Как я понимаю, здесь это не запрещено…

— Вы ошибаетесь. Просто здесь легче это скрыть. Но нужна осторожность. Лишние десятилетия жизни, сами понимаете, лучше не афишировать.

— Вы же могли мне этого и не говорить…

— Не могла. Потому что Томасу, когда он встанет на ноги, понадобится определенный уход. И потому, что вы производите впечатление человека, которому можно доверять.

— Как вы об этом догадались?

— Хотя бы по тому, что вы приехали сюда из-за него. — Она улыбнулась, и Турк смутился. — Интуиция, основанная на опыте, назовем это так. Вы понимаете, что курс Четвертых — это касается не только долголетия? Марсиане с очень большой осторожностью относились ко всему, что связано с вторжением в генетику. Они не хотели создать касту влиятельных стариков. Курс Четвертых одно дает, другое отнимает. Дает лишние

тридцать — сорок лет жизни, и наглядный пример тому — я сама, если вы еще не догадались. Но он также кое-что изменяет в человеческом устройстве.

— В устройстве? Человеческом? — ошарашенно переспросил Турк.

Ему даже с трудом давались слова. Он никогда еще не разговаривал с Четвертыми, разве что — сам того не подозревая. А эта женщина утверждает, что она одна из них. Сколько же ей на самом деле? Девяносто? Сто?..

— Что, я выгляжу так страшно?

— Нет, мэм, совсем нет, но…

— Правда не страшно? — Она продолжала улыбаться.

— Я просто…

— Турк, я хотела сказать… Я уже много лет Четвертая. Все мы гораздо более восприимчивы к определенным нюансам общения и поведения, на которые обычные люди не обращают внимания. Как правило, я способна различить ложь и притворство — по крайней мере, говоря с человеком лицом к лицу. Но против *искреннейлжи* у меня нет защиты. Я не всезнающая, не какая-то особенно мудрая и не умею читать мысли. Самое большее: у моего детектора вранья немного пониже порог распознавания. А так как любая община Четвертых всегда в осадном положении — из-за полиции, из-за бандитов или из-за тех и других сразу, — этот навык нередко бывает полезен. Я не настолько знаю вас, чтобы сказать, что я вам доверяю, но достаточно *вижу*вас, чтобы сказать, что мне хочется вам доверять… Понимаете?..

— Наверное, да. В том смысле, что у меня нет никаких предубеждений насчет Четвертых. Я вообще раньше мало об этом думал…

— Теперь придется расстаться с этой блаженной невинностью. Ваш друг не умрет от рака, но ему нельзя оставаться здесь, и к тому же ему предстоит долгая адаптация. Я бы хотела передать его на ваше попечение.

— Мэм… Диана… я понятия не имею, как ухаживают ж больными. А тем более за Четвертыми.

— Он совсем недолго проболеет. Но ему нужен будет заботливый друг. Согласны ли вы стать таким для него?

— Конечно, согласен… попробую… Хотя, может, все-таки лучше не я? Тем более что я сейчас в трудном положении, и финансовом, и вообще…

— Если бы было еще к кому обратиться, я бы вас не просила. То, что вы приехали сейчас сами, — уже подарок судьбы. — Она помолчала и прибавила: — И если б я не хотела, чтобы вы меня нашли, меня было бы гораздо труднее найти.

— Я пытался позвонить, но…

— Мне пришлось отказаться от прежнего номера. — Она нахмурилась, но не стала дальше продолжать.

— Ладно… — («Какой к черту „ладно“!» — подумал он.) — Я и перед бездомным псом в грозу двери не смог бы захлопнуть.

Она снова улыбнулась.

— Я так и думала.

* * *

— Ну, теперь-то ты уже поболее знаешь о Четвертых, — сказал Томас.

— Не уверен, — ответил Турк. — Ты у меня единственный живой образчик Четвертых перед глазами. Честно говоря, не слишком вдохновляющий.

— Она так и сказала тебе: детектор вранья?

— Примерно так. А ты что об этом думаешь?

Томас оправился от болезни — по существу, от генетической перестройки, в которой и заключается курс четвертого возраста, — довольно быстро, как и предсказывала Диана. С психологической адаптацией дело обстояло иначе. Он прибыл в Экваторию, чтобы здесь умереть, а вместо этого получил еще три или четыре десятилетия жизни, на которые у него не доставало ни четких планов, ни желаний.

Зато физически он приобрел прекрасную форму. Уже через неделю после выздоровления Томас выглядел заметно помолодевшим. Его петляющая походка сделалась увереннее, есть он стал за двоих. Турку было так странно наблюдать за этим — словно Томас сбросил с себя старое тело, как змея сбрасывает кожу. «Да я это, блин!» — повторял он всякий раз, когда Турку становилось не по себе от пропасти, разделяющей прежнего и нового Томаса. Он откровенно наслаждался вернувшимся здоровьем. Единственный минус, по его словам, заключался в том, что после восстановления тканей исчезли татуировки. В этих татуировках была записана половина истории его жизни.

— Ты хочешь знать, есть ли и у меня какой-то супердетектор вранья? Ну, с точки зрения обычных людей, может, и есть. Все-таки уже десять лет прошло… А ты что думал?

— Не знаю. Мы же с тобой об этом почти не говорили.

— И правильно, что не говорили. Мне так было проще.

— Ты тоже сразу понимаешь, когда тебе врут?

— Умного из дурака никакими таблетками не сделаешь. А я и не шибко умен, и детектора лжи никакого у меня нет. Но я

обычно чувствую, когда кто-то старается мне что-то внушить.

— Потому что, как мне кажется, Лизе врут. Сама она интересуется Четвертыми из искренних побуждений. Но ее могут использовать. Зато, с другой стороны, она знает кое-что, что могло бы пригодиться Диане.

Томас помолчал, потом опрокинул залпом весь остаток пива и поставил бутылку на столик. Его испытующий взгляд живо напомнил Турку аналогичный взгляд Дианы.

— Ты оказался в довольно трудной ситуации, — сказал он.

— Я сам знаю, — ответил Турк.

— Может запахнуть жареным.

— Этого я и опасаюсь.

— Можно, я немного подумаю, прежде чем тебе что-то отвечать?

— Конечно.

— Ладно. Попробую навести справки. Позвони мне через пару дней.

— Буду тебе очень признателен. Спасибо.

— Погоди благодарить, — сказал Томас. — Может, я ещё передумаю.

ГЛАВА 7

Лиза ехала по направлению к консульству, и тут приемник в машине произнес: «У вас новое сообщение».

— От кого? — спросила Лиза.

— Сьюзен Адамс, — ответил приемник.

Думая о матери, Лиза всегда вспоминала ее аптечку в углу кухни, с лекарствами на все случаи жизни, рассортированными по дням и часам. Антидепрессанты, сжигатели жира, профилактическое от болезни Альцгеймера (к которой, возможно, имелась предрасположенность и у Лизы)… Почасовая механика умирания.

— Прочитать, — сухо сказала она приемнику.

«Дорогая Лиза!».

Мужской голос в приемнике был совершенно бесцветным, и жизни в нем было не больше, чем в размороженной рыбе.

«Спасибо тебе за последнее письмо. Это немножко успокоило меня после того, что я видела в новостях».

Она заговорила о пепле, которым были все еще усыпаны улицы, из-за чего тысячи туристов спешили обратно к своим лайнерам, умоляя поскорее доставить их домой. Они приехали в Экваторию, рассчитывая увидеть пленительные экзотические пейзажи, а столкнулись с иным — в полном смысле слова иным, чему нет никакого дела до человеческих расчетов.

Точно так же, подумала Лиза, поступила бы и ее мать.

«Все, о чем я сейчас думаю, — как ты далеко, и почему ты так отдалилась от меня. Мне не хочется повторять тебе все, что я уже не раз говорила. И я не собираюсь касаться твоего расставания с Брайаном».

Сьюзен Адамс возражала против их развода так же страстно, как когда-то, по иронии судьбы, противилась их браку. Мать Лизы поначалу недолюбливала Брайана из-за его работы. В представлении Сьюзен Генетическая Безопасность сплошь состояла из бестолковых и бесчувственных людей вроде тех, что терзали ее после исчезновения мужа. «Лиза, ты не можешь выйти за чудовище!» — говорила она. Но Брайан оказался вовсе не чудовищем. Он приложил все усилия, чтобы завоевать доверие Сьюзен и развеять ее предубеждения, и вскоре сделался желанным гостем в доме. Он быстро усвоил главное правило, которого следовало придерживаться в общении с ней: ни слова о Новом Свете, о гипотетиках, о Спине и об исчезновении Роберта Адамса. Упоминание обо всех этих материях в доме Сьюзен Адамс приравнивалось к богохульству. Не в последнюю очередь

поэтому Лиза с такой тревогой думала о предстоявшем отъезде в Экваторию.

Мать Лизы совсем потеряла покой, узнав, что Брайана посылают в Порт-Магеллан. «Вам нельзя туда ехать», — твердила она, словно Новый Свет был призрачным загробным царством, откуда еще никто не возвращался живым и невредимым. Ни за что, ни ради какой карьеры, нельзя отправляться в этот ад.

Конечно, это было не что иное как продолжающийся акт отрицания, насильственного изгнания из сердца тех событий, которые оно принять не может. Стратегия, которую давным-давно избрала для себя мать Лизы, ее личный громоотвод для скорби. Но именно это и возмущало Лизу.

Она ненавидела этот непроницаемый темный угол, в который мать загнала память об отце. От него не осталось ничего, кроме памяти, но память о нем невозможно было представить себе без его зачарованности всем, что связано с гипотетиками, без его любви к планете, с которой они соединили Землю непостижимыми воротами.

Сейчас бы он точно так же восхитился и этим пеплом, думала Лиза. Шестеренки и ракушки в пыли, частички величественной и таинственной мозаики…

«Я просто надеюсь, что последние события убедят тебя, что самое благоразумное сейчас — это вернуться домой. Лиза, если дело в деньгах, я могу заказать тебе билет. Я согласна, Калифорния уже не та, что прежде, но вид на океан из нашей кухни никуда не делся, и хотя летом жарко, а зимой штормит так, как никогда не бывало в моем детстве, — наверное, это пустяки по сравнению с тем, что сейчас переживаешь ты».

«Ты и понятия не имеешь, что я переживаю, — подумала Лиза. — Не можешь себе этого представить».

* * *

В полуденном свете американское консульство выглядело надежной крепостью добра, окруженной рвом и кованой железной оградой. За оградой кто-то посадил садик (разумеется, все растения были местного происхождения — привозить земные растения в Экваторию запрещалось, хоть этот запрет и не очень строго соблюдался). Пепел не пощадил его, но крепкие красные цветы, получившие в грубоватой таксономии первых поселенцев название «сучкины губки», устояли под грузом пепла. Стебли их напоминали лакированные палочки для еды, а листья — викторианские стоячие воротники, из которых выглядывали

клочкообразные соцветия.

У дверей консульства стоял охранник. Плакат на стене предупреждал посетителей о досмотре на предмет наличия оружия, портативной электроники, открытых емкостей и бутылок. Для Лизы эта процедура была не нова — до развода она часто бывала в офисе Брайана. Она помнила это здание еще с юности, с тех пор, когда они жили в Порту всей семьей. Каким надежным и неприступным оно тогда казалось, с его огромными белыми стенами и окнами, похожими на амбразуры!

Запросив у Брайана подтверждение на вход, охранник вручил Лизе разовый пропуск. Она поднялась лифтом на пятый этаж. Там, в сердцевине здания, находился облицованный плиткой коридор без окон — настоящий бюрократический лабиринт.

Брайан встретил ее здесь и провел в знакомый кабинет, на двери которого висела лаконичная табличка: «УГБ 507». Вот уже сколько лет он внешне почти не менялся — в свои «давно за тридцать» выглядел все так же моложаво и щеголевато. Одет, как всегда, с иголочки, на лице загар — по выходным он обязательно совершал прогулки по холмам, окружающим Порт. Он натянуто улыбнулся Лизе. Его поза и жесты выражали крайнее неудовольствие. Лиза взяла себя в руки и приготовилась выслушать очередную порцию нотаций.

Под началом Брайана работали трое сотрудников, но сейчас никого из них не было.

— Заходи, — сказал он, — присаживайся. Нам нужно кое о чем поговорить. Прости, но это важно, и чем скорее мы покончим с этим, тем лучше.

Он всегда старался выглядеть безукоризненно. Даже в самых неприятных ситуациях. Именно это больше всего и раздражало Лизу. Их брак не сложился с самого начала, но Лиза не смотрела на это как на жизненную катастрофу. Просто одна ошибка из многих (в части из которых ей было до сих нор стыдно признаться даже самой себе). Она никогда не понимала, на каком языке говорить с ним обо всем занимающем ее всерьез. Он посещал воскресные службы, верил всей душой в мораль и благопристойность и пытался всеми силами заслониться от сложности и чужести мира-после-Спина. Что неизменно выводило из себя Лизу. Она и так достаточно нагляделась на это в материнском доме. Ей хотелось другого. Того, что некогда так стремился передать ей отец во время долгих бесед на веранде звездными ночами: благоговейного или по меньшей мере открытого и мужественного отношения к Иному.

Брайан бывал порой очарователен. Ему хватало чуткости, и где-то глубоко в нем таилось живое, неподдельное сознание

собственного предназначения. Но Лиза никак не могла смириться с его страхом перед реальностью мира, в котором они жили.

Она села на стул. Свой стул он поставил так близко, что они почти упирались коленями.

— Возможно, это не самая приятная беседа в нашей жизни. Но я забочусь о твоем же благе. Пойми это, пожалуйста, и выслушай меня.

* * *

Турк ехал на аэродром, размышляя о своем разговоре с Томасом. Он собирался осмотреть самолет и к вечеру отправиться домой. Его «Скайрекс» — небольшой двухмоторный винтовой самолетик — служил ему уже пятый год и теперь куда чаще нуждался в уходе и ремонте, чем раньше.

Недавно на нем меняли инжектор, и Турку хотелось самому проверить качество работы механиков. Он припарковался на своем обычном месте за грузовым складом и прошел к ангару по бетонированной площадке, от пепла и дожди больше походившей теперь на шерстяной ковер. Но дверь ангара оказалась запертой на висячий замок, а из-под щеколды торчала записка: «Турк, зайди ко мне. Майк».

С чем это было связано, не стоило и гадать. Турк задолжал Майку двухмесячную плату за ангар и техобслуживание. Но он был на дружеской ноге с Майком — по крайней мере обычно у них получалось договориться, — поэтому вошел в офис владельца, репетируя про себя привычные извинения. Это был своего рода ритуальный танец: требование явиться, оправдания и символическое погашение долгов (хотя сейчас у Турка не было даже «символических» средств), очередная отсрочка. Правда, вот до замков дело пока что не доходило.

Старина Майк взглянул на него из-за стола с видом глубокого сожаления.

— По поводу твоего ангара, — сказал он сходу, — мне жаль, но у меня не остается выбора. Дела нужно вести по деловому.

— Это все из-за пепла, — ответил Турк. — Мне пришлось отменить пару рейсов. Иначе бы я вам уже все заплатил.

— Охотно верю и не стану отрицать. Но, если посмотреть шире, что меняет пара рейсов? Сам посуди. Здесь таких аэродромов полным-полно. Конкуренты не дремлют. В старые добрые времена можно было смотреть на все сквозь пальцы и ни с кого особо не спрашивать. Авиаторы вроде тебя всегда что-то задалживают. Но теперь правила игры диктуют корпоративные

перевозчики. Из-за них места в ангарах дорожают. Даже если б ты платил все вовремя, я бы все равно на тебе терял. С этим не поспоришь.

— Майк, если у меня не будет самолета, у меня не будет денег.

— Проблема не в том, будут ли они у тебя, а в том, что у меня из-за тебя их нет.

— А мне кажется, ваши дела идут неплохо…

— Мне нужно платить сотрудникам. К тому же сейчас правительство спустило кучу новых предписаний. Видел бы ты мой учет, не стал бы говорить, что у меня дела идут неплохо. Спроси у бухгалтера. Он тебе скажет нечто совсем другое.

Еще бы, подумал Турк, он же не дилетант — Майк Эраджи знал толк в своем деле. Он основал свой аэродром, еще когда к югу от Порт-Магеллана не было ничего, кроме нескольких стихийных поселков и рыбацких деревень. Лет пять назад само слово «учет» здесь звучало бы дико.

Тогда Турк и приобрел свой шестиместный «Скайрекс».

Он обошелся ему куда дороже, чем стоил в Старом Свете. До недавних пор самолет приносил ему хоть и скромный, но стабильный доход. За него Турк давно расплатился, зато был должен кругом за все остальное.

— Так что я должен сделать, чтобы я смог летать на своём самолете?

Эранджи приподнялся в кресле, отводя глаза.

— Приходи завтра, поговорим. В случае чего, покупателя найдем — за этим дело не станет.

— Кого?..

— Покупателя. Ты что, сам не понимаешь? У меня есть кое-какие знакомые, которым это будет интересно. Про-дашь самолет — расплатишься с долгами, начнешь все сначала. В жизни так бывает. Не ты первый, и не ты последний.

— Это смотря в чьей жизни! — возмутился Турк.

— Погоди, не кипятись. В данном случае наши интересы совпадают. Я помогу тебе продать его максимально выгодно. То есть, если у тебя другого выхода не будет. Турк, гм же давно говорил, что хочешь устроиться на какое-нибудь экспедиционное судно, посмотреть новые края… Может, сейчас самое время? Ты не думал об этом?

— Спасибо за заботу, Майк.

— Обдумай это хорошенько, вот что я хочу сказать. И приходи завтра утром.

— Я вам все заплачу.

— Заплатишь? Прекрасно. Приноси чек, и никаких проблем.

И ступай-ка домой, приятель. Ты выглядишь неважно.

* * *

— Во-первых, — сказал Брайан, — ты опять встречаешься с Турком Файндли.

— Какого черта?.. — тотчас ответила Лиза.

— Послушай меня, пожалуйста. Не перебивай… Ты что, поручил кому-то за мной следить.

— Лиза, я этого не смог бы, даже если захотел.

— Тогда откуда ты это знаешь?

Брайан вздохнул. Его поджатые губы и потупленные глаза словно говорили: «Мне все это так же неприятно, как тебе».

— Лиза, здесь замешаны люди посерьезнее нас с тобой.

Она уже злилась не на шутку и готова была разозлиться еще больше. Она до сих пор чувствовала себя виноватой перед Брайаном, а ничто так не гасит чувство вины, как праведный гнев.

— Какие еще люди?

— Я только напомню тебе, с твоего позволения, о глобальных проблемах, которыми мы занимаемся. Человеческий геном — это святое, неприкосновенное. Сейчас ему угрожает очень и очень многое. Вся эта индустрия клонирования, марсианские технологии… Речь сегодня идет о выживании человечества как вида. И во всех правительствах мира есть люди, очень серьезно озабоченные этими вопросами.

Его кредо. Точно то же, вспомнилось Лизе, он когда-то излагал ее матери.

— Какое отношение это имеет ко мне? (И к Турку, если на то пошло, прибавила она мысленно.)

— Ты приносила мне один старый снимок с вечеринки у твоего отца. Я пропустил его через программу распознавания.

— Ты сам предложил мне это сделать.

Д— а, это была моя инициатива. И нашлась еще съемка с камеры наблюдения в порту. А подобные запросы вызывают некоторое беспокойство. Эти снимки привлекли внимание кое-кого на самом верху. Несколько дней назад к нам приезжали из Вашингтона…

— Из УГБ?

— Да, из УГБ, причем из самого высшего руководства. Люди, которые занимаются вещами куда более серьезными, чем мы здесь. От них до нас — все равно что от Экватории до Марса. Они очень интересуются этой женщиной. До такой степени, что не поленились пожаловать ко мне из Джакарты.

Лиза откинулась на спинку стула и попыталась все это осмыслить.

— Когда отец исчез, мать показывала УГБ все фотографии. И это не вызвало тогда ни у кого беспокойства.

— Это было десять лет назад. С тех пор могло кое-что измениться, появиться новая информация. То же самое лицо, но в другом контексте. Больше я пока ничего не могу сказать.

— А можно мне поговорить с этими людьми? Если они знают, кто такая Сьюлин Муа…

— Лиза, они тебе ничего не помогут узнать об отце.

— Почему ты так уверен?

— Потому что это люди не того масштаба — по-настоящему важные. Я и так сделал все, чтобы избавить тебя от разговора с ними.

— Но ты рассказал им обо мне?

— Да, рассказал все, что о тебе знаю. Потому что иначе они бы подумали, что ты причастна к… предмету их расследования. Они бы только зря потратили время, если бы стали расспрашивать тебя лично. А у тебя могли возникнуть крупные неприятности. Лиза, поверь мне, тебе лучше забыть об этой женщине.

— За мной следят. Да? Ты это хотел сказать? Кто-то следил за мной и видел меня с Турком?

Он поморщился, как всегда, когда она называла Турка по имени, но кивнул.

— Господи, Брайан!

Он развел руками, как бы говоря: «Я тут ничего не могу поделать».

— Могу сказать одно. Когда я смотрю на все это со стороны — на отношения, которые связывают нас, и на то, какими бы мне хотелось их видеть, — я спрашиваю себя: что на самом деле для тебя лучше? Мой тебе совет: оставь это дело. И перестань всех расспрашивать. Может, тебе даже стоило бы подумать о возвращении в Калифорнию.

— Я не собираюсь возвращаться.

— Я говорю — подумать. Больше я пока ничего не могу сделать, чтобы оградить тебя от неприятностей.

— А я просила у тебя защиты?..

— Давай поговорим об этом в другой раз, когда ты получше все обдумаешь.

— А может, не стоит?

— И еще мне бы хотелось поговорить с тобой о Турке Файндли и о вашей связи…

«О нашей связи. Бедняжка Брайан. Даже когда ревнует — и то

не может назвать вещи своими именами, отделаться от своего „протокольного“ языка. Наша связь…»

Какую линию защиты ей лучше избрать? «Турк пригласил меня на ужин, а потом стал падать этот пепел. Разумеется, он ночевал у меня, а что ему было делать — в машине оставаться? Нас связывают исключительно дружеские отношения…» Или лучше — прямо? «Я спала с ним, потому что он не такой трус, не помешан на чистоте ногтей и не работает в вашем гребаном УГБ?»

Внутри у нее все кипело. Она уже ни капли не чувствовала себя перед ним виноватой.

Брайан, к моей жизни ты больше не имеешь никакого отношения. Поэтому не лезь в нее, — сказала она, поднялась и вышла вон.

* * *

Турк отправился домой что-нибудь перекусить — в таком настроении ему не хотелось возиться с ужином. Он жил неподалеку от аэродрома в двухкомнатном бунгало, стоящем среди таких же развалюх на обрывистом берегу, возвышавшемся над морем. Когда-нибудь эта земля, возможно, станет лакомым куском недвижимости. А сейчас здесь совершенно не было никаких коммуникаций. Туалет представлял собой просто выгребную яму, электричество вырабатывали солнечные батареи и генератор, стоявший во дворе под навесом. Каждое лето Турк латал крышу, но зимой она начинала течь в других местах.

В предгорьях на западе садилось солнце. На востоке море окрасилось в чернильно-синий цвет. На севере виднелось несколько рыбацких лодок, возвращавшихся в бухту. Было свежо, вечерний бриз сдувал и уносил стойкий запах пепла.

Пепел лежал волнами вокруг фундамента. Крыша вроде бы выдержала его вес. Жилище Турка уцелело. Но вот еды у него оставалось кот наплакал. Он и забыл, что дома почти ничего нет. Надо было либо ехать за продуктами, либо довольствоваться консервированной фасолью. На ужин в кафе денег у него все равно не было.

«Прощай мой самолет», — думал он. Хотя рано горевать — ему просто запретили летать, а самолет пока никто не отнимал. Но на счету у Турка не было суммы, которая могла бы успокоить Эранджи. С тех пор как он вышел от Майка, у него все время вертелась в голове эта короткая мантра: «Прощай, мой самолет…»

Ему хотелось поговорить с Лизой. Но не хотелось взваливать

на нее свои проблемы. Он был далек от мысли, что завоевал доверие Лизы раз и навсегда. Она стала для него нежданным подарком судьбы, а судьбе Турк не очень доверял. Слишком часто она его обманывала.

Кукурузные хлопья, кофе, пиво…

Он попытался позвонить Томасу. Может, у него не слишком хорошо получилось объяснить, чего он от него хочет? Единственное, чем он мог помочь Лизе, это узнать, почему ее отец стал Четвертым (а Турк полагал, что именно так и случилось). И единственным, кто мог помочь узнать это — или хотя бы что-то прояснить, — был Томас. И еще ибу Диана, медсестра-Четвертая из деревни минангкабау на севере — если повезет, и ему удастся устроить встречу с ней.

Но Томас не отвечал. Сигнала голосовой почты тоже не было. Турку это показалось очень странным: Томас всегда носил с собой трубку. Телефон был, наверное, самым ценным его достоянием.

Турк сидел в нерешительности и думал, чем бы заняться дальше. Подсчитать, что ли, все, что осталось на карточках? Вдруг все-таки получится договориться с Майком? Или поехать снова в город и, может, навестить Лизу, если он ей еще не надоел, — заодно и проведать Томаса по дороге? Хотя лучше было бы, конечно, остаться дома, и заняться чем-нибудь полезным.

Да только никаких важных дел дома у него не нашлось.

Он погасил свет и вышел из дому.

* * *

Лиза возвращалась из консульства, чувствуя себя словно ошпаренной. Да, ошпаренной — самое точное слово. Обдали кипятком, сунули в кастрюлю и обожгли до волдырей. Она бесцельно колесила по улицам больше часа, пока датчик машины не отреагировал на закат и не включил фары. Небо окрасилось алым цветом. Долгий экваторианский закат казался еще более живописным из-за фильтра пыли, все еще висевшей в воздухе. Лиза проехала через арабский квартал, мимо базаров и кофеен под пестрыми навесами, украшенными разноцветными гирляндами. Город был наводнен людьми, которые словно стремились наверстать время, потерянное за дни, когда сыпался пепел. Отсюда она отправилась в дорогой район в предгорьях, где богачи из Пекина, Токио, Лондона и Нью-Йорка строили себе палаццо в средиземноморском стиле, окрашенные в пастельные тона. Она не сразу сообразила, что едет по улице, на которой

жила в детстве — те четыре года, что она провела с родителями в Экватории.

Вот и дом, в котором они жили. Проезжая мимо него, она притормозила. Дом был меньше, чем ей казалось по воспоминаниям, и куда меньше других особняков на этой улице. Он выглядел, как простое пальто на вешалке среди норковых шуб. Лизе страшно было и представить, сколько бы теперь стоило снять такой дом. Веранда, выкрашенная в белый цвет, тонула в сумерках, на ней видна была чужая мебель.

Когда они переехали сюда из Калифорнии, мать сказала: «Мы какое-то время здесь поживем, но недолго». Лиза никогда не говорила об этом доме «мой», даже в разговорах с друзьями из американской школы она предпочитала излюбленную формулировку матери: «там, где мы сейчас живем». В тринадцать лет Лизу немного пугали чужие края, которые она представляла себе только по фильмам и передачам, — а Порт-Магеллан был воплощением всех таких краев, смешавшихся в одном огромном котле. Она тосковала по Калифорнии и страстно мечтала о возвращении гуда. Во всяком случае, поначалу.

Чего ей хотелось теперь?..

Правды и памяти. Без памяти о прошлом не может быть правды.

Крыша была темной от пепла. Лизе невольно вспомнилось, как они с отцом сидели здесь по ночам на веранде. Вели б можно было опять оказаться с ним здесь! Поговорить — не о Брайане, конечно, не о ее неприятностях, а о пепле и о тех, кого Роберт Адамс называл (неизменно улыбаясь при этом) Сущностями Очень Больших Размеров. Обо всем, что за пределами будничного мира.

Когда она наконец вернулась домой, уже стемнело. Квартира была в беспорядке — немытая посуда в раковине, неубранная постель, все еще хранящая запах Турка. Лиза налила себе бокал красного вина и попыталась обдумать то, что говорил Брайан. Что это за «серьезные» люди, которые так заинтересовались этой женщиной, из-за которой (или с помощью которой), быть может, и исчез ее отец? Прав ли Брайан, считая, что ей лучше уехать домой? Можно ли извлечь еще хоть что-то существенное из руин, оставленных Робертом Адамсом?

Или, может, она сейчас ближе чем когда-либо к чему-то самому важному — потому ее и преследуют?..

* * *

По дороге Турк еще дважды звонил Томасу и оставлял ему сообщения. Томас не отзывался, и Турку стало совсем не по себе. Со стариком явно случилось что-то неладное. Может, конечно, он засел в каком-нибудь кабаке. Томас не изменил старым привычкам и все еще попивал, хотя никогда не надирался до такой степени, как раньше. Но на телефонные звонки он отвечал в любом состоянии. Петляя по заваленным пеплом улочкам Нью-Дели, Турк направлялся к дому старика. Его охватывали самые недобрые предчувствия. Томас был Четвертым, и со здоровьем у него все было в порядке. Но и Четвертые не бессмертны. Они тоже стареют и умирают. Он мог опять заболеть чем-нибудь. Или попасть в какую-нибудь переделку. Такое в Нью-Дели случалось чуть не каждый день. В округе орудовала пара банд филиппинцев, действовала сеть наркопритонов, все время что-нибудь да приключалось.

Турк оставил машину возле гремящей и орущей забегаловки, на углу плохо освещенного переулка, где жил Томас. Только-только стемнело. Кругом кипела жизнь, за каждой второй дверью завывала музыка. Но в фургоне у Томаса было темно, свет не горел. Может, старик спит? Дверь была почему-то приоткрыта.

Турк постучал в нее на всякий случай, хотя был уже уверен, что это бесполезно. Из дома не доносилось никаких звуков. Нашарив в кармане налобный фонарик, он включил его и посветил мигающим светом внутрь. В комнате царил разгром. Столик возле кресла, в котором обычно сидел Томас, валялся вверх ногами, на полу виднелись осколки лампы. В воздухе висел еще запах застарелого пота. Турк посветил на кровать, но она оказалась пуста.

Подумав секунду, он вышел и решительно постучал в соседний фургончик. Ему открыла тучная женщина в серой сорочке. Недавно овдовевшая миссис Гуди время от времени составляла старику компанию по выпивке. Томас как-то познакомил ее с Турком.

Соседка заявила, что последние несколько дней его не видела. Но сегодня приезжал какой-то белый фургон…

— А что — что-то случилось?..

— Надеюсь, что нет. Миссис Гуди, а как давно приезжал этот фургон?

— Час назад, может, два.

— Спасибо, миссис Гуди. Вы меня успокоили. Но все-таки лучше запирать двери покрепче.

— А то я не знаю этого! — сказала миссис Гуди.

Он вернулся к жилищу Томаса и плотно прикрыл дверь. Было ветрено. На углу переулка дребезжал на ветру самодельный

фонарь. Под ногами метались судорожные тени. Турк набрал номер Лизы. «Ну подойди, ответь, пожалуйста», — умолял он ее мысленно.

* * *

— Прочитать дальше письмо от Сьюзен Адамс, — приказала Лиза компьютеру.

Домашний ридер по крайней мере умел разговаривать женским голосом, хотя интонации его мало напоминали человеческие.

«Пожалуйста, пойми меня правильно. Я просто беспокоюсь о тебе как мать. Все время думаю, как ты там одна, it этом городе»…

Да уж. Одна. Можно было не сомневаться, что мать ударит в самое больное место. Невозможно было объяснить кому-то, что ей, Лизе, здесь нужно, и почему это для нес так важно.

«…подвергаешь себя опасности»…

Которая кажется куда реальнее, когда ты, как выразилась мать, одна.

«…хотя ты могла бы спокойно жить дома или с Брайаном, который»…

Разговаривает с ней, маскируя свою растерянность покровительственной интонацией, как сейчас вот.

«…тоже ведь всегда говорил тебе»…

Да. Говорил.

«…что ни к чему копаться в мертвом прошлом».

«А если оно не мертвое? Если мне, — думала Лиза, — не хватает то ли решимости, то ли бесчувствия, чтобы окончательно с ним распрощаться? И у меня нет другого выхода, как только гнаться за ним по пятам, пока оно наконец не отдаст последние долги. Может, радостные, а может, горькие».

Пауза, — сказала она ридеру. Она не могла выносить этого в больших количествах. Особенно сейчас — когда с неба сыплется черная пыль, когда за ней следят, а телефон ее наверняка прослушивают, и даже Брайан не может сказать почему. Сейчас, когда она, спасибо мамочке за напоминание, *одна*.

Она проверила остальные сообщения. Все оказались полной ерундой, кроме одного. Это было настоящее сокровище — письмо, с прицепом на скрепке от Скотта Клеланда, астронома, с которым она безуспешно пыталась связаться уже несколько месяцев. Клеланд был одним из последних университетских коллег отца, с кем ей не удалось поговорить до сих пор. Он

работал в Геофизическом Надзоре, в обсерватории на горе Мади [9]. Она уже и не надеялась от него чего-то дождаться. И вдруг пришел ответ, да ещё какой теплый. Ридер прочел его, сообразуясь с именем отправителя, мужским голосом.

* * *

«Дорогая Лиза!

Простите, пожалуйста, что я так долго Вам не отвечал. Виной тому не просто моя медлительность. Мне хотелось найти один документ, который, возможно, Вас заинтересует. Но я далеко не сразу смог его найти.

К сожалению, я не очень хорошо знал доктора Адамса. Мы общались в основном на профессиональные темы. Я высоко оценивал его работы, как и он мои. Что касается подробностей его жизни в то время и всего остального, о чем Вы спрашиваете, — боюсь, тут я не смогу ничем Вам помочь.

Как Вы, наверное, знаете, незадолго до своего исчезновения он начал работу над книгой под названием „Планета как артефакт“. Он попросил меня отрецензировать вступление к ней. Я выполнил его просьбу. Но не нашел в тексте никаких фактических неточностей и не смог предложить никаких существенных улучшений (не считая более эффектного заглавия).

На случай, если в архиве доктора Адамса нет этого вступления, — пересылаю Вам тот вариант, который он отправлял мне.

Исчезновение доктора Адамса было огромной утратой для всего нашего университета. Он всегда с великой любовью говорил о Вас, обо всей своей семье. Надеюсь, Ваши поиски увенчаются успехом и принесут Вам желанное утешение, дорогая Лиза».

* * *

Лиза приказала ридеру распечатать документ. Вопреки предположению Клеланда, в бумагах отца этого вступления не было. А если и было, мать могла его уничтожить. Сьюзен Адамс давным-давно порвала на клочки и выбросила все записи мужа, а его библиотеку передала в дар университету. Это было, как говорила про себя Лиза, частью ее ритуала по «очищению дома Адамсов».

Она отключила телефон и вышла на балкон, захватив с собой еще бокал вина и шесть распечатанных страниц. С утра Лиза

очистила балкон от пепла. Ночь выдалась теплой, и люстра в комнате давала достаточно света, чтобы можно было читать. Через пару минут она сходила за ручкой и, вернувшись на балкон, принялась подчеркивать отдельные фразы. Не то, что было новым для нее, а наоборот — то, что раньше неоднократно слышала от отца.

«За то время, которое мы называем периодом Спина, изменилось очень многое. Но самое главное изменение, самое значительное для человечества, мы, кажется, до сих пор так и не сумели осмыслить. Земля оказалась погруженной в застой на более чем четыре биллиона лет. Теперь мы живем во Вселенной бесконечно более старой, прошедшей более сложную эволюцию, чем некогда привычный нам мир».

То, о чем он когда-то рассказывал Лизе на веранде в те звездные ночи, только изложенное более строгим языком.

«Если мы хотим в действительности понять природу гипотетиков, мы должны всегда принимать во внимание этот факт. Они были уже очень древними, когда мы впервые столкнулись с ними. Но теперь они еще старше. Объектами непосредственного научного познания они быть не могут, поэтому все, что нам остается, — это судить о них но результатам их деятельности. По свидетельствам, оставленным ими самими, по следам их бытия, безграничного но времени и пространстве».

В этом чувствовалось то самое с детства знакомое ей отцовское волнение, пытливый интерес к неведомому, так не вязавшийся с привычной осмотрительностью и опаской матери. Эти страницы словно говорили отцовским голосом.

«Рассуждая о результатах деятельности гипотетиков, мы прежде всего вспоминаем Арку в Индийском океане, соединяющую Землю с Новым Светом. Но есть и другая Арка — между Новым Светом и еще одной, менее благоприятной для освоения планетой, а та таким же образом соединена с третьей и так далее — до бесконечности, насколько мы сейчас способны об этом судить. По неизвестным причинам гипотетики сделали доступным для нас целый коридор последовательно соединенных миров, все более и более негостеприимных по отношению к человеку».

Если доплыть до другого конца Нового Света, говорил отец, там будет еще одна Арка. За ней — скалистая планета с суровым климатом и малопригодным для дыхания воздухом. А еще дальше — очередной мир, с ядовитой атмосферой, насыщенной метаном, и океанами, полными кислот и нефтяных углеводородов. И для такого путешествия понадобится океанские

суда, оснащенные как космические корабли, с герметичным корпусом и мощной обшивкой.

«Но Арка в Индийском океане — не единственный артефакт, доступный нашему наблюдению. Сама планета-„соседка“, где я сейчас пишу эти строки, — также является артефактом. Существуют доказательства того, что она была создана или по крайней мере серьезно изменена в ходе модификации, длившейся много миллионов лет, с целью сделать ее природные условия максимально благоприятными для человека.

Строилось много предположений о смысле этого гигантского начинания, для которого потребовались целые эпохи Что такое Новый Свет для человечества? Выход или ловушка? Какова наша собственная роль в этом эксперименте? Лабораторных мышей? Или это действительно новая величественная судьба, открывшаяся человечеству? Земля до сих пор защищена от губительного излучения состарившегося Солнца. Означает ли это, что гипотетики заинтересованы в нашем выживании как вида, — и если так, то почему?..

Никто не знает ответов на эти вопросы. Не знаю их и я. Я просто хочу дать читателю общее представление о результатах уже проделанной работы в этой области познания, о выводах и размышлениях тех, кто занимается этим профессионально и самоотверженно…»

И чуть ниже:

«Мы находимся в положении пациента, пробуждающегося от комы длиной в жизненный цикл отдельно взятой звезды. Чего мы не сможем вспомнить, то должны открыть заново».

Лиза подчеркнула эту фразу дважды. Ей захотелось послать ее матери, начертать ее на плакате и помахать им перед носом Брайана. Это было именно то, что она всегда пыталась им сказать. В ответ на их сконфуженные улыбки и сочувственные взгляды («Бедная, бедная Лиза!») всякий раз, когда она пыталась прорвать завесу молчания вокруг жизни и смерти отца, вопреки их попыткам чуть ли не хирургическим образом изъять Роберта Адамса из памяти переживших его. Словно он сам из своего укрытия шагнул к ней, чтобы прошептать слова ободрения. *Чего мы не сможем вспомнить, то должны открыть заново*.

Она отложила листки и собиралась уже пойти спать, но напоследок еще раз проверила телефон.

Обнаружила три сообщения — все со значком «срочное», и все от Турка. Не успела она ответить ему, как пришло четвертое сообщение.

ЧАСТЬ II
ОКО РОЗЫ

ГЛАВА 8

Как только перестал падать фосфоресцирующий пепел и небо посветлело, внутренний дворик прибрали — остаток пыли унес ветер и поглотила пустыня. А вскоре в поселок стали поступать известия о новых загадочных событиях.

То, что совсем недавно вызывало ужас, сделалось теперь предметом бесконечных разговоров и размышлений. Новая загадка пришла куда более прозаическим образом: в виде сообщения по радио из города на другом конце материка. В нем не было ничего особенно пугающего, но оно имело отношение к одной из самых сокровенных тайн Айзека.

Он слышал, как говорили об этом в коридоре возле столовой двое взрослых — мистер Ноуотни и мистер Фиск. Речь шла об отмене коммерческих рейсов к нефтепромыслам в Руб-эль-Хали. Их отменили совсем недавно, еще до выпадения пепла, а теперь Временное Правительство и нефтяные компании объявили причину запрета: землетрясение.

Очень странно, говорил мистер Ноуотни, данная часть материка принадлежит к геологически стабильному кратону, в котором сотни тысяч лет не наблюдалось никакой тектонической активности. Там не может быть даже слабых толчков. Но сообщалось отнюдь не о слабых толчках. Большинство скважин и трубопроводов уже неделю как были законсервированы, причем часть из них разрушена.

— Мы знаем об этой планете куда меньше, чем думали, — сказал мистер Ноуотни.

Айзеку все это не казалось таким уж странным. Он знал — не знал, точнее, а чувствовал всем телом, хотя не мог бы этого объяснить, — что под неподвижными песками далекой западной пустыни что-то шевелится. Шевелится и заговаривает с ним на непонятном языке. Он мог с закрытыми глазами указать туда, где «это» находится, несмотря на расстояние в сотни миль. «Это» уснуло, когда на свете еще не было ни гор, ни песков, а теперь понемногу пробуждалось.

* * *

Первые два дня после выпадения пепла никто не выходил из жилищ, окна и двери держали на запоре, пока доктор Двали не объявил, что в пепле нет ничего особенно токсичного. В конце концов миссис Рэбка разрешила Айзеку гулять в саду при

условии, что он будет надевать марлевую маску. Двор уже очистили, но в воздухе по-прежнему висела пылевая взвесь. Миссис Рэбка считала, что это может быть опасно для здоровья, а ему своим здоровьем рисковать нельзя.

Айзек согласился надеть маску, хотя в ней было жарко, и вокруг губ и носа скапливался пот. От пыли не осталось ничего, кроме зернистого налета, осевшего на кирпичах и на рейках ограды из вечносерки. Айзек нашел, где ее было побольше, и нагреб себе на ладонь, сколько получилось.

Доктор Двали говорил, что в ней есть частички разрушенных машин. По мнению Айзека, здесь ничто не напоминало о машинах, но ему нравилась зернистость пепла, то, как он собирается в кучку на ладони и сеется между пальцами. Он сжал руку в кулак — и пепел сбился в хлопьевидный комочек. Разжал — и комочек тут же развеялся в воздухе.

Пепел светился. Не просто светился — сиял. Айзек знал, что, употреби он такое слово, никто бы его не помял. Это было сияние особого рода, не такое, как обычный свет. Айзек был уверен, что никто, кроме него, этого не может видеть. Может, Сьюлин Муа могла бы что-то ему объяснить?

У него накопилось уже очень много вопросов, которые хотелось ей задать. Но теперь сделать это было не так-то просто. С самого своего появления она была постоянно чем-то занята. То один, то другой взрослый подходит к ней и начинает о чем-то расспрашивать. Так что Айзеку приходилось дожидаться своей очереди.

За ужином он заметил, что, рассуждая о пепле и его происхождении, взрослые то и дело обращались к Сьюлин. Это было что-то новое. Его воспитатели всегда представлялись ему людьми более или менее всезнающими.

И мудрыми — мудрее всех остальных. Айзек не мог судить об этом на основании собственного опыта — он никогда не видел «остальных». Только смотрел фильмы о них и читал книги, где они все время говорили о каких-то совершенно неинтересных вещах и постоянно причиняли друг другу боль. Здесь, в поселке, дискуссии то и дело приобретали нешуточный накал, но никогда не переходили в ссоры. Каждый из взрослых знал невероятно много в своей области, по крайней мере так казалось Айзеку. Поэтому все вели себя сдержанно — во всяком случае, старались. И все — кроме, разумеется, него самого — были очень немолоды.

* * *

Но даже на этом фоне Сьюлин Муа казалась чем-то исключительным. Она знала *больше*, мыслила глубже, чем те, на чьи знания и мнения Айзек привык полагаться. И что озадачивало больше всего — казалось, ей не очень-то нравятся поселок и его жители. Тем не менее она всегда вежливо и терпеливо отвечала на их вопросы.

— Разумеется, это имеет отношение к гипотетикам, — говорил доктор Двали. Он имел в виду пепел. — Вы согласны?

— Весьма логичный вывод. Возразить нечего.

Сьюлин Муа ткнула вилкой в тарелку и попробовала то, что в ней находилось, на вкус. Обычно взрослые готовили ужины по очереди, хотя небольшая горстка энтузиастов участвовала в этом чаще других. На сей раз обязанности повара исполнял мистер Поузелл, геолог. По части кулинарии он был скорее любителем, нежели специалистом. Овощное варево, лежащее у Айзека на тарелке, отдавало чесноком, эвкалиптовым экстрактом и еще чем-то чудовищно пережаренным.

— А вы раньше видели или слышали о чем-нибудь подобном? — спросил доктор Двали.

Формально в коммуне не существовало иерархии. Но, как правило, при обсуждении серьезных вопросов тон дискуссии задавал доктор Двали, и если он произносил какие-то итоговые замечания, они считались окончательными. Доктор Двали проявлял особое внимание к Айзеку. Волосы у него были седые, шелковистые, глаза — карие, крупные, брови походили на разросшуюся живую изгородь. Айзек же относился к доктору Двали с терпеливым безразличием. Но в последнее время — он сам не знал почему — Двали стал вызывать у него неприязнь.

— Именно о таком не слышала, — ответила Сьюлин. — Но мы немного лучше знакомы с миром после Спина. Иногда случается, что с неба падает что-то необычное.

Кто это «мы»? И о *каком*небе она говорит?..

— По всей вероятности, из «Марсианских архивов» были среди прочего изъяты все теоретические соображения, касающиеся гипотетиков, — сказал доктор Двали.

— Видимо, потому что это были лишь теоретические соображения.

— Но вы-то сами что о них думаете?

— То же, что все. Что гипотетики — это самовоспроизводящиеся машины. А они во многих отношениях подобны живым существам. Они способны изменять окружающую среду. Синтезировать очень сложные полуорганические молекулы из льда, минералов, а возможно, и из вакуума. Продукты их деятельности не вечны, как все на свете. Они постепенно стареют,

разрушаются, заменяются новыми. Отсюда и машинообразные остатки в пыли.

«Вот это да. На нас свалились машины!» — подумал Айзек.

— Но их чистой массы, — сказал доктор Двали, — хватит, чтобы покрыть собой сотни квадратных километров.

— А что тут удивительного? Учитывая их возраст, это не более невероятно, чем образование перегноя в вашем саду.

Она говорила об этом так уверенно. Откуда она могла это знать?.. Айзек решил при случае непременно спросить ее, откуда.

* * *

Этой ночью порывистый ветер с юга усилился. Айзек лежал в постели и слушал, как поскрипывают стекла в оконной раме. Звезды в небе были окутаны тонкой песчаной пылью, принесенной ветром из Руб-эль-Хали.

Вселенная стара, стара, очень стара. Она породила на свет множество чудес, в том числе — гипотетиков. И не в последнюю очередь, самого Айзека — его тело, мысли, чувства.

Кто его мать? Кто его отец? Его учителя уклонялись от прямых ответов на эти вопросы. «Ты не такой, как другие дети. Ты — наше общее достояние», — говорил доктор Двали. А миссис Рэбка повторяла: «Мы все — твои родители». Хотя именно она всегда укладывала Айзека, заботилась о том, чтобы он был вовремя накормлен и выкупан. Все жители коммуны так или иначе участвовали в его воспитании. Но когда он думал, на что похожи его «настоящие» мама и папа, ему всегда представлялись миссис Рэбка и доктор Двали.

Может, поэтому он и сам стал чувствовать себя не таким, как все? Да, но не только поэтому. Весь его ум был устроен иначе. И воспитателей у него было достаточно, а вот друзей не было никогда — за исключением Сьюлин Муа.

Он пытался уснуть, но не мог. Его одолевала бессонница. Это была не обычная бессонница, а что-то вроде бес причинно разыгравшегося аппетита. Он долго-долго лежал в постели, слушая скрип окна и шепот горячего ветра, по том встал, оделся и вышел из комнаты.

Было уже за полночь. Шаги Айзека гулко отдавались в пустых коридорах, на деревянной лестнице. Все наверняка уже спали, за исключением Тэйры. Доктор Тэйра — сухощавая бледная старушка — была по профессии историком. Она почти ни с кем не общалась, редко выходила из своей комнаты и говорила, что ей лучше всего читается по ночам. Но, если она и не спала, то

вряд ли слышала, как Айзек проскользнул мимо ее двери. Он спустился в зал и вышел во двор. Никто его не заметил.

Под ногами поскрипывал песок. Над горами на востоке светилась маленькая, потускневшая от пыли луна. Айзек старался ступать как можно осторожнее, но ему ничего не стоило найти дорогу и с закрытыми глазами — окрестности поселка были знакомы ему как свои пять пальцев. Он открыл скрипучие ворота и пошел по направлению к пустыне. Если дома у него еще оставались некоторые сомнения, то сейчас ветер развеял их без остатка.

Его тень простиралась перед ним, как стрела. Ни дорог, ни тропинок здесь не было — только каменистая пустыня и невысокие волнистые взгорья. Но он точно знал, в каком направлении следует идти. Так бывает, когда решаешь нудную задачку по математике и вдруг находишь ответ. Ему хотелось избавиться от шума собственных мыслей, раствориться в звуках, исходящих из темноты, — в скрипе гальки под ногами, напоминающем шуршание наждачной бумаги, посвистах ветра, шорохах мелких ночных существ, добывающих себе пропитание в темноте. Он брел но пустыне в блаженном состоянии совершенной опустошенности.

Гак он шел и шел, забыв о доме, потеряв счет времени, пока не увидел розу.

Он испугался и тотчас опомнился.

Неужели он уснул на ходу? Когда он выходил из дому, пупа была над горами на востоке, а сейчас она висела над равниной на западе, крохотная, словно фонарик сторожа. Тем временем успело здорово похолодать, хотя Айзеку было жарко. Он вдруг почувствовал себя обессилевшим вконец.

Он взглянул на луну. Потом опять на розу, что росла у него под ногами.

«Роза» — это слово первым пришло ему в голову при виде толстого стержня, торчащего из песка, увенчанного стекловидной малиновой луковицей, которая в лунном свете вполне могла бы сойти за цветок. Но, конечно, это был не настоящий цветок. Цветы не растут поодиночке в пустыне, и у них не бывает лепестков из чего-то вроде полупрозрачных красных кристаллов.

— Привет, — сказал Айзек. В темноте собственный голос показался ему неестественно тихим. — Ты как здесь оказалась?

Роза, обращенная к западу, к луне, тотчас повернулась к нему. В сердцевине бутона виднелся глаз — небольшой черный глаз из чего-то вроде вулканического стекла, внимательно его разглядывающий [10].

* * *

Нашла его посреди пустыни в конце концов именно Сьюлин Муа, чему Айзек нисколько не удивился.

Стояло безветренное, жаркое утро. Он сидел на земле, обхватив голову руками и упираясь локтями в колени, как будто пустыня была огромной чашей, а он скатился на самое ее дно. Он слышал шаркающие шаги Сьюлин, но не поднял глаз: он и так был почти уверен, что она за ним придет.

— Айзек! — позвала Сьюлин своим суховатым, но мягким голосом. Он ничего не отвечал. — Все тебя уже обыскались. Дома очень волнуются.

— Простите. Я не хотел.

Она положила свою маленькую руку ему на плечо.

— Почему ты ушел так далеко? Что ты тут искал?

— Не знаю. Но здесь вот что. — Он указал на розу.

Сьюлин наклонилась, чтобы ее рассмотреть, осторожно сгибая свои похрустывающие колени.

При свете дня роза выглядела уже не так. От жары ее темно-зеленый стебель склонился, исчезло сияние, идущее из кристаллической луковицы, глаз внутри цветка потерял свой блеск. Ночью, подумал Айзек, она походила на что-то живое. Сейчас — скорее на что-то мертвое.

Сьюлин долго и задумчиво разглядывала розу. Потом спросила:

— Что это, Айзек?

— Не знаю.

— Ты из-за этого сюда пришел?

— Нет… Не совсем. — Он не знал, как сказать. Из-за розы, да… но не только из-за нее. Из-за чего-то гораздо большего, что свидетельствовало о себе через розу.

— Ну и ну, — сказала Сьюлин. — Как думаешь, стоит об этом рассказывать? Или лучше никому не говорить?

Айзек не знал, что ответить.

— Ну ладно. Пошли домой. Сам понимаешь. Уже пора…

— Хорошо. — Все равно розе оставалось жить недолго.

— Идем?

— Идем, — ответил Айзек. — Можно вас кое о чем спросить?

— Конечно. Надеюсь, я смогу ответить на твои вопросы. Во всяком случае, постараюсь.

Они пошли на восток, оставив за плечами глядящую розу. Как всегда, шли не спеша — в том темпе, в котором было удобно идти Сьюлин. Она молчала и терпеливо ждала, пока Айзек старался собраться с мыслями, не дававшими ему покоя последнее время.

А теперь еще эта роза… Он не чувствовал себя уставшим, хотя ни минуты не спал. Его ум был таким же бодрым, как всегда, и ему больше чем когда-либо хотелось найти разрешение всех загадок.

— Откуда вы приехали? — спросил он наконец.

Она чуть замедлила шаг. Он испугался, что задал какой-то неуместный вопрос.

— Я родилась на Марсе, — сказала она, помолчав.

Это было похоже на правду. Во всяком случае, Айзек такого услышать не ожидал. И у него возникло ощущение, что это не та правда, которую Сьюлин хотелось бы рассказывать всем и каждому. Он ничего не стал переспрашивать, просто отметил: «Марс».

— Вы что-то знаете о гипотетиках? — задал он следующий вопрос.

— Как ни странно, — ответила Сьюлин, чуть заметно улыбнувшись и поглядев на него, как ему показалось, с глубокой приязнью, — я проделала весь этот путь, чтобы спросить о том же тебя.

* * *

Они проговорили всю дорогу, пока не дошли до поселка. Айзек узнал от Сьюлин, многое, чего не знал раньше. Уже в воротах он помедлил и оглянулся в ту сторону, откуда они вернулись. Там осталась роза. Не просто роза. Роза была всего лишь… — чем? Частицей чего-то другого, огромного. Того, что так притягивало его к себе. И к чему тянулся он сам.

ГЛАВА 9

Турк ехал по одному из старых районов города, заселенных в основном китайцами. Сборные домики, выкрашенные словно пожарные щиты в ярко красный цвет, чередовались с четырехэтажными общежитиями из желтоватого камня — он добывался тут же неподалеку в Свечной Бухте. Было уже довольно поздно. На улицах не было ни души. В темном небе над головой чиркнула одинокая падающая звезда.

Полчаса назад он наконец дозвонился до Лизы. Подобные беседы не стоило вести по телефону. Но Лиза и сама заподозрила худое и после пары неловких вопросов Турка ни о чем, сказала: «Хорошо. Давай там, где мы познакомились. Через двадцать минут».

Познакомились они шесть месяцев назад в круглосуточном гриль-баре «Ла Рив Гош» [11], в торговом районе к западу от доков. Лиза пришла тогда в бар в сопровождении каких-то людей из консульства. Друг Турка заприметил среди них своего приятеля и тут же потащил Турка знакомиться. Лиза сразу приглянулась Турку. И не только потому, что была одна, без пары, а и потому, что в ней было что-то особенное — то, что всегда сходу притягивало его в женщинах, едва ли не больше всего остального, — глубокий и открытый смех. Он побаивался женщин, смеющихся чересчур непринужденно, и не знал, как вести себя с теми, кто вообще не смеется. Лиза смеялась доброжелательно, от души, и в ее шутках не было ни капли колкости или грубости. Ему нравились взлетающие вверх краешки ее ресниц, ее глаза — бледноватые, цвета морской волны, и то, как она поднимала и опускала взгляд.

Потом она заговорила о своих планах поездки к Могиле Кубелика за горным хребтом. Турк протянул ей свою рабочую визитку:

— Лучше уж так, чем на машине. Поверьте. Вам придется ехать через перевал Мади, а там в это время года дорога не очень надежна. Есть автобус, но он вечно битком набит, и в нем здорово трясет.

Он спросил, что ей нужно в таком захудалом городишке как Кубелик, где нет ничего, кроме заправок. Она ответила, что разыскивает давнего коллегу отца по фамилии Двали, но подробнее ей об этом говорить пока не хотелось бы. Вот, наверное, и все, подумал Турк, конец песенке. Разошлись, как странники в ночи, как в море корабли, и так далее. Но через пару дней она позвонила и заказала рейс.

«Знакомства» в обычном смысле слова его не интересовали. Не больше, чем всегда. Ему просто нравилась ее улыбка и то, что чувствовал он сам, улыбаясь ей в ответ. Непредвиденная гроза, которую пришлось пережидать на берегу горного озера, стала для них как бы знаком свыше. Будто сам Господь указал дорогу и расчистил путь.

И видать, как указал ее, так и закрыл. Карма взяла свое.

* * *

Все столики в баре были пусты. Никого уже не было, кроме ночной прислуги. Официантка, принесшая Турку меню, выглядела явно раздраженной, в мыслях у нее было одно: поскорей уйти домой.

Лиза появилась через несколько минут. Турку хотелось сразу перейти к делу: рассказать об исчезновении Томаса, о том, что, по его мнению, это могло бы значить, что именно его визит к Томасу, возможно, и стал причиной похищения. Но не успел он начать выкладывать все это ей, как она принялась рассказывать о собственной стычке с бывшим мужем — с Брайаном, что тоже имело прямое отношение к этому делу.

Турк раза два видал Брайана. Кабачки в портовых городах, наподобие «Ла Рив Гош», отличались той любопытной особенностью, что в них можно было встретить бизнесмена-американца за одним столом с моряком торгового флота, а менеджеров аравийских нефтяных компаний, треплющихся с китайским наемным персоналом и нечесаными местными художниками. Брайан Гэйтли выглядел одним из таких, ничем не примечательных завезенных растений на здешней земле, одним из тех, кто способен совершить кругосветное путешествие — хоть дважды кругосветное, — не покидая родного Дубьюка [12], или откуда он там родом. Банально говоря, хороший парень, если только кто-то не примется оспаривать его «твердых взглядов».

Но сегодня Лиза впервые его испугалась.

— Да, это были угрозы. Не от самого Брайана — от тех, на кого он работает. Что значительно хуже.

— Словом, в городе люди из УГБ, которые охотятся за Четвертыми. И особенно — за той женщиной.

— Они знают, где я бываю и с кем встречаюсь. Что из этого следует, сам понимаешь. Сейчас за мной вряд ли кто-то следил. Хотя что тут можно знать наверняка? Могли и поставить мне в машину какой-то жучок.

«Очень даже могли», — подумал Турк.

— Лиза, — сказал он тихо, — возможно, все куда хуже.

— Еще хуже?

— У меня есть старый друг. Его зовут Томас Джинн. Он Четвертый. Разумеется, он этого не афиширует, но если доверяет кому-то, то доверяет. Я подумал, что тебе было бы небесполезно побеседовать с ним. Но сперва нужно было получить его согласие. Я был у него сегодня утром, он сказал, что подумает. Вечером я никак не мог до него дозвониться, а когда заехал к нему, его не оказалось дома. Его похитили. Какие-то люди в белом фургоне.

Лиза посмотрела на Турка широко раскрытыми глазами и сказала:

— О Господи! — Она помотала головой. — Его арестовали?

— Официально — нет, не арестовали. Ордер на арест выписывает только Временное Правительство. И они, насколько мне известно, не совершают несанкционированных рейдов в штатском.

— Его похитили? Тогда надо сообщить об этом в полицию!

— По идее, конечно, надо. Но полиция ни о чем таком и слышать не захочет. Томас беззащитен — он Четвертый. Это подтвердит первый же анализ крови, и этого самого но себе достаточно, чтобы его депортировали в Штаты и посадили навечно под подписку о невыезде, если не что похуже. Его соседка сказала мне про этот фургон, но ни одному следователю она этого не повторит. Томас живет в таком месте, где у каждого второго не слишком приятный опыт соприкосновения с законом. Многое из того, чем зарабатывают на жизнь его соседи, не совсем легально. И большинство из них живет на земле, им не принадлежащей.

— По-твоему, Брайан может что-то об этом знать?

— Может, да, а может, и нет. Вряд ли он сам причастен к этой истории.

— То, чем занимаются в нашем офисе Генетической Безопасности в консульстве, — сущие пустяки по сравнению с тем, чем они занимаются у себя там, дома. Здесь только сидят за компьютерами, распознают изображения с камер в порту, периодически запрашивают ордера на арест каких-нибудь беженцев, клонирующих собак, или торговцев долголетием. Не больше. По крайней мере до сих пор так было. — Лиза помолчала. — Он сказал, что для меня самым разумным было бы сейчас вернуться домой. В Штаты.

— Может, так и надо сделать.

— Думаешь, мне лучше уехать?

— Если здесь тебе может что-то грозить, то да. А скорее всего так оно и есть.

Она выпрямилась и сказала:

— Да, мне может что-то грозить. Сама понимаю. Но есть и другое. Я же не просто так здесь осталась.

— Лиза, эти люди занимаются серьезными вещами. Они следят за тобой, возможно, это они и похитили Томаса.

— И им нужна эта женщина. Сьюлин Муа.

— Они могли заподозрить, что ты замешана в чем-то крупном. Брайан и пытался тебе это сказать.

— А я что, не замешана?

Турк отметил про себя, с какой твердостью она это сказала, и понял, что лучше пока не пытаться ее переубеждать. По крайней мере — сейчас.

— Ну, может, тебе и не обязательно уезжать совсем. Можно же просто ненадолго притаиться где-то. Если я притаюсь, я не смогу заниматься своим делом.

— Ты имеешь в виду — опрашивать людей, которые знали твоего отца, и разыскивать Четвертых? Этим, разумеется, не сможешь. Но почему бы тебе не переждать, пока все не прояснится?

— А ты бы сам так поступил?

«Нет, черт, — подумал Турк. — Что бы я сделал — это собрал чемодан и сел на первый же автобус». Когда ему грозила опасность, он всегда так и поступал. Но Лизе этого лучше не говорить.

У него промелькнуло в голове: а что, если ее отец исчез по тем же причинам, по каким он сам перебрался в Экваторию? Вдруг за ним были какие-то грехи, после которых он уже не мог вести прежнюю жизнь, и четвертый возраст показался ему единственным выходом? А может, он и вовсе стал Четвертым не по собственной воле. Просто шел куда-нибудь, и вдруг… Так бывает.

Турк не знал, что ей ответить. Ему было не по себе от пристального и печального взгляда Лизы.

— Словом, ты хочешь сказать, что Брайан прав — и мне пора уезжать в Штаты?

— Мне жаль каждой минуты, которую мы не можем провести вместе. Но одна мысль, что с тобой может что-то случиться…

Она по-прежнему неотрывно смотрела на него. В бар вошли две парочки — скорее всего просто туристы, — но в любом случае такой разговор лучше продолжать без посторонних. Лиза тронула Турка за руку и сказала:

— Пойдем прогуляемся.

* * *

«На самом деле, — подумал он, — все, что мы знаем друг о друге, — это горстка давних историй, рассказанных на ходу, обмолвок и упоминаний». До сегодняшнего вечера казалось, что больше ничего и не требуется. Подлинный их разговор протекал без слов. Теперь все изменилось.

— Где твоя машина? — спросила Лиза.

— Там, за углом.

— Моя тоже. Но на всякий случай лучше пока обойтись без них. Вдруг там какой-нибудь пеленгатор или еще что-нибудь в этом роде.

— Скорей всего они поставили жучки в мою. Если они пасли меня с утра, значит, я и вывел их на Томаса.

Томас — старик из Нью-Дели, тише воды ниже травы. Легче добычи не придумаешь. Экспресс-анализ крови (разумеется, против его воли) — и тут же ясно, что он Четвертый. А это уже совсем другая песня.

— Но все-таки зачем он им мог понадобиться? Зачем понадобилось его забирать?

— Чтобы допросить. А что, у них бывают какие-то другие цели?

— Он мог знать что-то, что интересует УГБ?

— Лиза, если это они, то они наверняка взяли у него анализ крови, как только вошли в дом. Этого самого по себе достаточно.

— Нет, не может быть. УГБ так не работает, если это только они. Все-таки они соблюдают какие-то правила. Нельзя просто так, без санкций, схватить человека и начать допрашивать.

— Это смотря что понимать под санкциями. Лиза, то, что пишут в пресс-релизах УГБ, — не вся правда. Управление больше, чем тот маленький филиал, где работает Брайан. Когда они ловят какую-то шайку клонеров или пресекают аферы с эликсирами долголетия, это дает газетам лакомый информационный повод. Но они занимаются и другими вещами, не столь аппетитными.

— Откуда ты знаешь?

— Слышал.

— От Четвертых?

— Ну… например, от Томаса.

— Похищения людей — это безумие.

Что он мог на это ответить?..

— Не хочу возвращаться к себе, — сказала Лиза. — Думаю, и у тебя ничуть не более безопасно.

— К тому же у меня полы немыты, — сказал Турк. По губам Лизы скользнуло бледное подобие улыбки. — Можем снять комнату.

— Все равно нас смогут найти.

— Если мы им нужны, Лиза, они так и так нас найдут. Скорее всего. Может, позже придет в голову какая-то хорошая идея. Но сейчас благоразумнее считать, что им известно, где мы. Хотя вряд ли они станут предпринимать какие-то резкие шаги. По крайней мере не сейчас. Им нужна не ты. Ты не тот человек, которого им есть смысл немедленно хватать и допрашивать. Скажи, что ты собираешься делать? Есть какие-то планы?

— Хочу сделать то, что должна была сделать еще несколько месяцев назад.

— Что именно?

— Разыскать Аврама Двали.

* * *

Они направились по извилистой улочке к светящейся бухте. С причалов доносился еле слышный лязг контейнеров и кранов. Кругом не было ни души. Остатки пепла, осевшие на стенах и обочинах, приглушали звук шагов.

— Хочешь отправиться к Могиле Кубелика? — спросил Турк.

— Да, давно хочу. Ты меня туда отвезешь?

— Почему бы и нет. Но до того необходимо кое с кем переговорить. И, Лиза, если ты все это говоришь серьезно, то должна подумать о некоторых вещах. Нужно, чтобы кто-то, кому ты доверяешь, знал, где ты находишься и что происходит. Сними с карточек достаточно, чтобы ты могла продержаться какое-то время, и забудь на время о банкоматах. Ну и все прочее в таком духе.

Она снова чуть заметно улыбнулась:

— Ты что, ходил на курсы выживания вне закона?

— Да эти курсы как-то сами собой проходятся.

— И еще одно. Я могу позволить себе — и по времени, и по деньгам, — отсидеться где-то, но у тебя же работа, бизнес…

— Ничего страшного.

— Я серьезно!

— И я серьезно.

«Вот этим-то мы с ней и отличаемся друг от друга, — подумал Турк. — У нее есть цель». Она решилась во что бы то ни стало довести до конца свою судмедэкспертизу, поставить точку в «деле Адамсов». А он просто влезал в свои ботинки и шел, куда глаза глядят. Не первый раз в жизни, наверное, и не последний. Интересно, понимает ли это Лиза?..

ГЛАВА 10

Высокопоставленных оперативников Генетической Безопасности, недавно прибывших из Штатов, звали Зигмунд и Вейль. Каждый раз, когда эти двое появлялись в консульстве, Брайан стискивал зубы.

Вот и сегодня: не успел он еще сесть за работу, как они опять явились.

Зигмунд был высокого роста и выглядел бесчувственным, как надгробный памятник. А толстячок-бодрячок Вейль (наверняка покупавший себе одежду в магазине «для толстяков»), ростом на шесть дюймов ниже Зигмунда, — наоборот, все время улыбался.

Они стали по обе стороны от Брайана, пока тот возился с кулером.

— Мистер Гэйтли, — сказал Зигмунд.

— Нам бы хотелось побеседовать с вами наедине, — продолжил Вейль.

— Пройдемте ко мне в офис, — предложил им Брайан.

Офис Брайана был невелик, зато с окном, выходившим в огороженный сад консульства. Здесь стояли пластмассовый фикус и электронный секретер со столешницей из натурального дерева, чьей оперативки хватило бы с избытком, чтобы вместить несколько Библиотек Конгресса. Рабочий стол был завален перепиской между Генетической Безопасностью и Временным Правительством. Эта гора бумаг представляла собой всего лишь маленький ручеек информационного потока, циркулирующего между двумя ведомствами, как вечно мутный Нил. Брайан сел на свое обычное место. Вейль плюхнулся в кресло для гостей, а Зигмунд остался стоять в дверях. Вид у него был зловещий, как у птицы, высматривающей падаль.

— Вы разговаривали с бывшей женой, — сказал Вейль.

— Да. Я передал ей то, о чем вы меня просили.

— Похоже, ничего хорошего из этого не вышло. Надо ли говорить вам, что она снова встречалась с Турком Файндли?

— Нет, — ответил Брайан без всякого выражения. — Мне это не обязательно знать.

— В данный момент почти наверняка он с ней, — сказал Зигмунд. Он всегда говорил коротко, и всегда что-нибудь неприятное.

— Но мы временно не можем установить их точное местонахождение, — сказал Вейль.

Брайан не знал, стоит ли им верить. Зигмунд и Вейль работали в Исполнительном комитете. Многое из того, чем

занимался Исполнительный комитет, скрывалось под грифом «совершенно секретно» и потому обрастало легендами. Там, дома, они просто писали запросы: в целях такихто просим ограничить в конституционных правах такогото — и эти запросы почти автоматически удовлетворялись судами. Но здесь, в Экваториии, где сталкивались интересы Временного Правительства ООН, национальных диаспор и нефтяных компаний, — они, по крайней мере теоретически, не могли позволять себе все, что угодно.

Брайан не был идеалистом. Он знал, что в Управлении есть такие сферы, куда его никогда не допустят. Коридоры власти, где делается политика и диктуются правила. Но в отношении собственных служебных обязанностей он считал, что выполняет полезную, хоть и не слишком увлекательную работу. Из Штатов в Экваторию то и дело бежали преступники, действия которых подпадали под компетенцию УГБ: аферисты-клонировщики, торговцы поддельными (часто и смертоносными) препаратами для продления жизни, радикалы из числа Четвертых, продавцы «улучшателей» для супружеских пар, готовых хорошо платить за рождение необыкновенных детей. Брайан не выслеживал и не ловил преступников, но то, чем он занимался, — переговоры с Временным Правительством, улаживание конфликтов, вскипавших вокруг вопросов юрисдикции, — имело не меньшее значение. Контакты между квазиполицейской организацией под эгидой национального консульства и местной властью, оплачиваемой из бюджета ООН, были делом непростым. Здесь приходилось вести себя тонко, все время идти на взаимные уступки. Нельзя было просто ввязаться в драку и стать кому-то поперек дороги.

Хотя для этих парней, похоже, таких преград не существовало. Это его и удручало. Брайан верил в силу законов. Неизбежно несовершенных, неэффективных, путаных, содержащих множество коррупционных лазеек, и все-таки обладающих абсолютной, незыблемой правотой закона. «Без этого, — говорил он себе, — мы ничем не лучше зверей», — ну и так далее. Сам он старался вести служебные дела как можно более тщательно и прозрачно.

Но теперь здесь находились Зигмунд и Вейль. Один — длинный и кисло-горький, как ангостура [13], другой — толстый улыбчивый коротышка — ни дать ни взять шар для боулинга, завернутый в бархат. Они пришли, чтобы напомнить ему, что на тех высотах, на которых ему никогда не бывать, законы приспосабливаются под обстоятельства.

— Вы уже оказали нам большую помощь, — сказал Вейль.

— Благодарю вас. Рад быть вам полезным.

— Тем, что связали нас с нужными людьми во Временном Правительстве, и, конечно, — в этом деле с Лизой Адамс. Тот факт, что вы состояли в особых отношениях с этой женщиной, полагаю, в данном случае нисколько не бросает на вас тени.

— Спасибо, — ответил Брайан. Как ни глупо, он и вправду был этим польщен, хотя и понимал, что он всего лишь пешка в игре.

— И мы еще раз заверяем вас, что не собираемся применить к ней меры задержания. Может быть, даже обойдемся без собеседования. Нас интересуют совершенно другие фигуры в этом деле.

— Та женщина на фотографии? Сьюлин Муа?

— Именно поэтому, поверьте, мы и не хотим, чтобы Лиза Адамс оказалась впутанной в это дело. Мы надеялись, что вам удастся донести эту простую мысль до нее…

— Я пытался.

— Мы знаем. И чрезвычайно вам за это благодарны. Но позвольте, Брайан, посвятить вас в курс дела, чтобы вы понимали, что именно нас беспокоит. Потому что, когда наш запрос попал в наш дата-центр, у многих вылезли глаза на лоб. Вы говорили, что Лиза рассказывала вам о причинах своего интереса к Сьюлин Муа…

— Сьюлин Муа приходила к отцу Лизы незадолго до того, как он исчез. Она не имела отношения ни к университету, ни к их семейному кругу. Учитывая интерес отца Лизы к Четвертым, нетрудно сделать вывод… Лиза подозревает, что эта женщина была кем-то вроде вербовщика.

— На самом деле все куда сложнее. Вы регулярно видите Четвертых, общаетесь с ними на законных основаниях. Здесь вас вряд ли чем можно удивить. Но курс долголетии — это только одна из биотехнологий, завезенных на Землю нашей марсианской родней.

Брайан кивнул.

— Все эти здешние адепты культа — мелочь, — сказал Вейль. — Нас беспокоит кое-кто посерьезней. У нас мало информации, к тому же я не ученый, но речь может идти о попытке путем биологической модификации человека установить контакт с гипотетиками.

Как многие люди его поколения, Брайан непроизвольно морщился при упоминании таких материй, как Спин и гипотетики. Спин закончился, когда он еще не ходил в школу, а гипотетики были для него просто одной из реалий мироздания, наименее всего доступной для понимания. Они представлялись ему грандиозной, но бессодержательной абстракцией, имеющей

отношение к его жизни не больше, чем закономерности приливов и отливов.

Но, как и всех остальных, его воспитывали и учили люди, пережившие Спин, поверившие, что они стали свидетелями величайшего поворота в человеческой и с тории. Может, так оно и было. Отголоски Спина — все эти войны, религиозные революции и контрреволюции, всеобъемлющее чувство человеческой незащищенности и разъедающий тотальный цинизм — по сей день определяли облик мира. Марс стал обитаемой планетой. Человечество получило доступ к лабиринту, бескрайнему, как само небо. Все эти катаклизмы и перемены не могли не привести в смятение тех, кто их пережил, и будут давать о себе знать еще не одно столетие.

И в то же время они стали для целого поколения оправданием массового помешательства. С этим Брайану труднее всего было смириться. Миллионы и миллионы вполне здравомысленных мужчин и женщин благодаря Спину стали являть собой отвратительное зрелище безумной, безнравственной, беспрестанно дерущейся своры. И вот теперь эти самые люди полагают, что поколению Брайана и тем, кто помоложе, есть за что их уважать.

Но они этого не заслуживали. Помешательство и нравственность не имеют между собой ничего общего. Пристойность — вот то, что на самом деле приходилось возрождать его поколению. Пристойность, доверие, простейшие правила хорошего тона.

Гипотетики — это те, кто вверг Землю в пучину Спина. Кому захочется с ними контактировать? Какой может быть контакт с чем-то бесчеловечным? И как этого можно до биться с помощью биотехнологий, пускай даже и марсианских?..

— Эта технология, — говорил Зигмунд, — заключается и изменении человеческой нервной системы таким образом, что она становится восприимчивой к сигналам, которые гипотетики используют для связи между собой. Иными словами, делает человека чем-то вроде интерфейса для информационного обмена между человеческой расой и гипотетиками. При том, что мы абсолютно не представляем, кто такие эти гипотетики и чего они хотят.

— Марсиане действительно это пробовали сделать?

— Откуда нам знать? У себя, может, и пробовали, даже не однажды. Но, как мы полагаем, среди прочих препаратов, привезенных на Землю Ван Нго Веном, был и этот. А потом он стал распространяться среди земных Четвертых.

— Почему тогда я раньше ничего об этом не слышал?

— Потому что это совсем не то, чего желают все и повсюду в отличие от лишних нескольких десятков лет жизни. Если наши сведения верны, то для взрослого человека это смертельно опасно. Скорее всего именно в этом причина смерти Джейсона Лоутона еще в те давние годы.

— Но какой смысл в применении препарата, если это приводит к смерти?

— Это может не привести к смерти, — сказал Вейль, — если препарат вводится зародышу *in utero* [14]. Тогда эмбрион формируется, адаптируясь к модификации. Человеческое и чужеродное вырастают вместе, в одном теле.

— Господи, — вымолвил Брайан. — Как можно сделать такое с ребенком?..

— Безусловно, это за гранью всех моральных норм. Как вы знаете, мы и так прилагаем немало усилий, чтобы спасти страну и весь мир от нежелательных последствий этого культа, от всех этих биологических модификаций. Это реальные, серьезные проблемы. Но здесь куда худшее. Это — просто воплощенное *зло*… другим словом этого не назовешь.

— Делал ли это уже кто-нибудь на Земле?

— Это мы и пытаемся выяснить. Пока что у нас очень мало надежных улик и свидетельств. Но в тех, что есть, фигурирует неизменно одно и то же лицо. Под разными именами. Догадываетесь, какое?

Та женщина с фотографии. Женщина, которая приходила к отцу Лизы.

— Итак, Сьюлин Муа появляется в расшифровке с камеры на пристани в Порт-Магеллане. Мы приезжаем сюда и находим Лизу Адамс, уже проделавшую определенную работу в том же направлении, прошедшую тем же самым путем: расспросы бывших коллег отца и так далее. По совершенно уважительной и понятной причине. Она хочет разгадать загадку своей семейной истории. Она думает, что, если узнает правду, ей станет легче. Но у нее свои интересы, у нас свои. Ее поиски создают для нас определенные трудности. Что лучше, по-вашему: дать ей и дальше всем этим заниматься и держать ее под контролем? Или все же предупредить, что она слишком далеко зашла?

— Я пытался, — сказал Брайан. — У меня не получилось.

— Тогда придется использовать ее иначе.

— Использовать?..

— Кое-кто из нашего высшего руководства настаивал на задержании, но мы полагаем, что разумнее всего будет наблюдать за ней и ждать. Она поможет нам выйти на тех, кто нас интересует. Один из них, кстати, Турк Файндли.

Турк Файндли. Пилот-частник и законченный идиот. Скверно, что ему, Брайану, не удалось спасти семью. Но еще хуже, что Лиза связалась с кем-то настолько невменяемым, недееспособным, с кем и находиться-то рядом опасно. Файндли — еще одна разновидность ядовитых последствий Спина. Неадекватный тип. Блуждающий без цели. А может, и того хуже, если намеки Зигмунда имеют под собой основание.

— Вы хотите сказать, что Турк Файндли еще каким-то образом связан с той женщиной, помимо того факта, что она заказывала у него рейс?

— Ну, здесь у нас, разумеется, только предположения. Но Файндли замечен и в других связях, также весьма подозрительных. С установленными и предполагаемыми Четвертыми. К тому же он преступник. Вам известно об этом? Он уехал из Штатов, находясь под следствием.

— За что?

— Он подозревался в поджоге склада своего отца.

— Что вы говорите? Он еще и поджигатель?

— По этому делу истек срок давности. Но, как я понимаю, он хотел таким образом уничтожить бизнес и разорить своего старика.

— При чем тут склад… Разве его отец занимался торговлей? Он же вроде был нефтяником.

— Да, он одно время жил в Турции, работал с «Арамко», но большую часть состояния сделал на импорте. Отношения у них с Турком были хуже некуда. После чего отцовский склад горит, а сын уезжает из страны. Выводы можете сделать сами.

«Так вот оно что, — подумал Брайан. — Значит, все куда хуже».

— Тогда нужно во что бы то ни стало вытащить из этого Лизу. Это может для нее плохо кончиться.

— Скорее всего ее втянули в то, чего она сама не понимает. Мы не думаем, что на нее оказывается какое-то прямое давление. Если она и сбежала с Файндли, то по собственной воле. Видимо, он и посоветовал ей не отвечать на звонки.

— Но вы же сможете их найти?

— Рано или поздно, конечно, сможем. Но мы же не волшебники, мы не можем вызвать их заклинанием неизвестно откуда.

— Какую помощь мог бы оказать я? — Брайан не удержался и прибавил: — Если, конечно, вы, прося меня поговорить с ней, не преследовали каких-то других целей, которые от меня скрываете.

— А если бы и так, вы что, не стали бы с ней говорить? Брайан, вы сами все понимаете! Разумеется, мы не можем

разглашать всей информации. Как и вы. Кстати, сейчас мы беседовали с вами тет-а-тет. Все, о чем мы здесь говорили, не подлежит обсуждению ни с кем, кроме меня и Зигмунда.

— Разумеется. Но…

— Нам бы хотелось, чтобы вы продолжали, по возможности, поддерживать связь с Лизой. Не исключено, что она отмечает ваши звонки, хотя и не отвечает на них. Рано или поздно она, возможно, почувствует себя одинокой или виноватой перед вами и решит сама позвонить.

— И что тогда?

— Все, что нам необходимо, это знать, где она находится. А если вам удастся уговорить ее с вами встретиться — с Турком или без Турка — будет совсем хорошо.

Насколько ему не улыбалась мысль предать Лизу в руки Исполнительного Комитета, настолько же страшила другая — что она еще больше запутается в этой преступной авантюре.

— Я постараюсь сделать что смогу, — сказал Брайан.

— Прекрасно, — ухмыльнулся Вейль. — Будем вам очень признательны.

Они распрощались с Брайаном и ушли. Он остался сидеть в офисе, обдумывая разговор.

ГЛАВА 11

Вдали от берега дороги все еще не очистили от пепла, вернее, от того месива, в которое он превратился после дождей. Выбивающиеся из сил дорожные бригады Временного Правительства продолжали расчищать наиболее опасные участки на подъемах и спусках. Поэтому Турку и Лизе пришлось съехать с шоссе, остановиться на стоянке для дальнобойщиков и снять номер в мотеле.

Мотель представлял собой шлакоблочный барак на краю леса. Спиралевидные ивы окружали его, словно печальные великаны, склонившиеся над гномом. Лиза сразу поняла, что это мотель для шоферов, лесорубов и кого угодно, только не для туристов. Она провела пальцем по подоконнику крошечного окошка. Палец был весь в пыли.

— Наверное, с неделю не прибирали, — сказала она. — С таким комфортом они на уборке не разорятся.

Прах богов. Останки творений гипотетиков. Теперь это уже все так называли. В новостях мелькало множество сюжетов такого рода, но объяснить все равно никто ничего не мог. Может, это и было когда-то машинами или живыми организмами. Говорили, что в пепле попадаются полуорганические молекулы необычайно сложного строения.

За стенкой слышны были громкие голоса — в соседнем номере ругались на языке, похожем на филиппинский. Лиза достала свой телефон и стала дожидаться очередного выпуска новостей. Турк с подозрением посмотрел на нее и сказал:

— Ты не забыла?..

— Разумеется. Никаких звонков — ни входящих, ни исходящих.

— Завтра к этому времени мы должны уже добраться до деревни, — сказал Турк. — Лишь бы за ночь дорогу расчистили. Там мы, может быть, что-то узнаем наконец.

— Ты так веришь в эту… Диану? Или как там ее…

— Не то что верю. Во-первых, ей нужно рассказать о Томасе. Может, она сумеет ему чем-то помочь. Во-вторых, она давно знает всех здешних Четвертых. И возможно, даже знает что-то о твоем отце.

Она спросила, давно ли он сам связался с Четвертыми. Турк ответил, что и не думал с ними связываться. Просто Диана доверяет ему, а он — ей. Ему случалось оказывать ей кое-какие маленькие услуги. Именно она порекомендовала его Сьюлин Муа как самого надежного перевозчика. Больше ему сказать было

нечего. Он никогда не стремился знать слишком много.

Лиза вновь взглянула на подоконник, на пыль.

— Теперь я чувствую, что во всем этом есть какая-то связь. Во всем этом бреде: пепел, Томас, землетрясения…

Новости начались с сюжета о подземных толчках, которые вывели из строя вышки и трубопроводы в Руб-эль-Хали.

— Ну, связь не связь, — сказал Томас. — Просто беда не приходит одна.

— Что?

Была у Томаса такая поговорка: беды ходят троицей. Мы как-то раз нанялись на один сухогруз, в Малаккском проливе. Сначала машина забарахлила, пришлось стать на якорь и ее чинить. Потом ни с того ни с сего погода испортилась, налетел штормовой ветер. На следующий день погода была отличная, зато пришлось нам смывать из шланга с палубы малайских пиратов. У Томаса было такое мнение: случилась какая-то дрянь — смело жди еще двух.

Обнадеживает, ничего не скажешь, подумала Лиза.

* * *

Они легли спать вместе, но этой ночью им было не до любви. Оба все отчетливее понимали, что это уже далеко не палатка на озере, не безобидное приключение в горах. Вмешались силы посерьезнее. Пострадали люди. Что, если, думала Лиза, ее отец тоже ненароком провалился в какой-нибудь подобный колодец «трех бед»? Что, если с ним произошло то же, что с этим Томасом Джинном, другом Турка? Люди без имен… в фургоне без номеров…

Турк, как всегда, уснул, едва повалившись на матрац. Но Лизе нравилось просто лежать рядом с ним, ощущать его тепло. Перед сном он сходил в душ, и она, как всегда, опьянела от его запаха с легкой отдушкой мыла. Чувствовала ли она когда-нибудь нечто подобное с Брайаном? Едва ли. У Брайана и не было никакого особенного запаха. Если не считать его дезодорантов. Наверняка он даже чуть гордился тем, что ничем не пахнет.

И все-таки это несправедливо по отношению к нему. Он верит в жизнь по плану. Но это не значит, что он чудовище и злодей. Она прекрасно понимала, что лично он не причастен ни к слежке за ней, ни к похищению Джинна. Это игры без правил. А Брайан всегда играл по правилам.

У всего есть свои плюсы и минусы. Конечно, он не такой отчаянный, как Турк. Зато на него можно положиться. Он бы

никогда не полетел в горы, не нанялся матросом на какую-нибудь ржавую, дырявую лохань. Зато если он что обещает, то обещает, а клянется, так клянется. Потому и было так трудно подводить с ним итоги их неудавшейся жизни. Она повстречала Брайана, когда готовилась к получению журналистского диплома в Колумбийском университете. Он в то время был младшим сотрудником ньюйоркского бюро УГБ. Ее подкупили его мягкость и обходительность. Она не сразу поняла, что он всегда был, есть и будет *при ней*, но никогда не будет *с ней*. Он был одним из запевал в хоре голосов, призывавших ее отречься от собственной истории, — поскольку на дне этой истории может оказаться невыносимая правда.

И все-таки он любил ее. Любил, не сомневаясь и не отступая. Утверждает, что до сих пор любит. Она открыла глаза и посмотрела на свой телефон, слабо мерцающий на тумбочке возле кровати. Накопилось уже несколько звонков от Брайана, она не ответила ни на один. Это тоже несправедливо. Слежка слежкой, но это неправильно. Надо будет поговорить об этом с Турком. Брайан такого не заслужил.

* * *

К утру движение по дороге было открыто, и они часа четыре ехали на север, обгоняя автобусы и маршрутки, размалеванные, как цирковые балаганы, а также грузовики с лесом, ширпотребом, нефтью, бензином. Потом Турк повернул к западу, на одну из разбитых дорог, избороздивших эту часть континента, словно морщины стариковскую ладонь.

И вдруг они оказались в необитаемой глуши. Экваторианский лес поглотил их и сомкнул за ними челюсти. Только теперь, вдали от города, от нефтеперегонных заводов, доков и причалов, Лиза почувствовала исконную чужесть этой планеты, ее вековую странность, так очаровавшую ее отца. Деревья, возвышающиеся над дорогой, как башни, густой подлесок, напоминающий папоротник, — все эти растения, для которых Лиза не могла припомнить и просторечных имен, не говоря уж о наспех придуманных книжных эквивалентах. Они явно имели отношение к Земле, их генокод содержал что-то исконно земное. Эту планету зарезервировали и засеяли жизнью гипотетики — чтобы сделать ее пригодной для землян. Но зачем?.. Их цели, безусловно, этим не ограничивались. Они мыслили в масштабе биллионов лет. Сама эволюция видов должна была представляться их глазам — если, конечно, у них есть *глаза*— как в ускоренной съемке, чем-то

вроде стремительной пантомимы.

Возможно, столь скоротечные вещи как человеческая жизнь для них вообще ничего не значат. Но, как ни странно, Лиза нашла, что эта мысль ей приятна. Она способна видеть и чувствовать то, что им не дано. Хотя бы эти странные деревья над дорогой и их колышущиеся тени на песке. «У нас свой смертный дар, — думала она. — Дар человеческого участия».

Солнечный свет дробился в перистых и игольчатых листьях. Нижний ярус леса кишел существами, так до сих пор и не научившимися бояться человека. Лиза ловила на себе взгляды то крохотных собачек, то полосатых «готи», то стаек мышей-паутинниц. Всех их называли обычно по аналогии с земными животными, хотя сходство бывало норой очень причудливым. В изумрудных тенях леса жужжали и стрекотали насекомые. Кого Лиза терпеть не могла, так это экваториансих ос, питающихся падалью. Они не кусались, зато были огромными и вонючими. Между мшистыми стволами роилась мошкара. Совершенно такая же, как в земных лесах.

Дорога была ужасной, и Турк ехал очень осторожно. К счастью, хотя бы пыли здесь почти не было, большую ее часть ее собрали кроны деревьев. Проезжая опасные места, Турк замолкал, а остальное время расспрашивал Лизу об отце. Она уже рассказывала ему об этом раньше. Но то было в прежней жизни. До пепла. До «троицы бед».

— Сколько тебе было, когда он пропал?

— Пятнадцать.

Ей только исполнилось тогда пятнадцать. Простодушная девчонка, цепляющаяся за американскую моду — в пику тому страшноватому миру, в который ее привезли, не спросив. И — о боже — у нее были тогда пластинки на зубах!

— А что говорила полиция?

— А что они всегда говорят?

— Ну, он не первый и не последний, кто ушел из семьи. Это же не преступление.

— Он не мог уйти. Он был не такой. Понимаю, все в подобных случаях восклицают: «Надо же — кто бы мог подумать!» А я была эдакая наивная и верная дочка. Я и представить себе не могла, что он может сделать что-то плохое мне или матери. Но дело не только в нас. У него было слишком много работы в университете. Если б он и задумал вести какую-то двойную жизнь, у него бы просто физически не было на это времени.

— Вы жили на его зарплату?

— Не только. У матери тоже были деньги.

— А когда он исчез, Временное Правительство этим не

заинтересовалось?

— Заинтересовалось. К нам приходили интерполовцы. Допрашивали всех знакомых отца. Завели дело. И все без толку.

— И тогда вы обратились в УГБ?

— Это они к нам обратились.

Турк кивнул с задумчивым видом — переезжая очередную промоину. Навстречу ехал трехколесный мотоцикл с огромными шинами и высокой рамой. К багажнику была привязана корзина с овощами. Водитель — худой, из местных — посмотрел на них без всякого интереса.

— А то, что они к вам обратились, — спросил Турк, — вас не удивило?

— Мой отец, в числе прочего, интересовался общинами Четвертых в Новом Свете. Так что они о нем это знали. Ему и прежде приходилось с ними разговаривать.

— Интересовался — почему?

— По личным причинам, — сказала она, сама испугавшись двусмысленности этих слов. — На самом деле это было просто одной из вещей, которые его так увлекали в мире-после-Спина. Какие выходы находят себе люди в такой ситуации? Он был уверен, что марсианам известно о гипотетиках гораздо больше, чем написано в Архивах. И что какие-то фрагменты этого знания могли сохраниться в коммунах Четвертых вместе со всеми этими биологическими и фармакологическими штуками.

— Но Генетическая Безопасность тоже ничего не выяснила?

— Нет. Они еще какое-то время вели дело, по крайней мере так они говорили. Но толку от них оказалось не больше, чем от полиции. Скорее всего они тоже решили, что отец исчез по собственной воле. Что ему предложили пройти курс Четвертых, и он согласился.

— Допустим, ну а почему при этом надо было непременно уходить из семьи?

— Так бывает. Люди вместе с долголетием приобретают новую личность. Тут дело даже не в том, что тебя будут все время спрашивать, почему ты выглядишь как на выпускном вечере, когда полкласса уже в могиле. Сама мысль начать жизнь с нуля очень соблазнительна. Особенно когда кто-то не знает, как выпутаться из семейных или финансовых проблем. Но мой отец был не таким.

— Лиза, ты понимаешь, что такое страх смерти? С этим можно жить годами, и никто ничего даже не заподозрит. Собственно, все так и живут. Но если б тебе вдруг предложили выбор? Другой путь? Ты разве поручилась бы за себя?

«Кого-то я бы бросила, кого-то нет…» Лиза секунду

помолчала. Сквозь урчание мотора донеслась унылая трель какой-то птицы, притаившейся высоко в кронах. Лиза не знала, что это за птица.

— Когда я вернулась сюда, — сказала она, — я была готова к тому, что может оказаться и так. Я не верю, что он мог нас бросить. Но все бывает. Я же не могла читать его мысли. Если это так, пусть будет так. Я не стану за ним гоняться. Если он живет где-то под другим именем и с другой семьей — пускай. Я его даже видеть не захочу. Мне просто нужна правда. Вернее, в данном случае — нужен кто-то, кто знает правду.

— Например, Сьюлин Муа…

— С которой ты летал в Кубелик. Или эта… Диана, ваша посредница…

— Я не знаю, много ли скажет тебе Диана. Но, в любом случае она знает во много раз больше меня. Я взял себе за правило не задавать лишних вопросов. Те Четвертые, которых я знаю, они очень хорошие люди. Никто из них не смотрел на меня как на какого-то злодея. И я никогда не слыхал, чтобы они делали что-то, что бы могло причинить вред остальным, вопреки всей этой брехне УГБ. Они такие же люди, как все.

— Только умеют хорошо скрываться.

— Да, — подтвердил Турк. — Что-что, а это они умеют.

* * *

Не прошло и пары минут, как они проехали грубо сработанный деревянный указатель с названием деревни на нескольких языках. Псевдоанглийская надпись гласила: «Тута город Нью-Сарандиб [15]». Еще через полмили худой мальчишка появился на дороге и помахал им рукой. Лиза подумала, что ему не больше двенадцати лет. Он подошел к машине и просунулся в окно.

— Вы в Сарандиб? — Судя по визгливому голосу мальчугана, он был и того младше. Изо рта у него несло чем-то вроде тухлой корицы.

— Да, мы туда, — сказал Турк.

— У вас есть там дело?

— Да.

— Какое у вас есть там дело?

— Личное.

— Вы хотеть купить кай? Там не можно купить кай.

Так назывался галлюциноген, приготавливаемый из местных насекомых, похожих на пчел. В клубах Порт-Магеллана последнее

время он шел нарасхват.

— Нет, нам не надо кая. Но все равно спасибо.

Турк нажал на газ — достаточно осторожно, чтобы не причинить вреда мальчугану. Но тот и сам тотчас отпрыгнул, взглянув на Турка с ненавистью. Оглянувшись, Лиза увидела, что мальчик все еще стоит на дороге и смотрит им вслед.

— Не поняла… Чего он от нас хотел?

— Последнее время сюда зачастили покупатели из Порта. Пытаются раздобыть себе пару граммов этой гадости. А потом их находят в канаве, без паспорта и кошелька.

— Так он хотел или не хотел нам это продать?

— Понятия не имею, чего он хотел.

Но у мальчика явно был с собой телефон, и он успел позвонить кому надо. Так что не успели они миновать первые лачуги у дороги и добраться до центра городка — до гак называемой жандармерии, — как машину Турка прижал к обочине видавший виды грузовик, в котором сидели двое рослых людей в неком подобии униформы.

Лиза затаила дыхание и предоставила вести переговоры Турку.

— У вас тут дело?

— Нам нужно повидать ибу Диану.

Долгая пауза.

— Здесь такой нет.

— Ясно, — сказал Турк. — Я случайно повернул не туда. Тогда мы остановимся и пообедаем, а потом — если здесь, правда, такой нет — поедем обратно.

Коп — если его можно было так назвать, поскольку полиция этого городка не имела никакого отношения к Временному Правительству, — окинул Турка неприязненным взглядом.

— Вас как зовут?

— Турк Файндли.

— Можно попить чаю вон там, через дорогу. Насчет обеда не знаю. — Он показал палец. — Один час.

* * *

Они сели за стол, представлявший собой огромную, давно отслужившую свое кабельную катушку. Вспотев от жары, они пили чай из растресканных керамических чашек. Все вокруг избегали их взглядов. Тут ширма откинулась, и вошла женщина

Старая, очень старая. Ее волосы формой и цветом напоминали пух одуванчика. Кожа была столь бледной, что,

казалось, вот-вот порвется. Черты лица ее были строгими, а глаза — поразительно огромными и голубыми.

Она села за стол и сказала:

— Здравствуйте, Турк.

— Здравствуйте, Диана…

— Вы выбрали очень плохое время для визита. Неужели вы сами не видите? Сейчас здесь лучше не появляться.

— Понимаю, — сказал Турк. — Томаса арестовали. Подробностей не знаю.

Диана никак не отреагировала, только слегка вздрогнула.

— И нам очень нужно вас кое о чем спросить. Если, конечно, можно.

— Раз уж вы здесь, то, разумеется, можно. — Она придвинула стул поближе и сказала: — Представьте мне вашу подругу, пожалуйста.

« *Четвертая*, — подумала Лиза. — Я говорю с настоящей Четвертой». Не потому ли от нее исходило ощущение какого-то призрачного, хрупкого превосходства, перед которым робели и склонялись даже все эти рослые мужики? Турк познакомил их, представив Диану, как принято у минангов: Ибу Диана Дюпре. Лиза пожала ее маленькую иссохшую ладонь. У нее осталось ощущение, что она подержала в руке крохотную, но неожиданно сильную птичку.

— Очень приятно, Лиза, — сказала Диана. — О чем вы хотели меня спросить?

— Покажи ей фотографию, — сказал Турк.

Лиза нервно порылась у себя в сумочке и нашла коричневый конверт. Диана открыла его и долго смотрела на снимок, потом вернула его Лизе. Лицо ее было угрюмым.

— Так мы можем поговорить? — спросил Турк.

— Я думаю, должны, — сказала Диана. — Только не здесь. Ступайте за мной.

* * *

Они вышли из кафе. Ибу Диана повела их вниз по улочке между импровизированной бакалейной лавкой и деревянным зданием местного самоуправления, с крышей на буйволовых рогах, мимо заправочной станции с колонками, раскрашенными в самые что ни на есть карнавальные гона. Учитывая ее возраст и жаркий день, Лиза думала, что они пойдут не спеша, но Диана шла очень проворно и даже в какой-то момент взяла Лизу за руку, словно поторапливая. От этого странного жеста Лиза

почувствовала себя школьницей.

Они вошли в барак, на котором висела табличка на нескольких языках, в том числе и на английском: «Медицинская клиника».

— Вы врач? — спросила Лиза.

— У меня нет даже диплома медсестры. Но мой муж был терапевтом и лечил всех в этих деревнях много лет, задолго до того, как сюда добрался Красный Полумесяц. Медицинские знания я получила от него. А после того как он умер, я просто не могла уйти и бросить работу. Я могу оказать помощь при несложных заболеваниях, травмах, назначить антибиотики, обработать рану. В более серьезных случаях я отправляю людей в клинику в Порт-Магеллан. Присаживайтесь.

Она усадила их в приемном покое больницы, обставленной как деревенская гостиная — плетеная мебель, шуршащие на ветру жалюзи из деревянных реек. Стены, обивка — все было выдержано в бледно-зеленых тонах. На одной стене висела акварель с океанским пейзажем.

Ибу Диана разгладила свое простое белое муслиновое платье и спросила:

— Можно вас спросить, откуда у вас эта фотография?

Иными словами, сразу к делу.

— Это Сьюлин Муа.

— Я знаю.

— Вы знакомы с ней?

— Встречались. Я рекомендовала ей Турка как пилота.

— Расскажи про своего отца, — предложил Турк.

Лиза начала рассказывать и постепенно дошла до событий сегодняшнего дня. О том, как она вернулась в Новый Свет в надежде узнать что-то об отце, о Брайане и его работе в Генетической Безопасности, о том, как он пропустил снимок Сьюлин Муа через программу распознавания у себя в агентстве и обнаружил, что она всего несколько месяцев назад возвратилась в Порт-Магеллан.

— Ясно. Это все и спровоцировало, — сказала Диана.

— В каком смысле?

— Ваши запросы — или вашего бывшего мужа — привлекли к мисс Муа внимание кого-то в Штатах. Генетическая Безопасность давно за ней охотится.

— А зачем? Почему она им так важна?

— Сейчас расскажу. Но прежде хочу задать вам несколько вопросов. Может быть, что-то станет тогда яснее.

— Конечно, — сказала Лиза, — задавайте.

— Как вы познакомились с Турком?

— Я заказала у него рейс к Могиле Кубелика. Один из бывших друзей моего отца, насколько я знаю, уехал в Кубелик. Я хотела его найти, на тот момент у меня это была единственная зацепка. Поэтому я позвонила Турку… но в Кубелик мы так и не попали.

— Погода подвела, — сказал Турк и кашлянул в кулак.

— Ясно.

— Потом, — продолжила Лиза, — когда Брайан мне сказал, что Сьюлин Муа тоже несколько недель назад заказывала рейс у Турка…

— Откуда он это узнал? А, понятно. Поиск по пассажирским декларациям. Или что-то вроде того.

— Я хотела ухватиться за этот след… Брайан отговаривал меня. Он уже тогда предупреждал, что я вляпалась во что-то опасное.

— А Турк, конечно, был само бесстрашие.

— Разумеется, — сказал Турк. — Я и есть само бесстрашие.

— Но мне ничего не удалось выяснить, а потом посыпался этот пепел…

— А потом исчез Томас, — продолжил Турк, — и выяснилось, что за Лизой следят, ее телефон на прослушке. И, простите меня, Диана, я не знал, что еще предпринять, кроме как приехать к вам.

— Турк, я не добрая фея. Вы попали в скверное положение, и вам придется выпутываться из него самим.

— Я просто надеялся, что вы что-то объясните Лизе. И посоветуете, как дальше быть.

Диана кивнула и поводила пальцем по подбородку. Ее ступня, словно покрытая сандаловой корой, отстукивала такт по половице.

— Расскажите хотя бы, кто такая эта Сьюлин Муа, — попросила Лиза.

— Ну, первое, что можно сказать о ней, — ответила Диана, — это что она марсианка.

* * *

О человеческой цивилизации на Марсе отец Лизы говорил с нескрываемым разочарованием.

Это они тоже не раз обсуждали теми долгими ночами на веранде, когда звездное небо висело над ними, как распахнутая книга.

Во времена Спина Роберт Адамс был очень молодым человеком, старшекурсником Калифорнийского

технологического. Он видел своими глазами то, что выглядело тогда бесповоротным разрушением всего привычного мира. Как раз в то время на Земле появился Ван Нго Вен.

Наиболее впечатляющим успехом той эпохи была колонизация и обустройство Марса. Распухающее Солнце, время, ушедшее во всей остальной Солнечной системе на миллионы лет вперед, — все это удалось использовать в качестве своеобразного темпорального рычага. Марс был превращен в планету, относительно пригодную для обитания. Потом на нем расселились колонии людей-первопроходцев. За считанные годы, прошедшие на Земле, заключенной в Спин-оболочку, на Марсе расцветали и угасали целые культуры.

Даже от этих скупых фактов — о которых нельзя было упоминать в присутствии матери, потерявшей родителей в неразберихе Спина и не выносившей разговоров на подобные темы, — у Лизы до сих пор пробегали мурашки по коже.

Все это, конечно, она проходила и в школе. Но в учебниках это излагал ось языком сухой исторической хроники. А у отца даже цифры — и те звучали благоговейно. Он произносил «миллион лет» — а Лизе слышался грохот гор, встающих из океана.

Бесконечно древняя и бесконечно далекая цивилизация Марса сложилась за то время, какое потребовалось Лизе, жительнице соседней планеты, чтобы пойти в школу и окончить ее.

Гипотетики окружили Марс своим собственным коконом замедленного времени — экраном, синхронизировавшим земные и марсианские часы, впоследствии исчезнувшим одновременно со Спин-оболочкой Земли. Но еще до того марсиане успели послать на Землю пилотируемый корабль. Его единственным пассажиром был Ван Нго Вен — так называемый посол Марса.

Лиза спрашивала отца (они беседовали об этом не одной долгой звездной ночью);

— А ты сам когда-нибудь видел его?

— Нет. — В самые мрачные годы Спина Ван был убит в уличной перестрелке. — Но смотрел его выступление в ООН. Он был… очень милым человеком.

(Лиза тоже видела эту историческую запись в раннем детстве. «Вот бы, — мечтала она тогда, — у меня был такой друг». Вроде маленького мудрого Жевуна [16], ростом с ребенка.)

Однако марсиане умели хранить секреты. Они поделились с Землей своими Архивами — собранием естественнонаучных знаний, во многом превосходящих земные. Но в Архивах почти ничего не говорилось о достижениях марсианской биотехнологии,

породившей касту долгожителей-Четвертых, равно как и о гипотетиках. С точки зрения отца Лизы, это было непростительным умолчанием. «Они знали о гипотетиках сотни, если не тысячи лет, — говорил он. — Не может быть, чтобы им было больше нечего сказать. Пусть даже это были бы только гипотезы».

После окончания Спина, когда и Земля, и Марс были возвращены к нормальному течению времени, настал недолгий период интенсивного радиообмена между планетами. Даже последовала вторая марсианская экспедиция, обставленная с куда большей помпезностью, чем первая. Группу делегатов с Марса поселили в напоминающем крепость здании, пристроенном к старому комплексу ООН в Нью-Йорке, — его стали называть с тех пор Марсианским посольством. Потом, когда пятилетние дипломатические полномочия марсиан истекли, их отправили домой на корабле земной постройки, совместно спроектированном крупнейшими корпорациями и запущенном с космодрома Сичан.

Больше делегаций с Марса не было. Планировался ответный визит с Земли, но все утонуло в межнациональных спорах, а сами марсиане не проявляли интереса к этой затее. «Думаю, наши нравы их слегка шокировали», — говорил Роберт Адамс. Марс никогда не был планетой богатой ресурсами, даже после «экопоэзиса». Цивилизация на нем выживала благодаря тщательной и всеобъемлющей экономии. Земля, с ее огромными и загрязненными водными массивами, истощенными экосистемами, малоэффективной промышленностью, должна была привести гостей в ужас. «Наверное, они были бы только рады, — говорил Роберт Адамс, — если б могли отдалиться от нас еще на несколько миллионов миль».

К тому же марсианам приходилось иметь дело с собственными последствиями Спина. На Марсе тоже существовала Арка. Она возвышалась над экваториальной пустыней и вела на похожую маленькую скалистую, с виду гостеприимную, но необитаемую планету, вращающуюся вокруг какой-то далекой звезды.

Контакты между Землей и Марсом свелись к формальному и ни к чему не обязывающему протокольному обмену депешами.

Больше марсиан на Земле не бывало. По крайней мере Лиза ни о чем подобном не слышала. Все они улетели с окончанием миссии.

Каким образом тогда Сьюлин Муа могла быть марсианкой?..

* * *

— Она даже на них не похожа! — воскликнула Лиза.

Марсиане были в большинстве своем ростом в четыре-пять футов, кожа у них была морщинистой, с глубокими складками. Сьюлин Муа, судя по тому старому снимку в их доме в Порт-Магеллане, была обычного среднего роста и без особенных морщин.

— Сьюлин Муа — уникальный случай, — сказала Диана. — Как вы, наверное, уже догадались. Не хотите попить чего-нибудь холодненького? Я бы попила — в горле пересохло.

— Я принесу, — сказал Турк.

— Отлично. Благодарю вас. Так вот, что касается Сьюлин Муа… Но, наверное, прежде чем рассказывать о ней, я должна сказать вам кое-что о себе. — Она запнулась и на секунду закрыла глаза. — Моим мужем был Тайлер Дюпре. Моим братом был Джейсон Лоутон.

До Лизы не сразу дошел смысл ее слов. Это были имена из исторических трудов, имена эпохи Спина. Джейсон Лоутон был тем самым человеком, который помог засеять жизнью бесплодные пустыни Марса, дал ход проекту запуска репликаторов. Тем, кому Ван Нго Вен доверил свою коллекцию «фармацевтики». Тем, кто — не побоявшись бросить вызов правительству — стал распространять эти препараты среди тогда еще очень маленькой горстки ученых, ставших затем первыми Четвертыми на Земле.

А Тайлер Дюпре, если она ничего не путала, был его личным врачом.

— Вот это да… — прошептала Лиза.

— Я не стремлюсь поразить вас своим возрастом, — сказала Диана. — Просто предъявляю своего рода верительные грамоты. Разумеется, я Четвертая, и была частью этого движения со дня его основания. Поэтому Сьюлин Муа и обратилась ко мне несколько месяцев назад.

— Но если она марсианка, как она здесь оказалась? И почему она выглядит совсем не как марсианка?

— Она родилась на Марсе. В раннем детстве она чуть не погибла из-за наводнения. У нее были множественные травмы, уже начинался некроз тканей мозга. Помочь можно было только радикальной генно-инженерной реконструкцией — той же, которая используется для продления жизни. В столь раннем возрасте этот курс дал довольно неприятный для нее побочный эффект: нечто вроде генетического атавизма. У нее не появилось морщин, как у всех марсиан в пубертате. И она продолжала расти куда выше нормального, по марсианским понятиям, роста. Так и вышло, что внешне она стала практически землянкой, а не марсианкой. С точки зрения марсиан, это выглядело как регресс к

доисторическим предкам. Родни у нее почти не оставалось, а чужие воспринимали ее как уродца. Поэтому те же самые аскеты-Четвертые, что ее спасли, оставили ее у себя. Они дали ей такое образование, которому можно только позавидовать. А возможно, и еще кое-что… Не в последнюю очередь, наверное, по причине своей внешности она посвятила всю свою жизнь наукам о Земле. Не знаю уж, как у них там это называется. Землеведение…

— Главспец по изучению Земли, — предположила Лиза.

— Потому ее, собственно, и включили в состав марсианской делегации.

— Но тогда ее фотографии должны были быть во всех газетах.

— Нет. Ее сразу спрятали и не показывали прессе. Вообще молчали, что она была в числе членов делегации. Почему — наверное, вы сами догадываетесь.

— Потому что она так не похожа на марсианку?

— Еще бы: человек, который говорит свободно минимум на трех земных языках и может выйти и затеряться в толпе так, что никто ничего не заподозрит!

— Они что, специально посылали ее как шпионку?

— Не совсем. Скорее как дипломата. Марсиане знали, что у нас тоже есть Четвертые. И отправили ее к нам в качестве кого-то вроде полномочного консула.

Турк принес воду со льдом. Лиза с жадностью отхлебнула — в горле было совсем сухо.

— А когда марсианам пришло время возвращаться, — продолжала Диана, — Сьюлин осталась. Она поменялась местами с одной женщиной из наших Четвертых, внешне очень похожей на нее. Так что у нас тоже есть свой консул на Марсе.

— А… почему она осталась?

— Потому что она была в ужасе от того, что здесь увидела. На Марсе Четвертые живут уже много сотен лет в рамках законов и институтов, которых нет на Земле. Марсианские Четвертые приобретают себе долголетие ценой многочисленных ограничений. Например, они не могут продолжать свой род, как мы. Не могут участвовать в политической жизни, разве что в качестве экспертов и наблюдателей. А наши Четвертые были и есть вне закона. Весь остальной мир от них шарахается, а они — от него. Сьюлин думала, что у нее получится постепенно преобразовать хаос и порядок по марсианскому образцу.

— Судя по всему, не очень получилось.

— Скажем так, получилось немного. Есть Четвертые и Четвертые. Большинство из нас — те, кто понимает ее и разделяет ее стремления, — всю жизнь ей помогали. Но есть и

такие, которые считают, что она мешает их глобальным планам.

— Каким планам?

— Попытке создать человека, способного общаться с гипотетиками.

* * *

— Я понимаю, как дико это звучит, — сказала Диана Дюпре. — Но это правда. — И добавила, понизив голос: — Это то, из-за чего умер мой брат Джейсон.

Она говорила настолько искренне, что невозможно было усомниться ни в одном слове. Да еще жалюзи, шелестящие от ветра, голоса людей в деревне, занимающихся своими привычными делами, бессмысленный собачий лай вдалеке, Турк, потягивающий свою воду со льдом с таким видом, словно все эти сведения были для него прошлогодним снегом.

— А я думала, Джейсон Лоутон…

В книгах, которые читала Лиза, говорилось, что Джейсон Лоутон погиб в результате несчастного случая в последние, самые хаотические дни Спина. На Земле тогда царила паника. Погибали сотни и тысячи.

— Если этот препарат ввести взрослому человеку, — спокойно продолжала Диана, — он его убивает. Он перестраивает ядро человеческой нервной системы так, что она становится подвластной манипуляциям, которые совершает над ней сетевой разум гипотетиков. Да, при этом возможно что-то вроде коммуникации. Только убивающей самого коммуникатора. Теоретически процедура может быть безопасной, если ее произвести над зародышем *in vivo*. Над еще не родившимся ребенком в матке.

— Но это…

— Не имеет оправданий, — докончила за нее Диана. — С нравственной точки зрения — чудовищно. Но кое для кого это было огромным искушением. Даже не знания — чего от нас хотят гипотетики, каковы их цели? — а своего рода эпифании. Искушением единения с божественным.

— Марсиане хотели не допустить этого?

Диана слегка смутилась:

— Они сами первыми это попробовали.

— Ввели это… ребенку?..

— У них ничего не вышло. Ребенок умер в двенадцать лет. Эксперимент проводился той же самой общиной аскетов, которая воспитывала Сьюлин Муа. Она была рядом с ребенком, когда он

умер.

— Как они на это решились…

— Больше никогда не решались. А вот у нас — решаются. Там все-таки — закон, обычаи, а у нас… Именно этого и хочет Сьюлин Муа: чтобы здесь никогда ничего подобного не повторялось. Или… если это уже случилось, то как-то помочь.

Из окна дул теплый ветерок, но Лизе стало вдруг холодно.

— Уже случилось, вы говорите?

— Ван это передал Джейсону, вместе со всем остальным. И культуру, и технологию выращивания. Но с тех пор тридцать лет прошло! Это бы уже тыщу раз попробовали. К счастью, большинство из нас все-таки в здравом уме. За исключением некоторых… я бы сказала, проходимцев.

— Я думал, у Четвертых нечто вроде прививки от безумия, — сказал Турк. — Ну вот хотя бы Томас. Раньше он квасил как черт, матюгался и вечно дрался в кабаках. А с тех пор, как стал Четвертым, не пил ничего крепче пива.

— Нет. Прививка только от явной, грубой агрессии. Но, как и всем, нам приходится иногда делать выбор. Особенно когда речь идет о самозащите — но не только. Есть вещи безнравственные, бесчеловечные, и в то же время как бы абстрактные. Сделать укол беременной, которая добровольно на это согласилась… какая тут агрессия? Тем более если ты убежден в необходимости этого для всего человечества…

— Так вот почему Генетическая Безопасность интересуется Сьюлин Муа!

— Да. И УГБ, и все подобные организации. Вы знаете, страх перед Четвертыми — далеко не исключительно американская национальная черта. В исламских странах по этому поводу еще не то творится. Прятаться уже некуда. УГБ десятки лет пытается завладеть марсианскими биотехнологиями. Только, похоже, не затем, чтобы спасти от них мир, а затем, чтобы их монополизировать. Пока им это не очень удается. Надеюсь, и никогда не удастся. Джинн выскользнул из бутылки. Но они работают, время от времени кое-что узнают. Например, о той же Сьюлин Муа. А уж общение Четвертых с гипотетиками… Сама эта идея, наверное, должна вызывать у них просто панический ужас.

— Потому же, почему и у вас?

— Отчасти да. Но только отчасти, — ответила Диана и отхлебнула воды.

Деревенский муэдзин стал созывать на молитву. Диана никак не отреагировала на звуки колокола.

— Сьюлин Муа была в Порт-Магеллане по крайней мере еще раз, — сказала Лиза. — Двенадцать лет назад.

— Да.

— По тем же причинам?

— Да.

— Ей удалось? В смысле… остановить это…

Ибу Диана отвела глаза.

— Нет. Не удалось. Она была знакома с моим отцом…

— Она много с кем была знакома. Как звали вашего отца?

У Лизы заколотилось сердце.

— Роберт Адамс.

Диана покачала головой:

— Нет, к сожалению, такого имени я не слышала. Но вы говорили, у него был какой-то друг в Кубелике?

— Да. Аврам Двали.

— Вот те на. — Диана нахмурилась и замолчала.

Лиза совсем разволновалась:

— Он тоже Четвертый?

— Да, он Четвертый. Только у него, на мой взгляд, не все в порядке с головой.

ГЛАВА 12

Отведя Айзека домой, Сьюлин Муа рассказала доктору Двали о цветке.

Рассказ звучал столь невероятно, что на поиски розы тотчас отрядили экспедицию. Сьюлин осталась дома, но дала подробные указания, где искать цветок. Доктор Двали взял одну из поселковых машин и вместе с еще тремя мужчинами уехал в пустыню. Другой реакции от него и не следовало ожидать, думала Сьюлин. Человек, помешанный на гипотетиках (если только его «гипотетики» имели что-то общее с настоящими), конечно же, не откажется от такого подарка, как цветок из иных миров…

Двали вернулся через пару часов. Розы он не нашел, зато нашел кое-что другое. Он созвал всех в столовую, раскрыл хлопчатобумажную сумку и достал оттуда образчики, собранные в пустыне.

Одна из находок представляла собой губчатый зеленый диск в форме миниатюрного велосипедного колеса с тонкими, как прутики, спицами и узлом корней, растущих из втулки. Другая — прозрачную трубку диаметром около сантиметра и длиной с предплечье Сьюлин. Третья — липкий шишковатый ком, напоминающий кулак, в синих и красных прожилках.

Все это мало походило на растения, хотя, возможно, и имело когда-то органическое происхождение. Колесо местами почернело и раскрошилось. Пустотелая трубка треснула по всей длине, а кулакообразный ком приобрел мертвенную бледность и уже издавал неприятный запах.

— Вы нашли это в пепле? — спросила миссис Рэбка.

Двали покачал головой.

— Нет. Представьте себе, это *росло*.

— Там, в пустыне?..

— Я не знаю, что это может быть. Наверняка какое-то отношение к пеплу оно имеет, но какое — не знаю.

Двали выжидающе посмотрел на Сьюлин.

Сьюлин промолчала.

* * *

Утром она пришла навестить Айзека, однако дверь оказалась запертой. Возле нее стояла, скрестив руки, миссис Рэбка.

— Он плохо себя чувствует.

— Я хотела посидеть с ним немножко, — сказала Сьюлин.

— По-моему, ему лучше отдохнуть. У него температура. И мне кажется, мы должны с вами поговорить, мисс Муа.

Они вышли во двор, прошли в тени главного здания и присели на каменную скамью с видом на сад. Воздух был жарким и неподвижным. Солнечный свет падал на цветы за оградой так, словно придавливал их своим весом. Сьюлин ждала, когда миссис Рэбка заговорит. Она ожидала от нее каких-то недружелюбных выпадов рано или поздно. Миссис Рэбка как бы заменяла Айзеку мать. Но именно «как бы», поскольку его натура начисто исключала проявления подлинной человеческой теплоты. Во всяком случае, с его стороны.

— Он никогда раньше не болел, — сказала миссис Рэбка. — Ни разу. Но с тех пор, как вы появились… он уже не такой, как раньше. Бродит, мало ест. Читает все подряд. Сперва я думала, что это хороший знак. Но теперь я не удивлюсь, если это окажется проявлением симптома?

— Симптома чего?

— Не притворяйтесь.

Миссис Рэбка была крупного сложения. Сьюлин все эти люди казались рослыми — сама она была ростом едва в пять футов три дюйма, — но миссис Рэбка была крупнее их всех и, казалось, стремилась выглядеть кем-то вроде строгой надзирательницы.

— Я знаю, кто вы, и все знают. В нашей общине уже столько лет о вас говорят. Мы не удивились, когда вы нас нашли. Скорей, удивились, что не нашли раньше. Мы готовы были дать вам возможность наблюдать за развитием Айзека, даже общаться с ним. При одном условии: что вы не будете вмешиваться в наши дела.

— Я вмешивалась?..

— С тех пор, как вы здесь, с ним творится что-то неладное. Это невозможно отрицать. Может быть. Но я здесь ни при чем.

— Ни при чем? Хотелось бы верить… Но вы ведь уже однажды имели дело с подобным случаем? До того, как попали на Землю?

Сьюлин кивнула в ответ. Она никогда этого не скрывала. Эта история имела широкое хождение среди земных Четвертых — особенно таких, как Двали, одержимых мыслями о гипотетиках.

— Это был такой же ребенок, как Айзек?

— В чем-то, может, и такой же. Но, как и Айзек, он был уже не ребенком. Ему было столько же, сколько сейчас Айзеку, когда…

— Он умер.

— Да, его не стало.

— Из-за того, что он… был такой?..

Сьюлин ответила не сразу. Ей было невыносимо воскрешать эти воспоминания. К тому же она чувствовала, это были не просто воспоминания, а предвестия.

— Да. Он погиб в пустыне. — «Не в этой, в марсианской», — добавила она про себя. — Пытался найти дорогу, но заблудился.

Она закрыла глаза. Из-под прикрытых век весь мир представлялся залитым красной краской из-за невыносимо яркого солнца,

— Если б я могла, я бы остановила вас. Вы это знаете. Но я опоздала, а вы все слишком хорошо владеете искусством самоубеждения. Теперь я точно так же не могу ничем вам помочь, как и вы сами себе, миссис Рэбка.

В голосе миссис Рэбка зазвучал металл и посыпались обвинения:

— Я не позволю вам дурно на него влиять!

— По-вашему, я дурно на него влияю?

— По-моему, да. И, если честно, вы его боитесь.

— Миссис Рэбка, неужели вы до такой степени ничего не понимаете? Да, конечно, боюсь. А вы — нет?

Миссис Рэбка, ничего не ответив, встала и ушла в дом.

* * *

К вечеру у Айзека так и не прошел жар, и его не выпускали из комнаты. Сьюлин лежала у себя — ей не спалось — и смотрела сквозь исцарапанное песком стекло на звезды.

На гипотетиков — если пользоваться этим на удивление двусмысленным именем, каким наградил их английский язык. Их стали называть так еще до того, как появились зримые свидетельства их существования. Гипотетические сущности, отгородившие Землю странным темпоральным барьером так, что за время, достаточное, только чтобы выгулять собаку или причесаться, во Вселенной могли пройти миллионы лет. Сеть воспроизводящихся квазибиологических машин, рассеянных по всей галактике. Они вторгаются в дела людей — а может, и бессчетного множества других разумных цивилизаций — по причинам, никому не известным. Возможно, и вовсе без причин.

Будучи невидимыми, они заполняли собой все небо. Они были повсюду.

Что еще о них можно сказать?.. Сеть столь гигантских размеров, что способна охватить всю галактику, неотличима от природных сил. С ней невозможны ни разговоры, ни переговоры.

Если она и общается с людьми, то из нечеловеческой дали времен. Чтобы разобрать одно ее слово, надо прожить десятилетия, составить из них предложение — тысячелетия.

Мыслит ли она, хоть в каком-то смысле слова? Знакомы ли ей раздумья, споры с собой, порождает ли она какие-то идеи, которым потом следует? Иными словами: это *сущность*или все же только огромный сложный процесс?.. Марсиане обсуждали это столетиями. Большая часть детства Сьюлин прошла под аккомпанемент споров Четвертых на подобные темы. Ни ту, ни другую точку зрения никому не удавалось убедительно аргументировать. Что до самой Сьюлин, у нее не было определенного мнения, но ей всегда казалось, что у гипотетиков нет и быть не может никакого мозгового центра, никакого координирующего разума. Они создают нечто необычайное и непредсказуемое, но то же самое делает и обычная эволюция. Она порождает чрезвычайно сложные интерактивные биосистемы, однако у нее нет целенаправленного вектора развития. С тех пор, как репликаторы были запущены в космос (быть может, какими-то давно исчезнувшими цивилизациями еще до того, как из звездной пыли сформировались Земля и Марс), эти репликаторы подчинялись той же беспощадной логике конкуренции и мутаций. Мало ли что это могло породить за биллионы лет? Машины гигантской мощности и размера, полуавтономные, в определенном смысле «умные», или Арку и временной покров, изолировавший Землю, — все это, пожалуй, да. Но разум и сознание, способное к мотивации поступков? Сьюлин давно отвергла для себя эту мысль. Гипотетики — что угодно, только не разум. Просто пример вторжения дарвинисткой логики в космическую пустоту.

Прах машин упал в пустыню, и из него выросли странные, нежизнеспособные цветы. Колеса, трубки, розы с угольными глазами. А Айзека неудержимо тянет на запад. На Дальний Запад. Что это значит? Есть ли у всего этого какое-то разумное объяснение?

Но, если есть, и если это то же самое, что было на Марсе, — значит, Айзека приносят в жертву силе столь же бесчувственной и безразличной, как ветер [17].

* * *

Наутро миссис Рэбка позволила Сьюлин войти в комнату к мальчику.

— Вы сами поймете, — сказала она сурово, — почему мы так

за него беспокоимся.

Айзек лежал с закрытыми глазами, закутавшись в клубок одеял. Сьюлин потрогала его лоб и почувствовала исходящий от него жар.

— Айзек, — вздохнув, сказала она, не столько ему, сколько самой себе. Эта бледность и обездвиженность слишком многое ей напоминали. Другой мальчик… и тоже лихорад ка… и тоже пустыня…

— Роза, — произнес Айзек таким голосом, что Сьюлин вздрогнула.

— Что с тобой?

— Я помню розу. А она помнит меня.

Не открывая глаз, он приподнялся и попытался сесть, стукнувшись головой о спинку кровати. На подушке отпечатался продавленный след. Волосы Айзека слиплись от пота. До чего люди кажутся крепкими, подумала Сьюлин, пока они могут ходить, бегать, прыгать, — и до чего становятся беспомощными, когда не могут.

А потом мальчик сделал нечто такое, что потрясло даже видавшую виды Сьюлин.

Он открыл вдруг глаза — совершенно обесцвеченные, но с неожиданными блестками на радужках, словно их прозрачную голубизну забрызгали золотой краской. Посмотрел прямо на Сьюлин, улыбнулся и заговорил на языке, которого она не слышала десятки лет, — на диалекте мало населенной южно-марсианской пустыни.

— Привет, сестрица! — сказал он. — Где ты так долго была?

После чего опять провалился в сон. А Сьюлин била мелкая дрожь от жуткого эха его слов.

ГЛАВА 13

Утром над деревней минангкабау совсем низко пролетел вертолет. И хотя это могло быть и безобидным совпадением — последние месяцы в горы часто наведывались инспекции лесозаготовительных компаний, — это встревожило жителей и привело ибу Диану к выводу, что нужно срочно уезжать.

— Здесь рискованно оставаться, — сказала Диана

— Куда же мы теперь? — спросила Лиза.

— Нам надо попасть за горный хребет, к Могиле Кубелика. Турк, вы ведь сможете нас туда доставить?

Турк задумался.

— Мне может понадобиться лом, — сказал он загадочно. — Атак, конечно, доставлю.

— До города доберемся на какой-нибудь из здешних машин, — продолжала Диана. — Ваша слишком привлекает внимание. От нее лучше избавиться. Я попрошу кого-нибудь из деревни отвезти ее к шоссе, поближе к берегу, и где-нибудь там оставить.

— Я смогу получить ее обратно, когда все это кончится?

— Вряд ли.

— Что ж, логично, — сказал Турк.

* * *

Лиза знала, что у властей достаточно способов следить за передвижениями людей, которые их интересуют. Крохотные передатчики, которыми оснащаются машины и даже предметы одежды. Существовали и другие, засекреченные технические средства, совсем микроскопические. Житель деревни, который должен был отвезти их машину на север, собирался также забрать с собой всю их одежду и вещи. Лиза переоделась в цветастую блузку и муслиновые штаны, купленные в деревенской лавке, Турк — в джинсы и белую рубашку. Оба приняли душ в клинике ибу Дианы. «Обратите особое внимание на волосы, — наставляла их Диана. — Убедитесь, что в них ничего нет».

Ощущая что-то среднее между облегчением и паранойей, Лиза забралась в латаную-перелатаную развалюху, которую нашла для них Диана. Турк сел за руль, Лиза — рядом с ним. Диана тем временем прощалась с дюжиной местных жителей, обступивших ее.

Ее тут любят, — заметила Лиза.

Ее знают во всех окрестных деревнях, — сказал Турк. — Она ездит из одной общины в другую каждый день, помогает всем — малайцам, тамилам, минангам. В любой деревне найдется для нее место, и все готовы в случае чего ее защитить.

— Они знают, что она Четвертая?

— Разумеется. Не она одна тут Четвертая. Многие из этих деревенских стариков намного старее, чем кажутся.

Мир меняется, подумала Лиза, и никакой проповедью неприкосновенности человеческого генома этого уже не остановить. Ей представилось, как бы она попыталась донести эту истину до Брайана. Он бы, без сомнения, отмел ее с порога и принялся опровергать. Он был мастером по части заделки трещин в фундаменте своей веры в благое дело УГБ. Но трескалось уже все и сплошь и рядом. Здание рассыпалось на глазах.

Ибу Диана уселась в машину, неуверенным движением застегнув на себе потертый ремень. Турк не спеша тронулся в путь. Толпа деревенских жителей, запрудивших узкую улочку, еще долго следовала за машиной.

— Им жалко, что я уезжаю, — сказала Диана. — Они опасаются, что я не вернусь.

* * *

Лиза каждый раз невольно вздрагивала, когда кто-то проезжал мимо. Но как только они выехали на шоссе, Турк повел машину энергично, что-то шепча себе под нос, низко надвинув на лоб матерчатую кепку. Ибу Диана сидела и молча вглядывалась в проносящийся мимо, навсегда ускользающий мир.

Лиза все не решалась заговорить, но наконец решилась:

— А кто такой Аврам Двали?

— Давайте для начала вы сами расскажете мне, что о нем знаете.

— Ну, он тоже преподавал в Американском университете, но он был как бы себе на уме, на факультете его не очень любили. Потом он ушел по неизвестным причинам. Это было где-то за полгода до исчезновения отца. Один человек в архивном отделе сказал мне, что последнюю зарплату ему переслали чеком в Кубелик. Если верить матери… — (Лизе редко удавалось разговорить мать на темы, связанные с прошлым, и это всегда давалось тяжело и ей, и матери.) — Если верить матери, он несколько раз бывал у нас дома, когда работал в университете. В справочнике его адреса в Кубелике нет — но у него сейчас нет и никакого другого постоянного адреса. Я думала поехать в

Кубелик и выяснить, существует ли еще его абонентский ящик, или, может быть, остались какие-то сведения о его владельце. Но, судя по всему, это было безнадежной затеей.

— Вы подошли очень близко к тому, о чем даже не имели представления. Неудивительно, что Генетическая Безопасность вами заинтересовалась.

— Так Двали был замешан в одном из этих течений, которые собираются установить связь с гипотетиками?!

— Он не *был замешан.*Это его рук дело. Он создал это течение.

Диана рассказала Лизе, как Двали стал Четвертым за много лет до того, как перебрался в Новый Свет.

— Я редко с ним общалась после того, как он поступил работать в университет. В Порту и вокруг Порта обитают — без преувеличения — тысячи Четвертых. Многих мы даже не знаем, они просто доживают свои лишние десятилетия, никому не показываясь на глаза. Кому-то больше хочется общаться, кому-то меньше. Но рано или поздно почти со всеми перезнакомишься и поймешь, кто к какому направлению принадлежит.

— У Двали, как я понимаю, было свое направление?

— Можно и так сказать. К счастью, людей с подобным образом мыслей не так уж много.

Диана поколебалась, прежде чем продолжать.

— Что такое четвертый возраст? Зрелость после зрелости. Мы переняли это у марсиан и так же называем. Только в отличие от них у нас «четвертость» не означает никакой само собой разумеющейся зрелости. На Марсе это получается благодаря самому курсу и сопутствующим процедурам. Но Аврам Двали принес в ряды Четвертых свою собственную манию.

— Какую?

— Пообщаться с запредельным — потрогать гипотетиков. Понимаете, некоторым людям почему-то мало быть просто людьми. Им хочется пощупать Бога и таким образом утвердить свою исключительность. Один из парадоксов земной «четвертое™» — то, что курс часто притягивает именно таких людей. Мы стараемся, по возможности, держаться от них подальше, но… На Марсе существуют законы. У нас их нет.

— И он решил создать…

— …коммуникатора. Человеческий интерфейс. Он подошел к делу со всей серьезностью. Навербовал себе сторонников среди Четвертых. Потом скрылся вместе с ними. Мы много лет не могли их найти.

— И никто не пытался ему помешать?

— Пытались, конечно. Двали не первый, кому это пришло в

голову. Но раньше сообща удавалось пресекать подобные попытки. Во многом благодаря Сьюлин Муа, ее авторитет непререкаем почти для всех нас. Но только не для Двали, для него проблемы нравственности не существуют. Когда Сьюлин первый раз приехала сюда, он и его община уже залегли на дно. С тех пор мы о них практически ничего не знали. Поэтому ничего не могли поделать. Было уже поздно.

— Вы хотите сказать, что есть ребенок…

— Да. Как мне говорили, его зовут Айзек. Ему сейчас двенадцать.

— Мой отец пропал двенадцать лет назад. Вы думаете, он мог присоединиться к этой группе?

— Нет. Судя по тому образу, который вы набросали, и по тому, что я знаю о приемах Двали вербовать сторонников, — нет. Скорее всего ваш отец не с ними.

— А могло ли быть так, что отец знал что-то опасное для них, и они его схватили?

— Лиза, мы Четвертые. У нас иммунитет против таких вещей. То, о чем вы говорите, *возможно*, но крайне маловероятно. Я слышала о Двали много плохого, но предположить, что он способен на такое? Нет. Если вашего отца и похитили, скорее это работа Генетической Безопасности, они уже тогда вовсю охотились за Двали.

— Но зачем было УГБ его похищать?

— У них всегда одно «зачем»: допрос с пристрастием. А если он еще и оказал сопротивление…

— Почему он должен был его оказывать?

— Не знаю. Я не видела вашего отца.

— Хорошо, допрос… А потом что? По-вашему, они его убили?

— Не знаю.

— Лиза, в УГБ имеется так называемый Исполнительный комитет, — вмешался в разговор Турк. — Они сами себе выписывают разрешения и делают все, что захотят. Я уверен, что именно они схватили Томаса. Он Четвертый — а Четвертых, как известно, трудно допрашивать. Они не боятся смерти и куда легче переносят боль, чем мы. Выбить что-либо из упертого Четвертого — это значит, в конечном счете, его прикончить.

— Так ты думаешь, что Томас…

— Боюсь, что да. А если он еще жив, значит, они увезли его в какую-то секретную тюрьму, где убьют не сразу, а чуть позже.

Неужели Брайан все это знал?.. Перед Лизой на миг промелькнуло устрашающее видение: парни из отделения УГБ при консульстве, втихую посмеивающиеся над ее наивными попытками приоткрыть правду об отце. Все это время она ходила

над пропастью, ежеминутно рискуя свалиться. Ее спасало одно: собственное невежество.

И все-таки нет. УГБ как учреждение, пожалуй, на это способно. Но не Брайан. Каким бы несчастливым ни был их брак, она знала его натуру. С ним бывало всякое — но убийцей или соучастником убийства он бы стать не смог.

* * *

Диана беспокоилась, что их машина и одежда могут вызвать подозрения. У Турка был собственный опыт ухода от преследования. Выехав из лесу, они оказались в промзоне Порт-Магеллана. Слева в сумерках виднелся океан, справа — нефтеперегонные колонны в отсветах садящегося солнца.

— Там пара машин — они ехали за нами еще до того, как мы выбрались на шоссе. Похоже, нас пасут. Или это у меня уже воображение разыгралось?

— Тогда не стоит сразу в «Эранджи», — сказала Диана. — Сворачивайте при первой возможности.

— Я не уверен, может, все это ерунда. Просто они уже долго за нами едут.

— Предполагайте худшее. Надо уходить на первом же повороте — на заправку, куда угодно. Я знаю тут кое-кого… — сказал Турк. — Кому можно доверять. И у кого можно переночевать.

— Турк, вы молодчина. Но, если мы с вами подставим еще кого-нибудь, это будет совсем не дело. И к тому же Лизе, наверное, будет не очень приятно знакомство с вашими бывшими подругами.

— О подругах не надо, — сказал Турк, покраснев.

Он свернул на заправку рядом с магазинчиком. В этой части Порта жили в основном рабочие с нефтезаводов. Сколоченные наспех домики давно успели прохудиться.

Турк припарковался в стороне от колонок поддеревом, похожим на зонт. Было уже совсем темно. Вокруг заправки горели желто-оранжевые фонари.

— Машину оставляем? — спросил Турк. — В нескольких кварталах отсюда автовокзал. Можно сесть на автобус до Рисовой Бухты и доехать до «Эранджи». Но доберемся не раньше чем к полуночи.

— Да, так лучше всего, — сказала Диана.

— Чертовски не нравится мне в очередной раз бросать машину. И вообще, кто финансирует этот наш вояж?

— Друзья и друзья друзей, — ответила Диана. — Не беспокойтесь. И ничего не берите из нее.

Лизе разрешено было сходить в магазинчик и купить что-нибудь поесть: они с самого утра ничего не ели. Турк с Дианой тем временем открутили и выбросили номерные знаки.

Лиза купила сыру, крекеров и воды в дорогу. В углу прилавка лежала кучка б/у мобильников. Как писали в журналах, они пользовались популярностью у драгдилеров, предпочитающих сохранять анонимность. Лиза схватила первую попавшуюся трубку и положила в корзинку. Затем расплатилась, вышла и направилась во внутренний дворик магазина, с сумкой в одной руке и телефоном в другой.

Брайан откликнулся почти немедленно.

— Слушаю.

Лиза на секунду замерла, услышав его голос. Ей захотелось дать отбой.

— Брайан! Привет. Мне сейчас неудобно говорить. Но со мной все в порядке.

— Лиза… дорогая… где ты?

— Потом расскажу. А сейчас слушай. Это важно. Запиши имя: Томас Джинн. Т-о-м-а-с. Д-ж-и-н-н. Его забрали пару дней назад, скорее всего без ордера, просто схватили и увезли — УГБ или кто-то, кто работает под прикрытием УГБ. Ты можешь что-нибудь об этом узнать? Как на твой просвещенный взгляд, похищения людей — это нормально? Можешь сделать что-нибудь, чтобы его отпустили?

— Лиза, послушай меня. Послушай! Ты не понимаешь, во что тебя впутали. Ты сейчас с Турком Файндли, да? Он тебе говорил, что он преступник? Поэтому он и уехал из Штатов. Лиза, он…

Она обернулась и увидела Турка, обходящего магазин. Прятаться было поздно. Она захлопнула крышку телефона, но опоздала. В слепящем искусственном свете лицо Турка просто кипело злостью. Не говоря ни слова, он выхватил у нее телефон и швырнул его прочь.

Телефон пролетел мимо фонарного столба, кувыркнулся в воздухе, как бабочка, и упал в овраг.

Лиза была слишком поражена, чтобы что-то говорить. Она обернулась к Турку. Его лицо было серо-синим. Она никогда его таким не видела.

— Ты что, б…, вообще ничего не понимаешь?!

— Турк…

Он не слушал. Он схватил ее за руку и потащил в сторону улицы. Она пыталась вырваться. Сыр и крекеры посыпались на асфальт.

— Турк, я тебе не девочка!..

— Ты уже, блин, все доказала, — проорал Турк. — Какая ты… не девочка.

* * *

Поездка на автобусе выдалась, что и говорить, не слишком веселой.

Лиза угрюмо сидела поодаль от Турка, глядя в темное окно. Она приказала себе не думать ни о его грубости, ни о том, в чем, возможно, была ее ошибка, ни о том, что она услышала от Брайана, — по крайней мере, покуда не успокоится. Но когда ее злость поутихла, она почувствовала себя бесконечно одинокой. Последний автобус на юг ехал полупустым. Кроме них, в салоне было еще несколько людей с суровыми лицами, в штанах цвета хаки и синих рубашках — должно быть, поденщики, живущие за городом из соображений дешевизны. За спиной у Лизы кто-то что-то бормотал себе под нос на фарси.

Автобус периодически останавливался у железобетонных терминалов и придорожных магазинов и складов. Мир заброшенных людей и неверных огней. Город остался позади, впереди было только шоссе и бескрайняя морская тьма.

Диана Дюпре прошла по проходу между сиденьями и села рядом с Лизой.

— Турк думает, что вы должны более серьезно относиться к риску, — сказала она.

— Он сам вам так сказал?

— Нет, это мое мнение.

— Я серьезно отношусь.

— Но с телефоном вы просчитались. Скорее всего звонок не засекут но кто знает, что у них за техника? Может, они пользуются чем-то таким, о чем мы даже понятия не имеем.

— Понимаю, — ответила Лиза. — Просто…

Она не знала, как это выразить. Просто слишком большой кусок ее прежней привычной жизни ускользал теперь навсегда под вращающимися колесами автобуса.

* * *

К тому времени, как они доехали до ближайшего к «Эранджи» склада, Турк перестал наконец скрежетать зубами. Лицо его приобрело трогательно-застенчивое выражение. Он поглядывал

на Лизу искоса, словно прося прощения. Она делала вид, что этого не замечает.

— Отсюда около полумили до «Эранджи», — сказал он. — Как вы смотрите на маленькую пешую прогулку?

— Положительно, — сказала Диана. Лиза только молча кивнула в ответ.

* * *

От склада к аэродрому вела проселочная, еле-еле освещенная дорога. Лиза вслушивалась в хруст гравия под ногами и шелест ветра в низкорослом кустарнике — деревьев здесь не было. В зарослях травы стрекотали насекомые, которых можно было бы спутать со сверчками, если б не какой-то похоронный тон в их стрекоте — словно кто-то безутешный, беззвучно рыдающий, без конца водил ногтем по расческе.

Они подошли к ограде «Эранджи» сзади, подальше от главных ворот. Турк выудил из кармана ключ и открыл запертую на цепь калитку.

— Нам лучше постараться не привлекать к себе внимания, пока не дойдем до места. Сам терминал закрывается в десять, но тут всегда есть кто-то из техников, а на новой полосе теперь еще и ночная охрана.

— Разве ты не имеешь права приходить сюда, когда захочешь? — спросила Лиза.

— В общем-то, имею. Но все-таки лучше, чтобы нас никто не видел.

Они подошли к небольшому алюминиевому ангару — одному из множества таких же вдоль взлетной полосы. На воротах его висел замок.

— Я не шутил насчет лома, — сказал Турк. — Сейчас будем искать что-нибудь, чем можно взломать замок.

— Твой самолет заперли в твоем собственном ангаре?

— Да, все довольно глупо вышло. — Он отошел в сторону, подыскивая подходящий инструмент.

Лиза вспотела, ноги у нее болели от ходьбы и хотелось в туалет. О том, чтобы переодеться, нечего было и мечтать.

— Не сердитесь на Турка, — сказала Диана. — Он вам доверяет и одновременно побаивается. Он…

— Вы что, и дальше так собираетесь?.. Все эти мудрые наставления… Мне это уже надоело немного.

Диана застыла, широко раскрыв глаза. А потом — к облегчению Лизы — рассмеялась.

— Я хотела сказать, простите, конечно… Но…

— Не стоит! Я ничуть не обиделась. Одно из искушений старости: поучать молодых.

— Я понимаю, чего Турк боится. У него обыкновение сжигать за собой мосты. А мне мои мосты все еще дороги. У меня есть другая жизнь, у меня есть дом…

— И тем не менее, — снова улыбнулась Диана, — как сказал бы мудрец, сейчас вы находитесь здесь.

* * *

Турк вернулся с куском арматуры и просунул его под дверную петлю. Ее было куда легче оторвать от ворот, чем сломать сам замок. Покорно хрустнув, петля упала на землю. Он раздвинул в стороны высокие стальные створки и включил свет.

Его самолет был на месте. Двухмоторный «Скайрекс». Лиза помнила его еще с того неудачного полета в Кубелик. Казалось, с тех пор промелькнула целая жизнь.

Турк занялся самолетом, пока Диана и Лиза сидели в грязноватой подсобке для техников. Затем Лиза вышла наружу и увидела Турка, беседующего явно на повышенных тонах с человеком в форме. Человек был маленького роста и лысоватый. Вид у него был определенно несчастный.

— Я должен буду позвонить мистеру Эранджи, — говорил он. — Вы же сами понимаете.

— Мне нужно всего пару минут, — отвечал Турк. — За эти годы я выкупил у него ангар уже трижды или четырежды. Должно же и мне что-то причитаться?

— Я настоятельно советую вам этого не делать.

— А я ничего и не делаю. Пятнадцать минут — а потом звоните куда хотите.

— Я делаю вам предупреждение. Вы не сможете сказать, что я вам это позволил.

— У меня и в мыслях нет что-то подобное говорить.

— Хорошо, пятнадцать минут… Нет, лучше — десять.

Охранник повернулся и удалился.

* * *

Когда-то, говорил Турк, аэродромы в Экватории были везде, где только можно было найти место под взлетную полосу. Маленькие четырехместные винтовые самолеты могли доставить

кого угодно куда угодно, и никого не волновали никакие пассажирские декларации. Все постелен но изменилось под давлением Временного Правительства и авиакомпаний. Рано или поздно, говорил он, большой бизнес и большая власть сровняют аэродромы типа «Эранджи» с землей. Даже взлет в неурочное время теперь не вполне законен. Скорее всего это будет стоить ему лицензии. Но его уже и без того задавили. Что ему теперь терять.

Он вывел самолет на свободную полосу и начал разбег.

В этом весь Турк, подумала Лиза. Это он умеет делать лучше всего. Собраться по тревоге и полететь неизвестно куда. В каком-то смысле он верил в искупительную силу дальних мест. У нее самой такой веры не было.

Самолет взлетел, болтаясь из стороны в сторону, словно воздушный змей. Мотор тихо урчал, за окнами мелькали лопасти винтов. Впереди виднелись озаренные лунным светом горы. Ибу Диана смотрела в окно и шептала про себя что-то вроде: «Надо же, самолет, и такой тихий. Раньше было совсем не так. Раньше… сколько лет прошло…»

Лиза видела наклонившуюся вправо дугу берега и далекую, все уменьшающуюся, сверкающую кляксу Порт-Магеллана. Она смотрела исподволь на Турка, ожидая, что он все-таки заговорит с ней, — может быть, даже извинится наконец. Но он молчал. Только раз неожиданно обернулся. Лиза как раз глядела в окно на ослепительный след падающей звезды, прочерченный над пиками и ущельями и растворившийся в безмолвии западной пустыни.

ГЛАВА 14

Страшный снимок, пришедший с утра по электронной почте, совершенно выбил Брайана из колеи. Это заставило его вспомнить то, чего совсем не хотелось бы помнить.

Ему тем летом должно было исполниться тринадцать, и он работал на общественных началах в епископальной церкви, прихожанами которой были его родители. Сам он не был таким уж набожным подростком: догматика давалась ему с трудом, занятия по Закону Божьему он обычно прогуливал. Однако церковь — физически и как учреждение — обладала той же незыблемой силой, что и закон (позже Брайан стал называть это про себя словом «устои»). Она предполагала порядок вещей. Его родители, пережившие экономический и религиозный хаос Спина, посещали ее каждые выходные. Брайан любил эту церковь еще и из-за хвойного запаха свежевыстроенной часовни, из-за утреннего света, дробящегося в витражах. Поэтому он охотно согласился поработать в церкви на каникулах. Поначалу было скучновато. Он подметал часовню, открывал двери пожилым прихожанам, исполнял всякие мелкие поручения пастора и хормейстера. Но в середине августа его попросили помочь в организации ежегодного пикника.

В пригороде, в котором жил Брайан, было множество зелени и ухоженных парков. Пикник традиционно происходил в самом большом из парков. «Ежегодный приходской пикник» — от самого этого обычая и этих слов веяло чем-то чудным, архаичным. Впрочем, в воскресном листке он назывался Днем Семейного Единения. «Объединиться» явилось множество семейств — от стара до млада, от дедов до внуков. Брайан без устали хлопотал, расстилая одноразовые скатерти, разнося бокалы и ведерки со льдом, пока наконец не разгорелось веселье. Стали раздавать бесплатные хот-доги, дети — из которых он мало кого знал — принялись подбрасывать в воздух летающие тарелки, под ногами копошились младенцы. И день выдался для праздника что надо — солнечный, но не жаркий. Ветерок уносил дым от гриля. Тогда, в тринадцать, Брайана несказанно пьянила эта атмосфера праздника: словно полдень замер во времени и длится вечно.

Подошли его друзья, Лайл и Кев, и уговорили его на время оставить свои обязанности. Неподалеку был ручеек, где можно было попрыгать по камням и половить головастиков. Брайан отпросился у пастора и побежал с друзьями в зеленую, пронизанную солнцем гущу леса. Там у ручья, сбегающего по гальке — как говорили в школе, еще со времен ледникового

периода, — они нашли нечто поинтереснее головастиков. Жилище — точнее, остатки жилища. Свисающий матерчатый тент. Пластиковые мешки, свалка ржавых банок (он как сейчас помнил: свинина с фасолью, собачий корм…), бутылки, прохудившиеся фляжки, старая тележка из супермаркета. А между двумя дубами, корни которых выступали из земли и переплетались, словно пальцы, сжатые в кулак, — валялся узел со старой одеждой, который при ближайшем рассмотрении оказался вовсе не узлом… а мертвецом.

Мертвый бездомный человек, должно быть, пролежал здесь никем не замеченный несколько дней, а то и недель. Он выглядел раздувшимся — изодранная красная рубашка туго обтягивала огромный живот, — и в то же время каким-то скукоженным, будто выжатый лимон. Оголенные части тела были объедены, в молочно-белых глазницах копошились букашки, а когда подул ветер, запахло так омерзительно, что Кев тут же отскочил прочь, и его вырвало прямо в кристальную воду ручья.

Они побежали обратно, в такой нестрашный парк, и рассказали пастору Карлайлу о своей находке. Праздник кончился. Позвонили в полицию. За телом приехала «скорая». Помрачневшие прихожане стали один за другим расходиться.

Брайан еще с полгода ходил на воскресные службы. Но Кев и Лайл больше ни разу там не появлялись — словно церковь для них связалась навсегда с мертвецом. Брайан же отреагировал в точности наоборот. Он еще больше уверовал в спасительную силу часовни — потому, что видел, что бывает за ее оградой. Он видел смерть в неосвященной земле.

Он видел смерть вблизи, и смертью его было не удивить. И все же то, что оказалось у него на столе теперь, двадцать лет спустя, его попросту шокировало. На собственном столе, в благословенных стенах своего офиса, которые казались ему такой надежной защитой от всех потрясений взрослой жизни.

* * *

За два дня перед тем был короткий, оборвавшийся звонок от Лизы.

Она позвонила поздно, уже ночью. Брайан возвращался домой, после обычной нудной встречи в консульстве. (В резиденцию консула приглашались на фуршеты, кстати, потенциальные подозреваемые.) Он почти не пил, но вино слегка ударило ему в голову. Поэтому он поручил управление автомобилем навигатору. Медленно, но верно (машина до

идиотизма буквально понимала скоростные ограничения, к тому же улиц с автоматизированным движением было сравнительно немного) он добрался до дома, который когда-то делил с Лизой. В этом доме откровенно попахивало клаустрофобией. Если б не привычный уют, можно было бы даже сказать — отчаянием. Брайан сходил и душ. Он стоял мокрый, обернувшись полотенцем и вслушиваясь в ночную тишину, и думал: «Все-таки я один из них? Или я другой?..»

Он погасил свет, и тут зазвонил телефон. Он поднес к уху трубку и услышал в ней далекий голос Лизы.

Он пытался предостеречь ее. О чем говорила она, он сперва даже не понял. А потом связь оборвалась.

* * *

По идее, он должен был сообщить об этом звонке Зигмунду и Вейлю. Но этого не сделал. Не мог. То, что сказала Лиза, предназначалось ему одному и больше никому. Зигмунду и Вейлю незачем было об этом знать.

Наутро он сидел у себя в офисе, беспрестанно думая о Лизе и своем неудавшемся браке. Потом взял трубку и по звонил Петеру Кирхбергу — это был «его человек» в Управлении надзора за соблюдением законности и правопорядка Временного Правительства ООН.

Кирхберг уже оказывал ему в прошлом множество маленьких услуг. Сам Брайан ему, правда, почти ничем за это не отплатил. Густо заселенное восточное побережье Экваториии считалось — по крайней мере формально — протекторатом Соединенных Штатов, но управлялось при по мощи хаотичного свода законов, постоянно принимавшихся и пересматривавшихся международными комитетами Даже нормальной полиции и той здесь не было. Ближайшим аналогом полноценных полицейских сил был Интерпол, хотя повседневный порядок на улицах поддерживался в основном «голубыми касками». Все это приводило к засилью бюрократии, от которой было больше бумаготворчества, чем правопорядка, и весь смысл ее существования заключался главным образом в улаживании конфликтов между многочисленными консульствами. Чтобы что-то предпринять в такой обстановке, необходимо было везде иметь своих людей. Кирхберг как раз и был одним из таких людей для Брайана.

Он тут же откликнулся. Прежде чем Брайан смог при ступить к делу, ему пришлось выслушать целую кучу жалоб — на погоду,

на травлю со стороны нефтяных картелей, на тупых чиновников. Наконец Кирхберг понемногу успокоился.

— Посмотришь в базе одно имя? — спросил Брайан.

— Отлично, — ответил Кирхберг. — Именно этого мне сейчас и не хватало: лишней работы. Давай!

— Томас Джинн. — Брайан продиктовал имя и фамилию по буквам.

— А на кой тебе этот джинн?

— Работа.

— Очередной изверг из Штатов? Детоулучшатель? Органы оптом и в розницу?

— Вроде того.

— Хорошо, проверю, как будет время. С тебя бутылка.

— При первой же встрече, — сказал Брайан.

Про это он Зигмунду и Вейлю тоже сообщать не стал.

* * *

На следующее утро из принтера выскользнула фотография — вместе с неподписанным письмом.

Брайан взглянул на нее, положил на стол лицевой стороной вниз, потом опять взял в руки.

Он видел и худшее. Он тут же безотчетно подумал о теле на окраине парка, где двадцать лет назад был церковный пикник, — о теле между обнаженными корнями дубов, с глазами, подернутыми молочной пеленой, по которым ползали муравьи. Он так же непроизвольно схватился за живот.

На снимке был труп старика, выброшенный на скалы в соляных разводах. Его покрывали пятна — то ли множественные ушибы, то ли просто следы разложения. Несомненно было одно: старик был убит пулей в лоб.

В неподписанном письме говорилось: «Тело найдено на берегу в районе Южного Поста два дня назад. Документов не было, идентифицирован как Томас В. Джинн (ДНК-архив Торгового флота США). Один из ваших?»

Похоже было, что мистер Джинн ушел с пикника и попал куда не следовало. Как и Лиза, подумал Брайан. И ему вдруг стало по-настоящему страшно.

* * *

Днем он опять позвонил Кирхбергу. На этот раз Петер был не

таким словоохотливым.

— Я получил твое послание, — сказал Брайан.

— Не стоит благодарностей.

— Что ты имел в виду под «одним из наших»?

— Мне бы не хотелось сейчас это обсуждать.

— Ты имел в виду, американец?

Кирхберг молчал. *Один из ваших*. Ну да, американец. Или Петер хотел сказать, что Томас Джинн имел отношение к Генетической Безопасности? Или… что его смерть имеет отношение к Генетической Безопасности? «Один из тех, кого вы…»

— У тебя есть еще что-нибудь ко мне? — спросил Кирхберг. — А то у меня много работы, времени совсем нет…

— Если можно, окажи еще одну услугу, — сказал Брайан. — Еще одно имя. Роберт Адамс.

ЧАСТЬ III
НА ЗАПАД

ГЛАВА 15

Не сказав больше ничего — ни по-марсиански, ни по-английски, — Айзек погрузился в сон. Разбудить его было невозможно. Четвертые по-прежнему дежурили у его постели, но не могли понять, что с ним происходит и как ему помочь. Впрочем, физически его состояние как будто бы не внушало опасений.

Сейчас с ним сидела Сьюлин Муа. По щелочным пескам за окном тянулись закатные тени. Айзек спал уже два дня. С утра — как часто бывало в это время года — над горами разразилась недолгая гроза, с молниями и громом, но почти без дождя. К вечеру гроза прекратилась, прояснившееся небо сияло чистейшей бирюзой. Воздух пах свежо и терпко. Но мальчик все не просыпался.

От короткого дождя в песках на западе расцвели веретенообразные растения. Кто знает, может, там в пустыне ожило и еще что-то. Вроде зрячей розы Айзека.

Внешне Сьюлин выглядела как всегда спокойной. На самом деле ее охватывал ужас.

Айзек разговаривал голосом Эша.

Не то ли это, что в старину называли «страх и трепет»? Гипотетики — не боги в том смысле, в каком она понимала это простое, хотя и странно растяжимое слово. Но они могущественны и непостижимы, как боги. Ей не верилось, что они обладают сознанием и волей. Даже само слово «они» — ошибка терминологии, грубый антропоморфизм. Но когда «они» являют себя, естественное человеческое желание — сжаться, спрятаться, как у кролика при виде лисы, у лисы — при виде охотника.

«Второй раз в жизни, — думала Сьюлин. — Это мой личный крест — видеть это повторно».

Грудь Айзека вздымалась и опадала в такт его дыханию. Сьюлин то и дело задремывала, иногда проваливалась в сон — мгновенный и глубокий, — как бывало с ней только в детстве. Ей снилась тогда другая пустыня, где горизонт — совсем близко, а небо — темно-синее. Там тоже были скалы и песок. Из песка росло множество ярких трубчатых и угловатых растений, словно материализовавшиеся горячечные видения. И там тоже был мальчик. Не Айзек — тот, другой… первый. Более хрупкий, с более темной кожей, но с такими же странными глазами в золотых крапинках. Он лежал там, где упал, потеряв силы от истощения, и хотя рядом со Сьюлин было множество взрослых,

она первой подбежала к нему.

Мальчик открыл глаза. Больше ему ничто не повиновалось: его туловище, руки и ноги обвивали сплетающиеся не то веревки, не то лианы. Эти безумные растения пригвоздили его к земле, а некоторые проросли сквозь его тело.

Он должен был быть мертв. Никто не выживет, если его проткнуть насквозь, как шашлык.

Но мальчик открыл глаза и прошептал: «Сьюлин…»

* * *

Она проснулась, сидя на стуле возле кровати Айзека и вспотев от сухого жаркого воздуха. В дверях стояла миссис Рэбка и смотрела на нее.

— У нас собрание в столовой, — сказала она. — Нам бы хотелось, чтобы вы тоже присутствовали, мисс Муа.

— Хорошо. Я приду.

— С Айзеком все по-прежнему?

— Да, — сказала Сьюлин, добавив про себя: *пока по-прежнему*.

* * *

Это не была кома — просто сон, но очень глубокий и длившийся много дней. Однажды вечером Айзек проснулся. Рядом не было никого.

Он чувствовал себя… странно.

Его чувства обострились. Ум работал не просто ясно, а яснее, чем когда-либо. Восприятие стало более четким и сфокусированным: ему казалось, что он мог бы, если б захотел, сосчитать все пылинки в воздухе, хотя комнату освещала только маленькая лампа возле кровати.

Ему нестерпимо хотелось на запад. Он чувствовал зов того, что там — вдали. Это нельзя было описать никакими словами из тех, что он прежде знал. Исполненность, окрыленность? Любовь? Жажда? Он был чему-то очень нужен. А это что-то — ему.

Он не собирался опять уходить из поселка. Не сейчас. Его первый, инстинктивный поход на запад не привел ни к чему, не считая встречи с розой, — и не было смысла повторять это, пока он не окрепнет. Лишь бы только выбраться из тесных стен комнаты. Вдохнуть воздух пустыни, почувствовать его кожей.

Он встал, оделся, сошел вниз по лестнице мимо запертых

дверей столовой, где взрослые вели церемонную беседу, и вышел во двор. У ворот выставили охрану — видимо, чтобы не дать ему снова уйти. Поэтому он направился в огороженный сад.

Воздух был свеж, и сад предстал перед Айзеком во всей своей красе. Он шел между растениями по дорожке, вымощенной садовником Раджем. Суккуленты распахнули свои цветы, закрывающиеся в светлое время суток, — даже в слабом лунном сиянии они выглядели радужно-яркими. Под ногами, там, где пепел смыло дождем, шебуршали какие-то мелкие существа. Айзек нагнулся и потрогал ладонью почву. В ней ощущался накопленный задень жар.

Звезды над головой светились, как хрусталь. Айзек дол го смотрел на них. Это были символы, реющие за предела ми человеческого понимания, буквы, из которых слагались слова, из которых слагались предложения. И он уже почти понимал этот язык.

Айзек ощутил вибрацию, когда трогал землю сада. Снова взглянув под ноги, он увидел вдруг, как земля вздулась и пришла в движение. Червь? Нет, это был не червь. Это было нечто, никогда им не виданное. Оно медленно проступало из-под земли, как мясистый, поигрывающий суставами палец. Что-то вроде корня, но для настоящего корня растущее слишком быстро. Оно тянулось к руке Айзека, словно чуя ее тепло.

Он не испугался. Нет, разумеется, испугался, еще как. Человеческое его существо просто-таки замерло от ужаса. Айзеку захотелось отшатнуться и бежать — назад, в спасительный покой комнаты. Но над этим человеческим существом возвышалось теперь и обнимало его новое, бесстрашное и доверчивое ощущение себя. Нового Айзека этот бледно-зеленый палец не только не пугал — он был ему знаком. Айзек словно уже видел его когда-то, хотя и понятия не имел, что это такое.

Он позволил пальцу дотронуться до себя. Тот медленно обвился вокруг его запястья. Айзека это наполняло удивительной силой, и сам корень, казалось, тоже наполнялся силой от него. Он опять взглянул на небо, на сверкающие звезды. Каждая из них — солнце. Теперь у каждой было как бы знакомое лицо, свои цвет, вес, расстояние и идентичность. У них не было имен, но к чему имена? Он и так знал их все наперечет.

И, как принюхивающийся зверек, он снова оглянулся на запад.

* * *

Входя в столовую, Сьюлин отчетливо понимала две вещи.

Во-первых, здесь успели уже многое обсудить без нее, так что сейчас ее вызывали не для дискуссии, а для допроса.

Во-вторых, всеми владело одно чувство — даже не грусти, а скорби, словно все понимали, что прежняя жизнь подходит к концу. В этом можно было не сомневаться. Общине оставалось жить считанные дни. Она была создана с единственной целью — создать и вырастить Айзека. И эта история так или иначе должна была вот-вот закончиться…

Все или почти все эти люди, думала Сьюлин, родились до Спина. Как и большинство земных Четвертых, они были выходцами из академической среды, хотя в поселке жили также техники, помогающие обслуживать криоинкубаторы, механик, садовник. Они не походили на тех Четвертых, среди которых выросла Сьюлин… и все же это были Четвертые. От них так и несло «четвертостью». Та же преувеличенная серьезность, гипертрофированное чувство собственной значимости, неспособность взглянуть на себя со стороны.

Разумеется, собрание возглавлял Аврам Двали. Он пригласил Сьюлин сесть в кресло так, чтобы все могли ее видеть.

— Нам бы хотелось, чтобы вы дали объяснение некоторым вещам, мисс Муа, пока ситуация не стала критической.

Сьюлин сидела подчеркнуто прямо.

— Разумеется. Буду рада помочь чем смогу.

Миссис Рэбка, сидевшая за ближним столом по правую руку от доктора Двали, посмотрела на нее откровенно скептически:

— Хотелось бы верить. Как вы знаете, когда мы взяли на себя задачу воспитать Айзека тринадцать лет назад, мы столкнулись с определенным сопротивлением…

— Воспитать, миссис Рэбка? Или — *создать*?

Миссис Рэбка проигнорировала ее замечание.

— …сопротивлением со стороны других общин Четвертых. Мы действовали согласно своим убеждениям, но эти убеждения разделяют далеко не все. К сожалению, мы меньшинство. Меньшинство среди меньшинства. Мы так же знали о вашем присутствии на Земле и в Экваториии, мисс Муа, и о миссии, возложенной на вас марсианскими Четвертыми, хотя до сих пор не знаем, в чем заключается эта миссия. Мы понимали, что рано или поздно вы нас найдете, и были готовы к диалогу с вами — честному и открытому. Мы очень уважаем вашу принадлежность к общине, гораздо более древней, чем наша.

— Спасибо на добром слове, — ответила Сьюлин, так же с нескрываемым скептицизмом.

— Но мы надеемся, что вы будете с нами так же откровенны,

как и мы с вами.

— Если у вас есть вопросы, пожалуйста, задавайте. 51 слушаю.

— Правда ли, что та процедура, с помощью которой мы создали Айзека, применяется не впервые?

— Да, — подтвердила Сьюлин. — Правда.

— А правда ли, что вы были свидетелем этих событий и имеете к ним некоторую причастность?

На этот раз она ответила не так быстро.

— Это так.

Для земных Четвертых ее биография не была секретом.

— Вы не могли бы рассказать подробнее?

— Если я не хотела раньше говорить об этом, то по сугубо личным причинам. Это очень неприятные воспоминания для меня.

— И все же, — сказала миссис Рэбка.

Сьюлин прикрыла глаза. Ей не хотелось воскрешать это в памяти. Невольные воспоминания и так навещали ее слишком часто. Но, как ни тяжело ей было признавать это, миссис Рэбка была права. Время пришло.

* * *

Мальчик.

Мальчик в пустыне. В марсианской пустыне.

Он умер в сухой южной провинции Бар Ки, недалеко от станции биологических исследований, где родился и прожил всю свою жизнь.

Сьюлин было тогда столько же, сколько и ему: двенадцать. Она родилась не в Бар Ки, но никакого другого дома, кроме станции, не помнила. Ее жизнь до Бар Ки была для нее всего лишь историей, рассказанной воспитателями. О девочке Сьюлин, которая жила с родителями на берегу реки Пайа. Вся ее семья погибла во время наводнения, а девочку — ту Сьюлин, которой она не помнила, — удалось вытащить из заградительного фильтра плотины тремя милями ниже по течению. Она была настолько искалечена, что ее можно было спасти только радикальным биотехническим вмешательством.

Ткани Сьюлин пришлось восстанавливать с помощью той же самой процедуры, что продлевала марсианам жизнь — курса четвертого возраста.

Лечение оказалось достаточно успешным. Мозг и тело Сьюлин регенерировали на основе ее ДНК-профиля. По понятным

причинам, она не помнила ничего из своей жизни до катастрофы. Ее излечение было для нее словно вторым рождением. Сьюлин заново узнавала мир так, как узнают его младенцы. Ей пришлось повторно учиться говорить, и она ползала, пока у нее наконец не стали получаться первые — вернее сказать, вторые, — уверенные шаги.

Но у курса был и побочный эффект (отчего он крайне редко использовался в лечебных целях). Как и всем, он даровал ей долголетие ценой нарушения естественного развития организма. К подростковому возрасту у всех марсианских детей появлялись глубокие морщины, делавшие марсиан столь непохожими на землян. Но у Сьюлин они не появились. По марсианским представлениям, она осталась бесполой, с карикатурно гладкой кожей — смешное* дитя-переросток. Глядя на себя в зеркало, даже и сейчас, Сьюлин не могла не думать о себе как о чем-то розовом и бесформенном: куколка, поводящая уродливыми зачатка ми конечностей. Чтобы избавить ее от унижений, те же Четвертые со станции Бар Ки, что спасли ей жизнь, взяли ее на воспитание. На станции у нее была добрая сотня родителей, заботливых и терпеливых, а бесплодные холмы Бар Ки стали ее детской площадкой.

Кроме нее, на станции был еще один ребенок — Эш. У него не было фамилии, только имя.

Эш был создан для установления связи с гипотетиками. По мнению Сьюлин, удачнее медиатора было трудно придумать: ему с трудом давалось элементарное общение с окружающими. Общество Сьюлин ему нравилось, но даже с ней он редко обменивался больше чем парой слов. Содержали Эша отдельно от нее, и ей позволялось видеться с ним только в определенные часы.

И тем не менее он был ее другом. Для нее не имело значения, что его нервная система якобы способна воспринимать сигналы каких-то непонятных существ, как и для него не имело значения, что Сьюлин — розовая и гладкая, как новорожденный младенец. Их необычность делала их похожими, и им было легко друг с другом.

Взрослые поощряли их дружбу. Их совсем не радовало, что Эш все время молчит, да и в остальном производи! совсем не то впечатление, какое, по их мнению, должен был бы производить будущий медиатор, — впечатление удручающе-нормальной смышлености. Эш был прилежным, но не любопытным. Специально для него взрослые оборудовали несколько классов. На уроках он сидел, глядя в потолок, в пределах нормы воспринимал информацию, но, казалось, все это нисколько его не

трогало. Галактика состоит из звезд, а камни — из атомов, но, похоже, для него одно от другого ничем не отличалось, и он не удивился бы, если ему сказали, что все наоборот. «Общался» ли он с гипотетиками, или они с ним, — никто не мог сказать наверняка. Он упорно отказывался говорить на эти темы.

Больше всего он оживал, оставаясь наедине со Сьюлин.

Несколько раз в неделю им разрешалось уйти со станции и погулять в пустыне. За ними, разумеется, наблюдали — неподалеку всегда был кто-нибудь из взрослых, — но по сравнению с замкнутым пространством станции это казалось настоящей свободой. В Бар Ки было сухо, как в пустыне, но после скудных весенних дождей среди камней иногда образовывались лужи, и Сьюлин приводили в восторг крошечные существа, снующие в этих быстро исчезающих озерцах. Это были маленькие рыбки, которые одевались в панцирь и впадали в спячку, как только вода высыхала, возвращаясь к жизни, словно семена, только в сезон дождей. Ей нравилось набирать в ладони воду, кишащую жизнью существ, а Эш с изумлением смотрел на то, как мальки, трепыхаясь, проскальзывают между ее пальцев.

Эш никогда ни о чем не спрашивал, но она делала вид, будто он спрашивает. Для всех остальных на станции она была ученицей, все требовали от нее внимания, и только для Эша она была учительницей, а он для нее — молчаливо внимающей аудиторией. Она часто объясняла ему то, что сама узнала всего только день или час назад.

«Люди не всегда жили на Марсе, — говорила она ему, когда они бродили среди горячих и пыльных скал. — Много столетий назад их предки прибыли с Земли — планеты, которая ближе к Солнцу. Землю с Марса увидеть нельзя, потому что гипотетики окружили ее светонепроницаемой оболочкой, — но мы-то знаем, что она на месте, и у нее есть Луна — спутник, вращающийся вокруг нее».

О гипотетиках (которых марсиане называли «аб-ашкен» — словом, образованным из корней слов «могучий» и «далекий») она вначале упоминала с осторожностью, *и с*зная, как отнесется к этому Эш. Она знала, что он сам немножко гипотетик, и боялась ненароком его как-то обидеть. Но это слово не вызывало у него никакой реакции, кроме привычного безразличия. Так что Сьюлин могла без опаски читать ему лекции, фантазировать и мечтать. Ничто не захватывало ее так, как существование гипотетиков, уже в те годы.

«Они живут в межзвездном пространстве, так далеко от нас, что невозможно и представить, — рассказывала она. Эш, естественно, в ответ молчал. — Это не столько организмы,

сколько сложные механизмы, но они способны расти и размножаться. Мы не можем найти никакого разумного объяснения их действиям. Миллионы лет назад, они заключили Землю в пузырь, внутри которого время течет несравненно медленнее, но никто не знает зачем. Никто и никогда не вступал с ними в контакт, разве что, может быть, ты. Никто никогда их не видел. Но иногда с неба падают их останки, и из-за этого случаются всякие странные вещи…»

* * *

«Иногда»?.. На общину доктора Двали эта новость про извела ошеломляющее впечатление.

Двали откашлялся и сказал:

— В Марсианских Архивах нет ни слова о подобных событиях.

— Нет, — согласилась Сьюлин. — И во время экспедиции на Землю мы тоже об этом не упоминали. Даже для Марса это событие нечастое, оно случается раз в двести-триста лет.

— Случается — что? — спросила миссис Рэбка. — Простите, я что-то не пойму.

— Гипотетики, миссис Рэбка, это подобие экосистемы. Они созревают, цветут и умирают. Без всякой цели, просто чтобы этот цикл повторялся снова и снова.

— Вы хотите сказать, — переспросил доктор Двали, — *машины*гипотетиков цветут и умирают?

— Не вижу тут особенной разницы. У нас нет никаких доказательств, что эти самовоспроизводящиеся машины управляются чем-то помимо сетевых алгоритмов и случайностей эволюции. Их останки блуждают по Солнечной системе, и время от времени весь этот мусор притягивается гравитационным полем одной из планет.

— Почему они никогда не падали на Землю?

До Спина Земля существовала в системе куда более молодой, чем теперь. Пять биллионов лет назад гипотетики только-только обосновались в пределах пояса Койпера [18]. Если их машины иногда и залетали на Землю, то только в исключительных случаях. В истории Земли достаточно упоминаний о блуждающих огнях, НЛО и тому подобном, чтобы предположить, что такие случаи *были*, хотя никому не приходило в голову рассматривать это гак. Потом появилась Спин-оболочка, сама по себе исключающая попадание на Землю любых космических тел. И теперь у Земли остается некая защитная мембрана, без которой

она бы давно сгорела от избыточной радиации. У Марса — к счастью или несчастью — нет такой защиты. Марсиане — не туристы, не дикари, попавшие в будущее из каменного века. На Марсе все, начиная с самых первых поселенцев, тысячелетиями знали о существовании гипотетиков и о том, что Солнечная система, в сущности, их собственность.

— Вы думаете, что пепел, который падал на нас, хриплым и недружелюбным голосом спросила миссис Рэбка, — того же происхождения?

— Думаю, да. Как и растения в пустыне. Логично пред положить, что и данная солнечная система уже очень дан но обжита гипотетиками. Метеоритные дожди тоже, **по**всей вероятности, состоят из их останков, а не из межпланетной трухи. Пепел — всего лишь крайний, экстраординарный случай, возможно, следствие какой-то эпидемии Как если бы Экватория прошла сквозь облако из…

— Отшелушившихся клеток, — докончил доктор Двали.

— Нуда, что-то вроде того. Может быть, клеток, может, погибших, но не обязательно омертвелых *целиком*В них может сохраняться какой-то остаточный метаболизм. — «Отсюда роза с глазом и прочие нежизнеспособные „цветы“».

— На Марсе, конечно же, изучали эти останки.

— Разумеется, — сказала Сьюлин. — Не просто изучали, а выращивали. Многое в нашей биоинженерии создано в результате этих исследований. Даже то активное вещество, которое лежит в основе курса Четвертого возраста, восходит к прототипу, полученному из культур гипотетиков. Большая часть наших препаратов так или иначе создана с применением этих технологий. Потому матери ал и выращивается в условиях сверхнизких температур, на поминающих условия дальнего космоса.

— А тот мальчик с Марса — и Айзек, как я понимаю, тоже…

— Тот препарат, который вводился *им*, гораздо ближе по составу к исходной материи, из которой состоят устройства гипотетиков. А вы думали, это чисто человеческое изобретение? Очередной образчик с выставки достижений передовой марсианской биоинженерии? Отчасти да, конечно. Но в основе своей это нечто гораздо большее Нечто нечеловеческое и, по существу, неподконтрольное.

— И тем не менее Ван Нго Вен привез коллекцию этих культур на Землю.

— Если бы Ван обнаружил на Земле ту древнейшую и мудрую цивилизацию, которую мы все ожидали там найти, — я уверена, он бы не стал скрывать происхождения препаратов. Но, к

несчастью, он увидел там нечто совсем другое. Он поделился многими нашими секретами с Джейсоном Лоутоном, который опрометчиво поставил эксперимент на себе и распространил эти секреты среди тех, кому *он*доверял, а те, в свою очередь, оказались еще менее благоразумными.

Сьюлин понимала, в какой шок ее слова повергают слушателей. Ван Нго Вен, Джейсон Лоутон — для земных Четвертых эти имена звучали как имена святых. А они являлись простыми смертными. Как все — боялись, сомневались, хитрили, ошибались и раскаивались.

— И все же, — сказал наконец доктор Двали, — почему вы с нами не поделились всей этой информацией?

— Потому что это касалось только Четвертых!.. — Сьюлин сама удивилась, откуда у нее взялся такой пыл. — Вы не понимаете. Это — не *цуре*… — Она затруднялась подобрать точный аналог этому марсианскому слову. — Это неправильно. Не *должно*— делиться этим с неизмененными людьми. Есть вещи, которые обычным людям знать не надо. Они имеют смысл только для тех, кто жил и будет жить еще очень долго. Долголетие — это бремя. Принимая его, вместе с ним принимаешь и другое бремя — знания. И я бы поделилась этим с *вами*, доктор Двали, если б вы тогда, до начала вашего проекта, так далеко не спрятались от всех.

Но люди, к которым она сейчас обращалась, — рожденные в джунглях Земли дикари — вряд ли способны были се понять. Даже сама их «четвертость» была другой. Последнее достояние жизни, дарованные десятилетия, для них означали только желанную прибавку к жизненному сроку. На Марсе Четвертые ритуально отделялись от остальною населения. Вступая в Четвертый возраст — если только это не происходило в силу каких-то чрезвычайных обстоятельств, как со Сьюлин, — человек принимал его ограничения и соглашался жить в соответствии с его аскетическими традициями. Земные Четвертые пытались освоить некоторые из этих традиций, а Двали так и вовсе основам самую настоящую общину пустынников. Но все это было не то… они не понимали всей тяжести посвящения. Не понимали, что значит *знать*.

Чего им не хватало, это как раз того ужасающе нейтрального монашества марсианских Четвертых, которое Сьюлин так ненавидела в своих воспитателях. На Марсе Четвертые словно ходили по незримым коридорам какого-то древ него лабиринта. Они утратили всю радость жизни, променян ее на замшелый авторитет. И все же это было лучше здешней анархии и вседозволенности. Долголетие землян всего лишь бессмысленно

продлевало все земные пороки.

— Ну а что было дальше с мальчиком? — спросил док тор Двали, впечатленный ее горячностью. — Расскажите нам, пожалуйста, мисс Муа.

* * *

То, что случилось с Эшем, было одновременно простым и страшным.

Все тоже началось с того, что на Марс стал осыпаться пепел гипотетиков, пришедший из дальних областей Солнечной системы.

Это не было такой уж неожиданностью. Марсианские астрономы определили траекторию движения пылевого облака за несколько дней до того, как оно должно было показаться. Все с волнением ожидали предстоящего события. Сьюлин удостоилась разрешения подняться по крутым ступенькам на стену станции Бар Ки (во время послед ней войны, пятьсот лет назад, Бар Ки была крепостью), чтобы посмотреть на огненный дождь.

В жизни того поколения, к которому принадлежали ее воспитатели, как и в жизни их отцов и дедов, пепел не падал ни разу, так что Сьюлин была далеко не единственной, кто взобрался на крепостную стену ради этого зрелища. Станция была обращена тылом к хребтам гор Омод, а спереди расстилалась безлюдная, таинственно чернеющая равнина, на которой не было ни дорог, ни поселений. На эту пустыню и должна была выпасть большая часть пыли. Небо прошили огненные траектории падающих звезд, и Сьюлин зачарованно смотрела на них до тех пор, пока ее не стало клонить ко сну. Кто-то из взрослых положил ей руку на плечо и отвел в спальню.

Эш тоже стоял на стене, глядя на зеленые и золотые сполохи падающих обломков, но никак на это не реагировал.

Когда Сьюлин легла в кровать, ей расхотелось спать. Она лежала с открытыми глазами и размышляла об увиденном. О прахе машин аб-ашкен, питающихся льдом и камнем, живущих и умирающих долгими тысячелетиями в пустых холодных пространствах вдали от солнца. Прахе, который превращается в звездопад. Иногда, как она знала, им удавалось сохранить в себе достаточно жизненной силы, чтобы породить здесь другую, скоротечную жизнь. В учебнике по марсоведению рассказывалось о странных растениях полумеханической природы, быстро гибнущих от жары и едкого для них марсианского воздуха. Вырастут ли они теперь? Удастся ли ей на них посмотреть?..

Астрономы говорили, что предполагаемый эпицентр выпадения пепла находится южнее, не так уж далеко от станции Бар Ки. Сьюлин, с ее страстью к гипотетикам, не терпелось это увидеть.

Ровно того же, видимо, хотел и Эш.

На следующее утро на станции поднялся нешуточный переполох. Эш был возбужден, впервые с младенческих лет плакал, и одна из воспитательниц видела даже, как он бьется головой о стену спальни, причем о стену, обращенную на юг. Какая-то невидимая сила взорвала его обычное сонное безразличие.

Сьюлин хотела увидеть Эша — *настаивала*, чтобы ей дали с ним увидеться, как только узнала об этом, — но ее долгое время не пускали к нему. К мальчику позвали врачей. Эша лихорадило, то он проваливался надолго в беспробудный сон, а когда просыпался, тотчас требовал, чтобы ему разрешили уйти в пустыню.

Он перестал есть, и когда Сьюлин наконец позволили войти к нему в комнату, она с трудом узнала его. Эш всегда был круглолицым, щекастым и казался маленьким для своего возраста. Теперь он выглядел костлявым, а из глубоко ввалившихся глазниц взирали глаза со странными золотыми блестками.

Она спросила «что с тобой?», не ожидая ответа, но ее поразил его ответ:

— Я хочу пойти и увидеть их.

— Что? *Кого*? Кого ты хочешь увидеть

— ?Аб-ашкен.

Это и так звучало странно, а из-за робкого голоса мальчика прозвучало еще странней. Сьюлин почувствовала, как у нее пробежал холодок по коже, от поясницы до макушки.

— Каким образом ты хочешь их увидеть?

— Там, в пустыне, — сказал Эш.

— Там ничего нет!

— Есть. Аб-ашкен.

Потом он опять расплакался, и Сьюлин пришлось уйти. Сиделка, постоянно находившаяся при нем, вышла за ней в коридор и сказала:

— Он каждый день теперь просится в пустыню. Но я впервые от него слышу про аб-ашкен.

Правда ли они там — эти гипотетики, аб-ашкен? Или хотя бы какие-то их следы или останки?

Сьюлин спросила об этом одного из воспитателей — сухонького старичка, который, до того как стать Четвертым, преподавал астрономию.

— Да, на юге что-то происходит, — ответил он и показал ей серию аэрофотоснимков, сделанных в течение последних дней.

На снимках пустыня не слишком отличалась от ландшафта за воротами станции Бар Ки: те же песок, пыль, скалы. Но на широком косогоре вырос целый лес предметов настолько неестественных, что их трудно было описать, — полуоформленных или абсурдно недоразвитых, как показалось Сьюлин. Трубки, окрашенные в яркие цвета, серебристые шестиугольные зеркала, пустотелые шары — многие из этих предметов срастались друг с другом, образуя что-то вроде огромного членистоногого насекомого.

— Наверное, туда он и хочет, — предположила Сьюлин.

— Может быть. Но мы не можем ему этого позволить. Сама понимаешь, насколько это опасно.

— Ему опасно оставаться *здесь*! Он выглядит так, словно он при смерти!

Воспитатель пожал плечами:

— Это решать не нам с тобой.

Может, он был и прав. Но Сьюлин не на шутку испугалась за Эша. Друг он был или нет, но других друзей у нее не было. Нельзя, чтобы его держали взаперти, как пленника. Сьюлин жаждала освободить его. Она всерьез обдумывала план, как проникнуть к нему в комнату и вывести его наружу. Но коридоры станции никогда не пустовали, а при Эше постоянно кто-то дежурил.

Теперь ей редко позволяли навещать его. Ее жизнь опустела без его молчаливого присутствия. Иногда, проходя мимо его двери, она вздрагивала, слыша его плач или крик.

Бесконечные жаркие дни текли друг за другом. Все оставалось по-прежнему. Ее учитель говорил, что там, в пустыне, растения аб-ашкен уже отцвели и начали вянуть из-за своей неприспособленности к здешним природным условиям. Но тревога Эша становилась все сильней и сильней.

* * *

— Эти растения действительно представляли какую-то опасность для людей? — спросил Двали.

— Для людей — нет, никакой. Это вообще не живые организмы, а некое подобие жизни, не более того.

«Все равно что оранжерейные цветы посадить в пустыне», — подумала Сьюлин.

* * *

Последний раз она видела Эша в живых день спустя.

С утра Сьюлин отправилась прогуляться по тем местам, где они обычно ходили вместе. Воспитатель, присматривавший за ней, тактично держался поодаль, понимая, что Сьюлин переживает, и ей лучше сейчас побыть одной.

Как и все эти дни, было очень жарко. Скалы отбрасывали на песок длинные тени. Сьюлин бесцельно бродила неподалеку от ворот, ни о чем толком не думая — вернее, стараясь изо всех сил не думать об Эше, — и тут она увидела его. Это было словно пугающий мираж. Эш сидел на корточках за большим валуном и смотрел на юг.

Как он здесь очутился?.. Сьюлин оглянулась на своего сопровождающего. Пожилой Четвертый присел передохнуть в тени южной стены станции. Старик не заметил Эша, а Сьюлин, разумеется, не сделала ничего такого, чтобы ом заподозрил неладное.

Она медленно подошла поближе к камню, стараясь не ускорять шаг и не привлекать к себе внимания. Эш жалобно посмотрел на нее из своего укрытия.

Она нагнулась, словно разглядывая кусок сланца или какое-то насекомое, и прошептала:

— Как ты оттуда выбрался?

— Не говори им, — попросил Эш.

— Разумеется, не скажу! Ни за что! Но как…

— Все ушли. Я украл плащ, — добавил он, приподымая руки. На нем было внушительных размеров белое одеяние, принадлежавшее кому-то из взрослых. — Перелез через северную стену, где она соединяется со скалой, и спустился вниз.

— Но что ты здесь делаешь? Через пару часов стемнеет.

— Я делаю то, что должен.

— А что ты будешь есть и пить?

— Я могу не есть и не пить.

— Нет, не можешь. — Она настояла, чтобы он взял ее бутылку с водой, которую она всегда брала с собой, выходя в пустыню, и плитку прессованной муки, прибереженную ею для себя.

— Они хватятся меня, — сказал Эш. — Ты не скажешь им, что меня видела?

Такого долгого разговора у них с Эшем не было еще никогда. В сравнении с тем, что раньше, настоящий словесный потоп.

— Да, в смысле, нет, — ответила она. — Конечно, не скажу.

— Спасибо, Сьюлин.

Еще одна сногсшибательная новость: впервые за все годы он назвал ее по имени, может быть, вообще впервые назвал кого-то по имени. Перед ней на песке сидел, пригнувшись, не просто Эш. А Эш плюс еще кто-то.

Аб-ашкен, подумала она. Это гипотетики сейчас смотрят на нее его странными глазами.

На станции зазвонил колокол, задремавший проводник Сьюлин встревожился и позвал ее.

— Беги, — прошептала она.

Сьюлин не стала дожидаться, чтобы убедиться, последовал ли Эш ее совету. Она вернулась к станции, сделав вид, что ничего не произошло, и подошла к проводнику. Она словно онемела — словно безмолвие, в которое столько лет был погружен Эш, вошло в ее уста и лишило ее голоса.

* * *

— Чего он, собственно хотел? — спросил Двали. — Найти эти артефакты — а дальше?

— Не знаю. Наверно, для него это было чем-то вроде услышанной команды, решающего звонка. Тот же инстинкт или алгоритм, который заставляет гипотетиков соединяться в сети, обмениваться информацией, воспроизводить себе подобных. Таким же образом он мог воздействовать на Эша из-за того, что он оказался слишком близко от их устройств.

— Как и наш Айзек? — спросила миссис Рэбка.

— Может быть.

— В вашей общине тоже наверняка задавались похожими вопросами…

— Но не нашли ответа.

— Вы говорили, что мальчик умер, — сказал Двали.

— Да.

— Расскажите, пожалуйста, как.

«Стоит ли, — подумала Сьюлин, — их в это посвящать? И должна ли я снова и снова переживать это?..

Да, должна. И сегодня, и завтра, и всегда».

* * *

Сьюлин твердо решила молчать, но прошло несколько часов, уже стемнело, и Сьюлин заколебалась. Ей стало страшно за Эша: как ему там одному в ночной пустыне? Когда же на станции

обнаружили его исчезновение и всех охватил ужас, она бросилась искать наставника, который казался ей добрее всех остальных. Она не знала его фамилии — все звали его просто Лохис. Он преподавал ей астрономию. Мучимая виной, рыдая, она сообщила ему, что видела Эша днем. Когда Лохис наконец понял, в чем дело, он велел ей оставаться на месте, а сам отправился собирать поисковую партию.

На рассвете со станции отправилась группа из пяти мужчин и трех женщин — хорошо знакомых с топографией пустыни и с ее превратностями. Они ехали в прицепе одного из тягачей, что были на станции. (Для Марса, бедного полезными ископаемыми, тягачи вообще-то были роскошью.) Сьюлин позволили поехать с ними — чтобы она указала место, где в последний раз видела Эша, и помогла уговорить его вернуться, если удастся все-таки его найти.

Из ближайшего города на поиски Эша выслали куда более серьезную технику — в том числе дирижабли-разведчики, способные вести съемку с большого расстояния. Но их прибытие ожидалось только на следующий день. До тех пор, сказал Лохис, придется полагаться только на собственные силы. К счастью, Эш не мог скрыть следов, и они вели на юг — к месту наибольшего скопления останков аб-ашкен.

Как только экспедиция миновала череду невысоких холмов, отделявших станцию от чашеобразной южной пустыни, Сьюлин своими глазами увидела эти умиравшие на глазах растения, состоящие из пыли. Высохшие и увядающие… *вещи*, другого слова Сьюлин не могла для них подобрать. Желтовато-белые раструбы высотой в два человеческих роста, нависающие над скоплением шаров, пирамид, серебристых зеркал. Все это произросло там, где нет ни земли, ни воды, и теперь умирало. Несколько распушенных завитков вроде перьев какой-то громадной птицы чуть заметно шевелились посреди этого сюрреалистического пейзажа — но может, их просто раскачивало дуновение ветерка.

Впервые Сьюлин повстречалась лицом к лицу с гипотетиками, заглянув в изменившиеся глаза Эша. И вот они снова перед ней. Ее пробил озноб, несмотря на жару. Она съежилась и прильнула к Лохису.

— Не бойся, детка, — сказал он. — Для людей это не опасно.

Она и не боялась, в общем-то. Это было какое-то другое чувство. Головокружительная смесь восхищения и ужаса. Вот они, кусочки аб-ашкен. Частицы того, что старше самих звезд. Кости и сухожилия тела бога.

— Это так, словно я сама их чувствую, — прошептала она.

А может, это было предчувствие собственного будущего,

которое через много-много лет обрушится на нее, как вышедшая из берегов река.

* * *

— И все-таки, мисс Муа, — спросил Двали все тем же строгим голосом, — как именно умер мальчик?

В столовой повисла тишина. Сьюлин позволила себе некоторое время помедлить. Было уже поздно. Снаружи не доносилось ни звука. Ей чудилось, что в ушах у нее бьется ветер марсианской пустыни.

— Скорее всего у него уже не было сил идти дальше. Мы нашли его в небольшой лощине, которую было даже не разглядеть издали, пока мы не подошли вплотную. Эш уже почти не дышал. А рядом…

Она ненавидела этот образ. Он преследовал ее всю се долгую жизнь.

— Продолжайте, — сказал Двали.

— А рядом с ним росло… все это. Целая роща этой гадости, которая оплела его с ног до головы. Какие-то страшные вещи, с шипами, вроде копий… зеленые… У меня было такое ощущение, что это какие-то изувеченные тупиковые формы жизни, если здесь уместно такое слово. Они все еще шевелились.

— То есть они окружили и схватили его? — спросила миссис Рэбка уже не так резко.

— Может, просто выросли, пока он спал, а может, он сам нарочно пришел в такое место. Некоторые из них… его проткнули. — Она потрогала свои ребра и живот, словно чтобы убедиться, что они целы.

— Из-за этого он и погиб?

— Когда мы нашли его, он был еще в сознании.

* * *

Сьюлин вырвалась из рук Лохиса и не раздумывая побежала к Эшу, пронзенному частоколом этих омерзительных растений, не обращая внимания на испуганные крики: «Вернись!»

Это была ее вина. Она не должна была ни в коем случае позволить Эшу уйти в пустыню. На станции он, как бы ему ни было плохо, все-таки находился в безопасности. А здесь его настигло и расправилось с ним нечто ужасное.

Самих растений аб-ашкен она не очень боялась, несмотря на

их кошмарный вид. Они окружили тело мальчика остроконечной оградой, и Сьюлин чувствовала их замах, хотя в тот момент не отдавала себе в этом отчета. Резкий, отталкивающий, сернистый запах. Растения казались нездоровыми, они были сплошь покрыты трещинами, нарывами, кое-где на них виднелись черные некротические пятна. Когда она шла сквозь них, их черенки слегка приподнимались, словно они догадывались об ее присутствии. А может, и догадывались.

Но о присутствии Эша они знали точно. Несколько самых высоких стеблей изогнулись дугой и пронзили его своими острыми концами. Грудь и живот мальчика были проткнуты в трех местах, на одежде вокруг стеблей виднелись пятнышки засохшей крови. В первую минуту Сьюлин не могла понять, мертв он или все-таки еще жив.

И тут он открыл глаза, посмотрел на нее и *улыбнулся*.

Она не верила своим глазам. Он и в жизни-то никогда не улыбался.

— Сьюлин, — сказал он. — Я нашел то, что искал.

После чего его глаза закрылись навсегда.

* * *

Тишину столовой нарушил тихий стук.

Во всей общине только один человек не присутствовал на собрании. (Даже охранник давно покинул свой пост у ворот.) Миссис Рэбка бросилась к двери.

За дверью стоял Айзек в одной пижаме. Его ладони и коленки были перепачканы землей.

— К нам кто-то идет, — сказал он мрачно.

ГЛАВА 16

Дверь офиса Брайана Гэйтли открылась почти сразу после того, как на его стол легла сводка новостей.

Посетителем был не кто иной, как круглощекий оперативник Вейль, а пресс-релиз касался недавнего выпадения пепла.

На сей раз Вейль где-то потерял своего угрюмого друг Зигмунда. Он, как всегда, ухмылялся, но в данных обстоятельствах Брайан воспринял эту ухмылку как какой-то похабный намек.

— Это вы прислали? — спросил Брайан.

— Почитайте. *Я*подожду.

Брайан пытался сосредоточиться на сводке, но перед его мысленным взором стояло другое — фотография, присланная Кирхбергом. Тело Томаса Джинна на скалистом берегу. Этот образ преследовал его неотступно. Видел ли тот снимок Вейль? Или он сам и приказал убить Томаса? Брайану очень хотелось спросить об этом прямо, но он ж решался, Поморгав, он принялся читать.

«ПОРТ-МАГЕЛЛАН / РЕЙТЕР-НС. Ученые из обсерватории Мади сделали сегодня сенсационное заявление о том, что так называемый пепел, выпавший недавно и Экватории, воздействию которого подверглись восточное побережье и пустынная внутренняя часть материка, „не является вполне инертным“.

В содержащихся в нем микроструктурах, которые, по мнению ученых, являются останками разрушенных машин гипотетиков из дальних областей вселенной, обнаружены несомненные признаки жизни.

На совместной пресс-конференции, состоявшейся сегодня в обсерватории Мади, где присутствовали представители Американского университета, Геофизического Надзора и Временного Правительства ООН, были продемонстрированы снимки и образцы „фрагментов самовоспроизводящихся и самоорганизующихся псевдоорганических объектов“, обнаруженных на западной оконечности материка, в районах между прибрежными горами и Западным морем.

Эти объекты — от пустотелого шарика величиной с горошину до образования размером с человеческую голову, состоящего из элементов, напоминающих трубки и провода, — как утверждают ученые, нестабильны в условиях местной окружающей среды и поэтому не представляют опасности для человека.

„Сценарий занесенной из космоса чумы неправдоподобен, —

заявил руководитель группы астрономов Скотт Клеланд. — Выпадавшая субстанция имеет очень древнее происхождение и, по-видимому, подверглась разрушению задолго до того, как попасть в атмосферу. Подавляющая часть ее, пройдя через плотные слои атмосферы, стала биологически стерильной. В ней осталось крайне незначительное количество наноструктур, способных инициировать процессы повторного роста. Но все они созданы и предназначены для развития в экстремально холодных и безвоздушных условиях дальнего космоса. В жаркой и насыщенной кислородом атмосфере пустыни они попросту не смогут долго просуществовать“

На вопрос о том, в какой мере эти образования проявляют активность на данный момент, доктор Клеланд ответил: „Из тех, что были собраны нами в качестве образцов, ни одно. Наибольшее количество сохраняющих некое подобие активности останков сосредоточено в удаленных районах Руб-эль-Хали“. Напомним, что это богатая нефтяными ресурсами пустыня на Дальнем Западе. „Жителям прибрежных городов не стоит опасаться обнаружить чужеродные цветы в собственном саду“.

Однако, поскольку нежелательные последствия выпадений не могут быть полностью исключены, нефтедобывающими компаниями и администрацией западного берега Экватории установлен режим бессрочного карантина. В этом суровом краю отсутствуют сколь-нибудь значительные поселения, хотя туристы периодически посещают каньоны, а нефтяные компании поддерживают свое постоянное присутствие в данной местности. „Мы отслеживаем транспортные потоки, и уже получили некоторые тревожные сигналы, — заявил представитель территориального управления Временного Правительства Пол Ниссом. — Крайне нежелательно, чтобы в эти районы приезжали из праздного любопытства. Это затрудняет работу исследователей, пытающихся изучить и понять природу необычного космического явления“».

Дальше следовала еще пара абзацев с несущественными подробностями и контактными телефонами, но Брайан и так понял суть. Он посмотрел на Вейля с видом: «Ну и что все это значит?..»

— Это очень даже кстати для нас, — сказал Вейль.

— В каком смысле?

— Обычно Временное Правительство все делает через одно место, за редким исключением. Но после выпадения пепла и всей этой хрени на западе они стали наконец обращать внимание на тех, кто туда ездит. В частности мониторить воздушный трафик.

В Экватории на душу населения приходилось больше частных самолетов, чем где-либо на Земле. В основном это были местные суда, способные взлететь с наспех сооруженных взлетно-посадочных полос. Многие годы воздушное сообщение никак не регулировалось, так что нефтяники и геологи могли без труда добраться к местам работы, а туристы — из одного стихийного поселения в другое.

— А плохая новость, — продолжил Вейль, — в том, что Турк Файндли выкрал свой самолет. Вместе с Лизой Адамс и неустановленным третьим лицом они вылетели из Эранджи вчера ночью.

Брайан ощутил какую-то пустоту в груди. Отчасти это была ревность. Отчасти — страх за Лизу, которая час от часу оказывалась во все более затруднительном положении.

— Но есть и хорошая новость, — сказал Вейль, ухмыльнувшись еще шире. — Нам известно, куда они полетели. Мы собираемся лететь за ними и хотим, чтобы и вы к нам присоединились.

ГЛАВА 17

Турк собирался посадить самолет на знакомой полосе к западу от гор — у шоссе, ведущего к нефтепромыслам, всего в паре миль от Могилы Кубелика. Правда, самолет там могли конфисковать, если Майк Эранджи уже позвонил куда следует с требованием возместить убытки. Но этого, похоже, было не избежать в любом случае.

Они летели уже над западными склонами, впереди виднелась пустыня. И тут, к удивлению Турка, Диана предложила изменить место посадки.

— Вы помните, где вы высадили Сьюлин Муа?

— Более или менее да.

— Пожалуйста, приземлитесь там.

Лиза обернулась к Диане:

— Вы знали, где живет Двали?

— Все эти годы я почти не слыхала о нем. Здесь, на за паде, полным-полно всяких сектантских и утопических общин самого разного толка. Двали замаскировал свой поселок под одну из таких общин.

— Но если вы знали, где он…

— Нет, не знали. До недавнего времени не знали. Но даже такая организация как эта не может полностью обособиться от мира. Кто-то приходит, кто-то уходит. Мы не знали, где он, в тот критический момент, когда ему понадобилось от всех скрыться. Перед рождением ребенка.

* * *

Это означало еще лишних полчаса в воздухе. Чтобы прекратить все более тягостное молчание, Турк сказал Лизе:

— Прости меня за все, что было в городе. За эту дурацкую историю с телефоном. Что ты собиралась сделать? Послать сообщение матери в Штаты или что-нибудь еще в этом роде?

— В этом роде. — Лиза была рада, что Турк извинился перед ней, и ей не хотелось теперь осложнять обстановку признанием, что она звонила Брайану, пусть даже и в надежде вызволить Томаса Джинна. — Можно, я тебя спрошу об одной вещи?

— Разумеется.

— Как получилось, что тебе пришлось угонять свой собственный самолет?

— Я кое-что должен этому типу, владельцу аэродрома.

Последнее время дела у меня шли не очень хорошо.

— А почему ты мне ничего об этом не сказал?

— Мне казалось, что это не лучший путь к сердцу богатой разведенной американки.

— Это я-то богатая?

— По сравнению со мной — да.

— И как ты собирался выпутываться из долгов?

— Как-нибудь. В худшем случае — продать самолет, положить в банк все, что останется после выплаты долгов, и подыскать себе местечко на каком-нибудь исследовательском судне из тех, что ходят за Вторую Арку.

— За ней нет ничего, кроме скал и отвратительной атмосферы.

— Все равно мне бы хотелось увидеть это своими главами. Или…

— Или что?

— Или же, я думал, если у нас с тобой что-то склеится, остаться в Порту и найти там работу. На трубопроводах всегда есть работа.

Лиза не ожидала услышать от него такое.

— Теперь это уже не имеет значения, — продолжал Турк. — Теперь — независимо от того, узнаешь ли ты что-то об отце или нет — тебе придется возвращаться в Штаты. Там тебе ничего не грозит. Ты из уважаемой семьи, у тебя достаточно связей, никто не станет тебя там хватать и допрашивать.

— А ты?

— Я найду, куда скрыться.

— А почему бы тебе не поехать тогда со мной?

— У меня там могут быть неприятности. Сейчас наше положение не ахти какое, но мое и раньше-то было не ахти. У меня есть веские причины, чтобы не возвращаться в Штаты.

«Расскажи, — мысленно взмолилась она. — Не заставляй меня мучиться догадками. *Он тебе не говорил, что он преступник? Из-за этого он и уехал из Штатов.* Расскажи мне. Пожалуйста».

— Проблемы с законом? — спросила Лиза.

— Ты правда хочешь это знать?

— Правда.

Они летели низко над пустыней. За правым крылом высились освещенные луной горы.

— Я поджег склад, — сказал Турк. — Отцовский.

— Ты говорил, что твой отец занимался нефтяным бит несом…

— Да, одно время. Но ему не нравилось часто уезжать из Штатов. Его брат занимался импортом, и, когда мы вернулись из

Турции, отец вошел с ним в долю. Они возили всякий ширпотреб с Ближнего Востока — ковры, сувениры и все такое.

— А почему ты поджег его склад?

— Лиза, мне было девятнадцать. Меня унизили, и хотелось отплатить родителю той же монетой.

— А что случилось?.. — спросила она так мягко и осторожно, как только могла.

Он помолчал немного, глядя на пустыню внизу, на при боры, на что угодно, только не на нее.

— Была одна девушка. У нас были очень серьезные от ношения… мы собирались пожениться. Но отец и дядя были против. Расовые предрассудки, понимаешь ли.

— Она была не белая?

— Латиноамериканка.

— А тебе что, было так важно мнение отца?

— Нет, конечно, но только не в этом случае. Я его во обще терпеть не мог. Если честно, он был маленький и злой сукин сын. Я считаю, именно он свел мать в могилу. На срать мне было на его мнение. Но он и сам это понимал Поэтому, вместо того чтоб поговорить со мной, приехал к родителям той девушки. Предложил ей оплатить год в колледже при условии, что она будет держаться от меня но дальше. В ее положении это было очень заманчивое предложение. Больше я ее никогда не видел. Но она тоже пере живала. И даже написала мне письмо, в котором все рае сказала.

— И ты решил тогда поджечь его склад?

— Ага. Взял из гаража пару банок метанола, поехал на склад и вылил их на грузовые ворота. Дело было ночью. Когда приехали пожарники, три четверти склада уже полыхало.

— Отомстил папаше, нечего сказать…

— Да, только на складе был человек. Ночной сторож. Из-за меня он провел полгода в ожоговом отделении.

Лиза промолчала.

— Самое тошное, — продолжил Турк, — что мой старик решил это дело замять. Задним числом состряпал какие-то договора со страховщиками. Он меня тут же вычислил и сам мне об этом сказал. Что он вынужден нести колоссальные убытки, лишь бы спасти меня от наказания. Я же член семьи. По тем же причинам он так поступил с моей девушкой. Семейные узы, дескать, важнее всего, даже если я сам этого пока не понимаю…

— То есть он ждал от тебя *благодарности*!..

— Да. Представь себе, он действительно искренне думал, что я должен быть ему за это благодарен.

— Благодарности он от тебя, похоже, не дождался…

— Нет, — сказал Турк. — Не дождался.

* * *

Он посадил свой «Скайрекс» там же, где сажал его несколько месяцев назад, когда летал со Сьюлин Муа, — на узкой полосе из растрескавшихся бетонных плит. Эти места казались несусветной глушью, но Диана уверяла, что отсюда меньше мили до поселка. Они двинулись в путь, освещая дорогу фонариками.

Турк почуял запах поселка еще раньше, чем увидел его. Пахло водой и цветами, а не безжизненной растрескавшейся почвой пустыни. Они поднялись на небольшой холм, и коммуна оказалась сразу же за ним. Кое-где еще горели огни. Четыре дома, внутренний дворик, терракотовые крыши — словно пересаженная из Испании гасиенда. Посреди нее разбит сад с причудливой стальной оградой. Турк разглядел за ней мальчика. Как только мальчик заметил их, он тут же побежал в дом. И к тому моменту, когда они подошли к воротам, за ними стояли уже десять — пятнадцать человек, и весь поселок был ярко освещен.

— Позвольте, я поговорю с ними, — сказала Диана. Турк был только рад такому предложению. Диана подошла к ограде, а они с Лизой остановились чуть поодаль. Турк пытался рассмотреть Четвертых, но они стояли спиной к свету, и видны были только их силуэты.

Диана прикрыла глаза от света.

— Миссис Рэбка? — отрывисто спросила она.

Из толпы выступила женщина. Турк сумел разглядеть только ее слегка полноватую фигуру и нимб пушистых волос над головой.

— Диана Дюпре?

— Боюсь, я привела незваных гостей.

— И одна из них вы сами. Что вас привело сюда, Диана?

— Вам нужны объяснения прямо сейчас?

— Нет, но…

— Тогда или впустите нас в дом, или прогоните. Я очень устала. И, боюсь, у нас не слишком много времени осталось на разговоры. Скоро сюда пожалуют другие гости.

* * *

Айзеку хотелось остаться и посмотреть на гостей. В его жизни незнакомцы были явлением столь же исключительным, как

выпадение пепла в жизни планеты. Однако у него снова начался жар, и его отвели в постель, где он пролежал без сна, обливаясь потом, еще несколько часов.

Он знал, что отросток, появившийся из-под земли в саду и коснувшийся его ладони, — не что иное как одна из машин гипотетиков. Биомашина. Ущербная, не приспособленная к росту в здешних условиях. Но, когда она обвилась вокруг его руки, Айзек испытал глубокое и пронзительное чувство правоты, словно какая-то доля живущего в нем неудовлетворенного влечения на миг нашла успокоение.

Теперь это влечение разгорелось с новой силой. Ему до смерти хотелось на Запад, в пустыню. По-человечески это не могло не страшить его самого. Бескрайняя сушь, все, что может там встретиться, сама эта непреодолимая нужда. Но теперь он знал и другое. Что у загадки есть разгадка.

Рассвет мало-помалу стирал звезды. Планета поворачивалась к солнцу, как цветок.

* * *

Двое из Четвертых отвели Турка и Лизу в спальню для гостей, где стояло несколько коек. Простыни и наволочки были чисто выстиранными, но ничем не пахли, словно давным-давно их никто не перестилал.

Четвертые держались отчужденно, но вполне доброжелательно, учитывая обстоятельства появления гостей. Та, что помоложе, сказала:

— Если вам понадобится ванная, она на первом этаже, как спуститесь в холл — сразу увидите.

— Мне необходимо поговорить с доктором Двали. Не могли бы вы передать ему, что я хочу с ним увидеться? — попросила Лиза.

Четвертые переглянулись.

— Мы передадим ему утром.

Лиза легла на первую попавшуюся койку. Турк немедленно завалился на соседнюю, и тут же его дыхание перешло в затяжной храп. Лиза постаралась сдержать чувство обиды.

В ее голове беспорядочно теснились мысли, но она не могла сосредоточиться ни на одной. Ее слегка пугало, что она зашла так далеко: во-первых, говоря языком закона, стала соучастницей кражи, во-вторых, ночует в нелегальной коммуне Четвертых. Аврам Двали находился совсем рядом, в какой-то из этих комнат, и возможно, она сейчас была ближе, чем когда-либо, к разгадке

тайны, столько лет преследовавшей ее семью.

К разгадке? Или к ловушке? А сам отец, насколько он сумел приблизиться ко всем этим опасным тайнам?

Она вылезла из кровати, прошла на цыпочках по полу и юркнула под одеяло к Турку. Обвилась вокруг него, положив одну руку ему на плечо, а другую просунув под подушку, словно надеясь, что его отвага — или бесшабашность — передастся ей, и станет не так страшно.

* * *

Жители поселка разошлись, столовая опустела, в ней остались только двое — Диана и миссис Рэбка. Немытые стаканы были сдвинуты в кучу на голой деревянной столешнице. Ночной воздух пустыни проникал в комнату и холодил Диане ноги.

Так вот она — община Двали, думала Диана. Условия хоть и суровые, но не без удобств. Здесь ощущалась монашеская атмосфера благоговейного молчания. Было в этом что-то тревожно-знакомое — Диана большую часть юности провела в обстановке строгой религиозности.

Она знала или могла представить почти все, что здесь происходит. Община, несомненно, функционировала так же, как любая подобная ей, если не считать эксперимента с ребенком. Где-то — возможно, под землей — были упрятаны биореакторы, поддерживающие сверхнизкие температуры, в которых выращивалась и хранилась марсианская фармакопея. Ей и прежде случалось видеть гончарные печи, используемые в качестве камуфляжа. Незваному гостю предъявлялась грубая глиняная посуда и утопические трактаты, после чего он отправлялся восвояси, так ни о чем и не догадавшись.

Диана лично знала — или по крайней мере встречала раньше — большинство основателей общины. Из всех, кто стоял у ее истоков, только один человек на тот момент еще не был Четвертым: миссис Рэбка. Она прошла курс позже.

— Должна сообщить вам, — сказала Диана, — что следователи Комитета уже в Порт-Магеллане. Похоже, в город стянуты крупные силы. Еще чуть-чуть, и они будут здесь. Они ищут марсианку.

— Разве они не всегда искали марсианку? — ответила с ледяным спокойствием миссис Рэбка.

— Считайте, что они ее уже почти нашли.

— Они знают, что она здесь?

— Если и нет, то скоро узнают.

— А вы не подумали, Диана, о том, что сам ваш приезд сюда может навлечь на нас неприятности?

— Они знают, кто такой Двали и чем он занимается. Знают, что Сьюлин Муа поехала в Кубелик. Исходя из этого, много ли им понадобится, чтобы вас вычислить?

— Немного, — согласилась миссис Рэбка, потупив глаза. — Мы старались не привлекать к себе внимания, но…

— Но, — сухо сказала Диана, — вы готовы к такому обороту событий?

— Разумеется. Мы можем собраться за несколько часов.

— А мальчик?

— Мы позаботимся о нем.

— Анна, а как же эксперимент? Связались ли вы с гипотетиками? Или они с вами?

— Айзек плохо себя чувствует. — Миссис Рэбка подняла брови и нахмурилась. — Ваша ирония сейчас как нельзя более уместна.

— Я думала, вы за это время уже осознали, *что* затеяли.

— Диана, при всем уважении к вам — если то, что вы говорите, правда, у нас сейчас нет времени на разговоры, — сказала миссис Рэбка и встала.

Диана спросила напоследок, уже более мягко:

— Но хотя бы все у вас шло так, как вы надеялись?

Анна Рэбка остановилась и оглянулась. Диане показалось, что она не удостоит ее ответом.

— Нет, — сказала миссис Рэбка без всякого выражения. — Не так.

* * *

Лиза проснулась от солнечного света из окна, словно кто-то коснулся ее щеки горячей рукой.

Она была одна. Турк исчез куда-то — может, вышел пописать или позаботиться о завтраке. Она надела джинсы и рубашку, что оставили для нее Четвертые.

Аврам Двали. Нужно попытаться как следует сформулировать вопросы, которые она хочет ему задать. И поговорить с ним при первой же возможности, только сначала сходить в душ и что-нибудь поесть. Но в коридоре за дверью слышались торопливые шаги, а выглянув в окно, она увидала дюжину машин, нагруженных скарбом. Вывод напрашивался очевидный: обитатели покидают поселок. Почему? На это могли быть тысячи причин. Но она вдруг испугалась, что Двали уедет, прежде чем

она успеет с ним поговорить. Она выскочила в коридор и спросила первого попавшегося Четвертого:

— Скажите, пожалуйста, где я могу найти доктора Двали?

— Скорее всего он в столовой. Это вниз по коридору и налево через двор. Но он может быть и во дворе и наблюдать за погрузкой.

В конце концов она нашла Двали у ворот сада. Он стоял и сверялся с каким-то списком.

Должно быть, она мельком видала его на университетских вечеринках в Порт-Магеллане. Но на вечеринках отца бывало столько незнакомых ей людей, что все они в ее памяти стали на одно лицо. Напоминал ли он ей кого-то? Нет. Разве что смутно, по фотографиям. Он был Четвертым — следовательно, его внешность двенадцать лет назад не могла сильно отличаться от теперешней. Бородатый, большеглазый, круглолицый. На голове у него была широкополая шляпа, защищающая от солнца. Нетрудно было представить его расхаживающим по гостиной Адамсов: еще один доктор-профессор-доцент неопределенного возраста, одной рукой держащий бокал, а другую запускающий в вазу, с крекерами.

Она собралась с духом и направилась прямиком к нему.

— Мисс Адамс? — спросил доктор Двали.

Значит, его уже предупредили.

— Меня зовут Лиза. — Ей хотелось расположить его к себе, чтобы он не питал в отношении ее лишних подозрений. И в то же время неприятно было принимать дружеский тон в разговоре с человеком, создавшим и держащим взаперти для исследовательских целей человеческое дитя.

— Диана Дюпре передала мне, что вы меня искали. К сожалению, в данный момент…

— Вы заняты, — докончила она за него. — А что происходит?

— Мы уезжаем.

— Куда?

— Кто куда. Оставаться здесь опасно. Почему — вы, наверное, и сами понимаете.

— Мне правда нужно всего несколько минут. Я хотела спросить вас…

— О вашем отце. Я с радостью расскажу вам все, что знаю, мисс Адамс… Лиза. Но вы понимаете, что тут сейчас происходит? Нам нужно не только собраться как можно скорее, но и уничтожить все, что мы успели здесь создать. Почти все. Биореакторы с их содержимым, полученные культуры, документацию — все, что не должно попасть в чужие руки.

Двое человек подвезли к грузовику тележку с картонными

коробками и перенесли их в кузов. Двали поставил в распечатке галочку.

— Давайте вы и ваш друг сядете ко мне в машину, какое-то время мы сможем проехать вместе — тогда и поговорим. Но сейчас я не могу отрываться от срочных дел. Ваш отец, мисс Адамс, — прибавил он, — был очень смелым и принципиальным человеком. Мы с ним расходились во мнениях по некоторым вопросам. Но я питал к нему глубочайшее уважение.

«Это уже что-то», — подумала Лиза.

* * *

Турк проснулся рано. Его разбудила беготня в холле, и он постарался осторожно выбраться из постели, не потревожив Лизу, которая в какой-то момент ночью перебралась к нему. Она лежала, наполовину завернувшись в оде ял о, тихо посапывая, словно нежное творение какого-то всемилостивейшего бога. Он размышлял, как она восприняла то, что он рассказал ей вчера. Ей ведь нужно было не просто знать, что он на самом деле натворил. Он хотела от него одного: взаимного доверия. Может, этого с лихвой достаточно, чтобы отправиться с ней в Калифорнию? В ее родительский дом?

Он пошел искать ибу Диану с намерением предложить свою помощь: все вокруг разбирали и таскали что-то. Было ясно, что Четвертые готовятся покинуть поселок. Когда он наконец нашел Диану в столовой, она объяснила ему, что на такой случай в любой коммуне Четвертых существуют детальные инструкции, предписывающие, кому что делать. Он собрался было приготовить завтрак, однако, вспомнив, что пора будить Лизу — если она еще сама не встала, — поспешил обратно в спальню.

Но вынужден был остановиться на пол пути, увидев мальчика, выглядывающего из-за двери в коридор. Это не мог быть никто другой, кроме того мальчика, о котором говорила Диана. Мальчик-полугипотетик. Турк мысленно представлял себе какого-то несуразного мутанта. Но перед ним находился самый обычный ребенок, на вид даже младше своих двенадцати, щекастый и большеглазый.

— Привет, — осторожно сказал Турк.

— Ты новенький, — сказал мальчик.

— Да, мы прилетели вчера ночью. Меня зовут Турк.

— Я видел вас во дворе. Тебя и еще двоих. Меня зовут Айзек.

— Рад познакомиться, Айзек. Похоже, сегодня тут все очень заняты.

— Только не я. Мне ничего не дали делать.

— Мне тоже.

— Они собираются взрывать биореакторы, — доверительно сообщил мальчик.

— Неужели? Они тебе сами так сказали?

— Нет. Просто…

Мальчик вдруг замкнулся. Его глаза странно расширились, а их радужка заискрилась золотыми блестками.

— Эй! Друг! С тобой все в порядке? — обеспокоился Турк.

— Просто… я вспомнил… — В шепоте мальчика послышался ужас. Он пошатнулся и стал падать. Турк подхватил его под руки и позвал на помощь.

— Просто я вспомнил…

— Что, Айзек? Что ты вспомнил?

— Слишком многое, — сказал мальчик и расплакался.

ГЛАВА 18

Еще затемно Брайан Гэйтли уже сидел в транспортном самолете, готовящемся взлететь, в центральном аэропорту Порт-Магеллана. Брайан был пристегнут ремнями к трехместной скамье, слева от него сидел Зигмунд, справа Вейль, сзади — вооруженные люди в форме американских ракетчиков, но без нашивок и знаков отличия. Стены салона были настолько обшарпаны, что по комфорту самолет мог сравняться разве что со складом стройматериалов. Уже светало, насколько можно было разглядеть Сквозь крохотные как амбразуры иллюминаторы.

Вейль приказал Брайану явиться в аэропорт задолго до рассвета.

— Если возникнет необходимость вести переговоры и привлечь в качестве посредника мисс Адамс, лучше, что бы с ней разговаривали вы, а не кто-то, кого она не знает. Как вы считаете?

Как он мог считать?.. «Надо же было вляпаться в такое дерьмо!» Но и отказаться он тоже не мог. Возможно, ему придется защищать Лизу. Разумеется, он сделает все, что в его силах, чтобы она не попала на допрос к этим грубым функционерам и их подопечным. Она оказалась не в том месте не в то время. Но это еще не преступление. Брайан надеялся, что ему удастся избавить ее от ареста. Не говоря уже о худшем. Как только он вспоминал о той фотографии, у него начинали пульсировать виски.

— Я постараюсь помочь чем смогу.

— Спасибо. Мы ценим вашу готовность и… понимаем, что для вас это не совсем привычная работа.

Его привычная работа! Это уже звучало смешно. Он пришел в Генетическую Безопасность потому, что почувствовал в себе талант администратора, и потому, что дядя (приходившийся отцу двоюродным братом шеф бюро УГБ в Канзас-Сити) гостеприимно распахнул перед ним двери Управления. Тогда он верил в «святое дело» УГБ. Во всяком случае, настолько, насколько это было необходимо дни исполнения служебных обязанностей. Сохранить биологическое наследие человечества от мошеннического клонирования, незаконных генно-инженерных вмешательств, марсианских препаратов а разве это действительно не святое дело? Подобные управления и комитеты существо вали почти во всех странах мира. Как и общая для всех законодательная база — свод рекомендаций, разработанных правительством США. (и в соответствии со Штутгартски ми соглашениями принятый остальными государствами) Все ясно, все прозрачно.

А если где-то, на не столь публичных этажах УГБ, и пыли

потайные кабинеты, двери без табличек, за которыми разрабатывались и претворялись в жизнь не совсем благовидные операции против врагов генетического здоровья человечества, — что в этом удивительного? Кому полагалось знать об этом по долгу службы, те знали. Брайану не полагалось. В таких вопросах — особенно если речь заходила об Исполнительном комитете — его излюбленной формой очистки совести было неведение. Разумеется, не псе можно делать легально и открыто. Это и ребенку понятно.

И все-таки что-то в этом всегда его отвращало. Он был по натуре приверженцем правил, а не хаоса. Закон — садовник, без которого люди не способны вести себя по-людски. А за оградой сада — безжалостное, клыкастое и зубастое. «За оградой» находились, в частности, Зигмунд и Вейль, с их оскаленными улыбками, их вооруженным до зубов спецназом, как символ всего этого — фотография Томаса Джинна. И еще одна фотография…

Самолет поднялся в воздух и лег на крыло, огибая прибрежные горы, отделяющие от моря пустынную часть материка. Именно они приняли на себя наибольшее количество осадков пепла. «Будем в Кубелике через час», — сказал Вейль. Брайан однажды проезжал через Могилу Кубелика — во время ознакомительной поездки по континенту, когда прибыл сюда из Штатов. В этом богом забытом городишке не было ничего, кроме глинобитных домиков и бензоколонок, обслуживающих трафик к нефтеносным пескам Руб-эль-Хали и обратно, через перевал Мади к восточному побережью. По словам Вейля, там, в пустынных предгорьях к северо-западу от Кубелика, обосновалась коммуна каких-то эксцентричных чудаков. Или же нелегалов-Четвертых — судя по тому, что на снимках с воздуха, сделанных несколько часов назад, был виден маленький самолет Турка Файндли, приземлившийся недалеко от коммуны.

Теперь предстояли захват и зачистка поселка. «Обойдется ли без насилия?» — думал Брайан. Ему хотелось верить что весь этот арсенал оружия в руках спецназовцев — всего лишь маскарад для устрашения. Как известно, Четвертые не агрессивны. Курс, продлевающий жизнь, одновременно прививает иммунитет к проявлениям жестокости. Кровопролитие ни к чему. А если оно и будет, Лизу это никак не должно затронуть, Он проследит за этим. По крайней мере мысленно он был готов к подвигам.

* * *

Все произошло очень быстро.

Длины и ширины полосы в Кубелике едва хватало для посадки самолета такого размера. Как только он затормозил в конце разбитого бетонного полотна, грузовой люк распахнулся, спецназовцы организованно выскочили и построились. В красноватых лучах утреннего солнца их дожидалось несколько небольших внедорожников. Эти машины с открытым верхом на местном жаргоне назывались «петухами» из-за того, что их передвижение по пересеченному рельефу пустыни напоминало прыжки птицы, не умеющей летать. Зигмунд, Вейль и Брайан сели в одну из них. Зигмунд крутанул руль, и они понеслись вслед за конвоем.

Это была далеко не самая приятная поездка в жизни Брайана. Даже в столь ранний час духота и зной казались нестерпимыми. В Кубелике Брайан только и успел увидеть что гараж, заправку со свалкой ржавых запчастей, остов грузовика, лежавшего на гальке, словно скелет какого-то допотопного ящера. Вскоре они свернули с основной дороги и понеслись с грохотом по скальной тропе, идущей параллельно линии гор.

Прошло уже не меньше часа. Молчание нарушали только хриплые крики Зигмунда, пытающегося с кем-то связаться по рации. Переговоры (насколько Брайан мог их разобрать) состояли из непонятных позывных и команд. Наконец конвой перевалил за холм с крошечным ручейком — и коммуна Четвертых оказалась вдруг прямо перед и ими. Машины группы захвата рванулись вниз, взметая столбы пыли, но Вейль вдруг резко дернулся и заглушил мотор. Наступила тишина, — относительная, конечно, но у Брайана от нее зазвенело в ушах.

Зигмунд снова принялся пронзительно кричать — сперва в рацию, а потом Вейлю. Что-то вроде «Отставить!» и «Обратно!».

— Они ушли отсюда, — сказал Вейль Брайану. — Видите следы? Штук двадцать машин, не меньше.

— Но вы же можете по крайней мере осмотреть местность?

— Если только сумеем обезвредить все, что они после себя оставили. В таких случаях они…

Его слова прервала яркая вспышка внизу.

Брайан смотрел на поселок Четвертых: секунду назад там стояли четыре дома с двориком посередине — теперь на этом месте было только разрастающееся облако пыли и дыма.

— Черт! — только и успел сказать Вейль. Взрывная волна настигла их секундой позже. Брайану показалось, что от грохота у него сейчас разорвутся легкие и треснут ребра. Он крепко зажмурился. Но вторая ударная волна лишь огрела его своим горячим крылом и пронеслась мимо.

Поселок исчез. Брайан твердил себе: «Лизы там не было. Там

никого не могло быть».

— …они минируют… — договорил Вейль.

— Что?!

Минируют, чтобы нам не достались их реакторы и образцы. Мы опоздали.

Лицо Вейля было бледным от пыли, поднятой взрывом. Группа захвата поспешно возвращалась назад.

— А Лиза?..

— Остается только предположить, что она ушла вместе со всеми.

— Куда?..

Они не стали бы уезжать все скопом. Посмотрите на следы. Все разъехались в разных направлениях. Часть машин мы, конечно, перехватим. Если повезет, то возьмем Лизу и прочих главных игроков. Если бы знать раньше, можно было бы послать беспилотники. Но у нас не было времени, да и все беспилотники сейчас на Дальнем Западе из-за этих чертовых поломанных нефтяных вышек.

Зигмунд все еще рычал в свою рацию. Потом он выключил ее и сказал Вейлю:

— Самолета нет.

Видимо, он имел в виду самолет Турка Файндли. Самолета нет. Они улетели. Брайан не знал, радоваться ему или огорчаться.

— По крайней мере самолет мы выследить сможем, сказал Вейль.

А с ним и Лизу.

Брайан оглянулся на руины поселка. Из недр пустыни, развороченных взрывом, валил черный дым, повсюду вспыхивали и гасли язычки огня. От кирпичных и глинобитных домиков, только что стоявших на этом месте, не осталось ничего.

* * *

Заночевали они в Кубелике, в мотеле с черепичной крышей. Зигмунд, Вейль и Брайан заняли один номер с двумя кроватями и железной койкой. Брайану, естествен но, досталась койка.

Большую часть дня он провел, слушая, как Зигмунд звонит и отвечает на звонки. В разговорах все время упоминался Исполнительный Комитет.

Ночью, не в силах заснуть на своей койке и замерзая, несмотря на древний дребезжащий обогреватель, Брайан наконец задумался: а знают ли они о последнем звонке Лизы?

Записывались ли его разговоры? Номер, с которого звонила

Лиза, был ему незнаком. Скорее всего — пользованный мобильник с небольшой суммой на анонимном счету, так что засечь ее они не могли. Да и в самом разговоре не было практически ничего, что можно вменить ему в вину. Не считая того факта, что Брайан о нем не доложил. Что бросало тень на его лояльность и дискредитировало его как сотрудника УГБ.

Ему хотелось осерчать на Лизу. За ее бессмысленное впутывание во всю эту историю, за навязчивое желание во что бы то ни стало раскопать правду об отце, словно это какая-то тема для мемуаров… Но он понимал, что сердит не на нее, а на себя. На то, что у него с ней ничего не вышло.

* * *

Сообщения о ходе облавы на беглецов стали приходить еще до рассвета. Зигмунд орал в трубку, а Брайан поспешно одевался.

Как он понимал, успех был половинчатым.

— Как минимум половина лагеря все еще на свободе, — сказал Вейль. — Наши ребятки задержали три машины, в общей сложности пятнадцать человек. Пока никого из главных фигурантов. Но есть и хорошие новости…

Брайан, собравшись с духом, слушал.

— Хорошая новость в том, что самолет, зарегистрированный на Турка Файндли, попытался заправиться на одном аэродромчике в паре сотен миль отсюда к западу. Менеджер обратил внимание, что самолет в розыске — работодатель мистера Файндли хочет его конфисковать, чтобы вернуть убытки, — и позвонил в правительство, а там один человек любезно передал эту информацию нам. Наши ребята приехали и взяли пилота и пассажиров. Один мужчина и три женщины. Все отказываются себя называть. Лиза там? — спросил Брайан.

Может, да, может, нет. Пока не знаем. А с ней могут быть и более ценные объекты.

— Лиза не объект! Пожалуйста, не называйте ее так.

— Она сама себя им сделала, когда сбежала.

Но хотя бы *не самый ценный*, подумал Брайан, уцепившись за эту мысль.

— Я смогу с ней поговорить?

— Если поторопимся, то успеем туда к полудню, — ответил Вейль.

* * *

Когда Могила Кубелика скрылась позади, Брайан задумался, кто такой этот Кубелик и почему он похоронен в та ком странном месте [19]. Ни один из его спутников не мог ответить на этот вопрос. Они миновали скопление домов, и Зигмунд повел машину в сторону от гор, на запад, навстречу ров ному как лезвие горизонту. В утреннем зное дорога вперед и колыхалась, словно неправдоподобное видение.

Рация Зигмунда молчала, и он тщетно пытался заставить ее заработать, одной рукой держась за руль, а другой колотя по ней кулаком. Даже между машинами конвоя, ехавшими на значительном расстоянии друг от друга — к группе захвата присоединились еще три тяжелых грузовика с солдатами, — связь то и дело прерывалась. Вейль не мог понять, в чем дело.

— Между этими местами и западным побережьем висит полдюжины аэростатов, и ни один из них не делает того, что должен! Хорошо хоть, с аэродромом была связь. Чтоб их всех!..

Но Брайану бросилось в глаза и кое-что похуже проблем со связью. Он видел плотный встречный поток — при чем не только транспорта нефтекомпаний, но и множества частных автомобилей. Некоторые до того были помяты и облеплены песком, что непонятно было, как они вообще способны передвигаться. Это походило на массовое бегство из Руб-эль-Хали. Скорее всего именно так дело и обстояло. Там могли произойти очередные подземные толчки… или еще что-нибудь.

Шестью милями дальше грузовики конвоя съехали на усыпанную гравием обочину и остановились. Зигмунд и Вейль вышли из машины и заговорили с командиром этой полувоенной колонны. Брайан не слышал, о чем они говорят, но их беседа больше походила на стычку. Он стоял у дороги, глядя на поток машин, движущихся с запада. Эта пустыня, думал он, зловеще напоминает Юту. То же пыльное голубое небо на горизонте, тот же оцепенелый дневной жар. Когда гипотетики конструировали планету, заботил ли их облик этой пустыни, и если да, то почему? Но Брайан сомневался, что они настолько педантичны. В его представлении, их интересовали исключительно долгосрочные результаты. Посеять семя, и пусть природа сама доделывает остальное. Пока не взрастет урожай — что бы он собой ни представлял… и чем бы потом ни обернулся.

Здесь почти ничего не росло. Только причудливые пучки прутьев, которые местные жители называли кактус-травой, — но даже они казались Брайану убитыми здешним зноем. Среди коричневых пятен кактус-травы виднелась одна прогалина с более яркими цветами. За неимением лучшего занятия, он нагнулся и стал их рассматривать. Он был не спец в ботанике, но

этот цветок выглядел явно чужеродным для этой сухой пустоши. Брайан протянул руку и потрогал его. Цветок оказался холодным, мясистым и вызывал омерзение. Стебель его загибался. Цветок — если это только можно было назвать цветком, — висел головой вниз.

Что это такое?..

Брайан ненавидел эту чертову планету с ее беспредельной чужеродностью. Ее безысходным кошмаром, маскирующемся под нормальность.

* * *

В конце концов они съехали с шоссе и оказались на летном поле. Пара цилиндрических конструкций из гофрированного железа, две бетонированные полосы под прямым углом одна к другой, несколько топливных колонок, двухэтажная башня из рыхлого кирпича с пузырем радара на крыше. Здесь приземлялись в основном самолеты нефтяных компаний, доставлявшие сотрудников в Руб-эль-Хали и обратно. Сейчас на площадке перед ангаром находился только один самолет: маленький, крепенький бело-голубой «Скайрекс» Турка Файндли, жарившийся на солнцепеке.

Колонна остановилась у ворот ближайшего павильона. Брайану было слегка не по себе выходить из машины. Его страхи снова ожили. Страх за Лизу, но — еще глубже — *перед*Лизой. Перед тем, что она скажет ему и какие выводы сделает (справедливые или нет), увидев его в компании таких людей, как Зигмунд и Вейль.

Возможно, он сумеет помочь ей. Это было единственное, чем он мог себя ободрить. Она вляпалась в историю — опасную, плохую историю. Но для нее было еще не все потеряно. Если она скажет на допросе то, что нужно, будет отрицать соучастие, назовет настоящих виновников, согласится сотрудничать со следствием, — возможно, ему и удастся спасти ее от ареста. Разумеется, ей придется отправиться домой, забыть об Экватории и своем дурацком журналистском расследовании. В свете событий последних дней она, как-никак, не должна была теперь смотреть столь свысока на перспективу возвращения в Штаты. Возможно, она даже наконец поймет цену того, что он делал для нее раньше и собирался делать впредь.

Он прибавил шагу, чтобы догнать Зигмунда с Вейлем. Они пробежали мимо горстки служащих аэродрома и вбежали в коридор, который вел к дверям крошечного помещения, где

дежурил охранник в грязно-синей форме.

— Подозреваемые там? — спросил Зигмунд.

— Там, все четверо.

— Давайте-ка на них поглядим.

Охранник открыл двери. Зигмунд вошел первым, за ним Вейль, последним — Брайан. Оба оперативника тут же остановились как вкопанные, так что Брайану пришлось вытягивать шею, чтобы заглянуть поверх их плеч.

— Суки! — сказал Зигмунд.

За ржавым столиком посреди комнаты сидели три женщины и один мужчина. Все четверо были прикованы наручниками к стульям.

Мужчине, судя по внешнему виду, было лет шестьдесят. Или того больше, учитывая «четвертость». Он был седоволосым, худым, темнолицым — то есть это был не Турк Файндли!

Три женщины были примерно того же возраста. Ни одна из них не походила на Сьюлин Муа. И уж тем более на Лизу.

— Подстава, — сказал Вейль, срывающимся от злости голосом.

— Выясните, кто такие и что им известно, — приказал Зигмунд страже, дожидающейся за дверью.

Вейль потянул Брайана за собой наружу.

— С вами все в порядке?

— Почти… — справился с собой Брайан. — То есть я хотел сказать, да.

С ним было не все в порядке. Ему представились головы четырех этих пленников, размозженные пулями. Может, их тела вынесет волна на какой-то скалистый берег, а может, закопают здесь, просто зароют в песок. Палачи заставят их заплатить за долголетие.

ГЛАВА 19

Еще до наступления сумерек машина Двали была уже далеко на севере. В те минуты, когда Лизе удавалось кое-как собраться с мыслями, она пыталась составить себе приблизительное представление о нем. Все-таки он был Айзеку кем-то вроде отчима.

Лиза с Турком втиснулись в большой внедорожник, из тех махин с такими рессорами и шинами, что способны одолеть любой рельеф. В нем легко помещались шесть человек, но сейчас в нем ехали семеро: Двали, Лиза, Турк, Диана, миссис Рэбка, Сьюлин Муа и Айзек.

Турк был за то, чтобы отправиться в путь на его «Скайрексе», но Двали и миссис Рэбка с ним не согласились: самолет куда легче выследить и труднее спрятать, чем маши ну на дороге. Самолет можно использовать в качестве прикрытия, сказал Двали. Четверо самых пожилых людей в коммуне, один из которых был квалифицированным пи лотом, вызвались отправиться на нем на Запад. «Вероятно, их схватят, мы их больше никогда не увидим, — сказал Двали — но они знают, на что идут». Лиза не переставала поражаться этой особенности марсианского курса долголетия: продлевая жизнь, он делал нестрашной смерть.

— Может, он и от страха безденежья лечит? — невесело пошутил Турк.

Когда они тронулись в путь, за ними из поселка выехало еще около дюжины машин. Все направлялись в разные стороны — одни по дорогам, другие прямиком через пустыню. Поселок был заминирован не только потому, чтобы ничего не попало в руки Генетической Безопасности, но и чтобы свести к минимуму возможность выследить и опознать беглецов. Они отъехали уже слишком далеко, чтобы видеть сам взрыв, но на каком-то из поворотов Лиза заметила облачко дыма на горизонте.

— Доктор Двали, — спросила она, — а вы уверены, что там никто не пострадал? Если они приехали туда раньше, до взрыва…

— УГБ знает, чего ожидать в таких случаях. Если они видят, что в поселке никого нет, они понимают, что он заминирован.

— Ну, а если они вдруг не перестраховались? Или таймер сработал не вовремя?

Двали пожал плечами:

— Ничего нельзя гарантировать в этой жизни.

— Я думала, что Четвертые неспособны к жестоким поступкам.

— Мы просто более чувствительны к чужому страданию, чем обычные люди. Потому и более уязвимы. Но это не делает нас глупцами. Иногда приходится рисковать, что поделаешь.

— Рисковать чужими жизнями?

Сьюлин Муа, — которая Лизе чем-то напоминала худую индейскую куклу [20], а не марсианку, — сардонически улыбнулась в ответ:

— Как вы, наверное, уже поняли, мы не святые. Мы тоже часто оказываемся перед выбором. И часто выбираем не то, что нужно.

* * *

Двали собирался ехать всю ночь, но Турк убедил его сделать привал. Они остановились на поляне посреди невысоких остроконечных сосен, покрывавших все западные склоны экваторианского горного водораздела. Поскольку здесь довольно часто случались дожди, то даже нашелся ручеек, из которого можно было набрать питьевой воды. Вода в нем оказалась холодной — видимо, ручеек брал начало гораздо выше, в ледниках. Этот холодок навеял Лизе приятные воспоминания — о той зиме, когда они с отцом ездили кататься на лыжах в Гштад [21]. Ей тогда исполнилось десять. Солнце на снегу, скрип канатной дороги, звонкий смех в морозном воздухе. Другой мир, другое время, другая жизнь.

Лиза помогла Турку разогреть на горелке мясные консервы и овощное рагу. Он хотел приготовить обед и погасить горелку до того, как стемнеет, — на случай, если в погоню за ними пошлют беспилотники с инфракрасными сканерами. Доктор Двали сомневался, что преследователи могут искать их так далеко, да и большая часть подобной техники была сейчас сосредоточена вокруг разрушенных нефтепромыслов. Турк был того же мнения, но полагал, что предосторожность им не помешает.

По дороге на север, преодолевая предгорья, они обсуждали дальнейшие планы. Вернее, обсуждал в основном Турк — Четвертые были не слишком словоохотливы. Турк с Лизой намеревались пробираться дальше на север, до Нью-Камберленда, где можно было поймать автобус, идущий через перевал Фароа на побережье. Что до Четвертых, у них, несомненно, было какое-то свое место назначения, но какое — знали только они сами.

Место, где они смогут и дальше заботиться о мальчике, как верилось Лизе. Айзек не очень-то походил на обычного ребенка. Его рыжие волосы были коротко подстрижены кем-то, кто

исполнял в коммуне обязанности парикмахера, — должно быть, самой миссис Рэбка, — при помощи кухонных ножниц. Широко посаженные глаза придавали ему сходство с птицей, а вокруг зрачков были крапинки золота. Весь день он почти не разговаривал, но чувствовалось: что-то не дает ему покоя, и Лиза не могла понять что. При каждом повороте дороги он то мрачнел, то стонал, то, наоборот, вздыхал с облегчением. А к концу дня у него резко подскочила температура — «опять», сказала миссис Рэбка.

Сейчас он спал на одном из задних сидений. Окна в машине были открыты, чтобы впустить горный воздух. День выдался жарким, но солнце уже приблизилось к горизонту, и Лизу предупредили, что ночью может стать довольно холодно. У них с собой было только шесть спальников — зато качественных, способных защитить от холода, — а кто-то мог при необходимости переночевать и в машине. Дождя вроде бы не ожидалось, но Турк натянул между деревьями кусок брезента, хоть это и было не бог весть каким укрытием.

Лиза помешивала рагу в кастрюле, Турк тем временем готовил кофе.

— Да, с самолетом получилось скверно.

— Я бы так и так его лишился.

— Что ты собираешься делать после того, как вернемся на побережье?

— Это зависит от обстоятельств, — сказал Турк.

— Каких обстоятельств?

— Многих. — Он посмотрел на нее, скосив глаза, словно издали. — Может, снова пойду в море… если ничего другого не подвернется.

— Или же мы можем вернуться в Штаты, — сказала она, не уверенная, как он воспримет это «мы». — Твои проблемы с законом, они ведь, в общем, уже закончились, да?

— Но могут начаться опять.

— Тогда нам придется придумать что-нибудь другое. — Местоимение, оброненное ею, висело в воздухе, словно не разбитая пиньята [22].

— Думаю, у нас получится.

У нас.

* * *

Солнце в красноватой дымке садилось за горизонт. Обед был готов. Турк ел торопливо, почти не разговаривая. Диана с

марсианкой сидели поодаль на поваленном дереве, о чем-то сосредоточенно и негромко беседуя. Миссис Рэбка суетилась вокруг Айзека, уговаривая его поесть.

Доктор Двали остался в одиночестве, и Лизе наконец то представился случай поговорить с ним наедине. Пока Турк мыл посуду, она подошла к Двали. Он взглянул па нее угрюмо, словно мрачный филин, но не стал возражать, когда она села радом.

— Вы хотели спросить меня о вашем отце? — сказал Двали.

Лиза кивком подтвердила.

— Мы были с ним друзьями. — Его слова звучали как отрепетированная речь. — Больше всего меня восхищала в нем любовь к своей работе. Но не в узком смысле. Он любил ее именно потому, что умел смотреть на вещи широко. Понимаете, о чем я говорю?

— Нет, не совсем. — Она-то понимала. Но хотела услышать это от него.

Двали наклонился и зачерпнул рукой горстку земли.

— Что у меня в руке?

— Перегной. Опавшие листья. Может, пара жучков.

— Перегной, минеральные компоненты, ил, биомасса, удобряющая саму себя и превращающаяся в азот, фосфор и калий. Споры грибов и, разумеется, насекомые. — Он отшвырнул землю в сторону. — Почти все, как на Земле, хотя кое-какие детали отличаются. На уровне геологического строения сходство двух планет еще более очевидно. Гранит остается гранитом, сланец сланцем, но они присутствуют здесь в других пропорциях. Тектоническая активность здесь слабее земной. Платформы материков смещаются и разрушаются с другой скоростью. Разница температур между экватором и полюсами не так велика. И всё же главная особенность этого мира — его фундаментальное сходство с Землей.

— Потому что гипотетики создали его для нас?

— Может быть, строго говоря, и не для нас — но, безусловно, — создали. Или по крайней мере модифицировали. А это переводит наши исследования в плоскость совершенно новой дисциплины: не просто геологии и биологии, а своего рода планетарной археологии. Эта планета испытала глубокое воздействие со стороны гипотетиков задолго до эволюции человека, за миллионы лет до Спина, за миллионы лет до Арки. Это кое-что говорит об их методах и невероятной способности планировать на целые эпохи вперед. Может, это даже когда-нибудь приоткроет нам их конечные цели, если уметь правильно ставить вопросы. Именно в таком духе мыслил ваш отец. Он никогда не терял из виду этого фундаментального измерения

научной истины, не переставал перед ней преклоняться.

— Планета как артефакт, — сказала Лиза. Его последняя книга, — кивнул Двали. — Вы читали ее?

— Только вступление.

Ну и кое-какие заметки, чудом спасенные от матери, когда на ту нашел очередной приступ «генеральной уборки».

— Жаль, что ничего больше не сохранилось. Это была очень важная работа.

— Вы разговаривали с ним именно на эти темы?

— Да, и довольно часто.

— Но не только об этом?

— Конечно, не только. Мы говорили также о марсианах — о том, что им может быть известно о гипотетиках. Он был в курсе, что я Четвертый.

— Вы сами ему об этом сказали?

— Да, я поделился с ним этой маленькой тайной.

— А можно спросить почему?

— Потому, что это его очень интересовало. Потому, что он был человеком, которому можно доверять. Понимающим, как устроен мир. — Двали улыбнулся. — Но, главное, потому, что он мне очень нравился. Как он относился к этому… к «четвертости»?

С любопытством.

— А он никогда не говорил о желании пройти этот курс самому?

— Не могу утверждать, что он об этом не думал. Но он никогда не обращался по этому поводу ни ко мне, ни, на сколько я знаю, к кому-то еще. Не мне вам рассказывать, мисс Адамс, как он любил свою семью. Как и все, я был потрясен, когда узнал об его исчезновении.

— А вы посвящали его в свое начинание? Насчет Айзека?

— Да, я говорил с ним об этом, когда все было еще па стадии обсуждения. — Двали отхлебнул кофе. — Он бы и категорически против.

— Но не сообщил никому о вас. Как и не сделал ничего, чтобы вам помешать.

— Нет, конечно, он никому не сообщил, но у нас были с ним на эту тему серьезные споры. Это стало началом разлада между нами.

— Но до окончательного разлада, как я понимаю, не дошло?

— Разумеется, нет. Потому что, несмотря на все наши разногласия, он понимал, что это работа необходимая, безотлагательная. — Двали наклонился ближе, и Лиза испугалась, что он сейчас возьмет ее за руки — ей казалось, она этого не вынесет. — Как и меня, его захватывала идея реального и

ощутимого контакта с гипотетиками. С координирующим разумом, который управляет машинами. Он чувствовал, насколько это важно. Не только для нас, но и для всех грядущих поколений, для всего человечества.

— Вы, наверное, были разочарованы, когда он отказался вам помогать?

— Мне не нужна была ничья помощь. Мне было важно его одобрение. То, что он так отнесся к этому, меня действительно огорчило. Какое-то время мы просто больше об этом не говорили. А когда проект приобрел реальные очертания, я уехал из Порт-Магеллана и больше никогда не видел Роберта.

— Это было за полгода до его исчезновения.

— Да.

— Вам известно что-нибудь об этом?

— О том, как он исчез? Нет, ничего не известно. Тогда в Порту появился Исполнительный Комитет. Среди прочих, они искали и меня, поскольку узнали о нашем проекте. Когда Роберт пропал без вести, я решил, что его взяли угэбэшники. Ему ведь было известно, куда мы уехали. Но я не могу утверждать ничего наверняка. Меня тогда не было там.

— Большинство из тех, кто попадает на допрос в УГБ, потом возвращаются обратно, — сказала Лиза. Хотя сама она уже знала и другое.

— Не все.

— Он не был Четвертым. Зачем им было расправляться с ним? — Она не могла заставить себя сказать прямо: «Зачем им было его убивать».

— Он был по своей природе нонконформистом. С их точки зрения, такие люди — уже враги.

— Вы достаточно хорошо знали его, чтобы так говорить?

— Мисс Адамс, вот уже двадцать лет, как я прошел курс Четвертого возраста в Бангалоре. Я не всеведущий, но умею разбираться в людях. Самому Роберту было особенно нечего скрывать. Просто он что думал, то и говорил.

*Его убили.*Это всегда казалось Лизе самым правдоподобным объяснением, хотя все могло оказаться и хуже, чем она себе представляла. Роберт Адамс убит, а те, кто его убил, никогда не понесут наказания. Но это была как бы история в истории. Снаружи одна — страшная, внутри — другая: история его жажды истины, его веры и силы его убеждений.

Должно быть, на ее лице читалось что-то из этих мыслей. Двали смотрел на нее с сочувствием и беспокойством.

— Понимаю, все это вряд ли вам поможет. Мне очень жаль.

Лиза поднялась на ноги. Сейчас она не чувствовала ничего,

кроме холода.

— Можно спросить вас еще кое о чем?

— Да, конечно.

— А как вы сами расцениваете свой проект? Оставляя в стороне судьбы человечества: что вы думаете о том, что ребенок — просто ребенок — оказался в таком положении, как Айзек?..

Двали отставил в сторону чашку, выплеснув в сердцах остаток кофе на землю.

— Айзек никогда не был «просто ребенком», как вы говорите. Он всегда был таким, какой есть. И, если б я мог, я бы с радостью поменялся с ним участью. С радостью, мисс Адамс.

* * *

Она прошла через палаточный лагерь и подошла к Турку, сидящему в круге света и вертящему в руках приемник. Вот он — пример человека пропащего и всегда возрождающегося.

— Приемник сломался?

— С аэростатов нет ничего, и порт молчит. Последнее, что я слышал, — это сообщения о новых толчках на западе.

Нефтедобыча была и будет для Порта вечной навязчивой идеей, если не символом веры.

Турк посмотрел на нее пристально:

— Что-то не так?

— Ничего, просто устала, — сказала Лиза.

* * *

Она заварила еще один кофейник и напилась кофе достаточно, чтобы не дать себе задремать, хотя остальные уже собирались спать. Наконец — как она и надеялась — все разошлись, и она осталась наедине со старой марсианкой. Сьюлин Муа.

Лиза побаивалась Сьюлин Муа, которая напоминала ей своим видом подслеповатую старушку у светофора. Ее возраст, время, проведенное в странствиях, окружали ее незримой аурой. Лизе понадобилось немало храбрости, чтобы решиться сесть рядом с ней у костра. Дрова почти прогорели, превратившись в мерцающую, выеденную изнутри огнем и раскаленную по краям труху.

— Зря вы меня боитесь, — сказала марсианка.

— Вы что, мысли читаете?.. — вырвалось у Лизы.

— У вас и так на лице все написано.

— Я вас не боюсь. — Действительно, ее страх был слегка наигранным.

Сьюлин улыбнулась, обнажив мелкие белые зубы.

— Я бы на вашем месте, наверное, тоже чувствовала себя немножко некомфортно, учитывая все, что обо мне говорят. Рассказывают, что я злобная старуха с Марса. Ходячая легенда и миф, жертва наводнения, — она постучала по черепу, — моральный авторитет с эксклюзивной историей…

— Неужели вы сами себе такой кажетесь?

— Нет, конечно, но узнаю карикатуру. Вы потратили немало времени и сил, чтобы разыскать меня, мисс Адамс…

— Зовите меня по имени.

— Хорошо, Лиза. У вас еще осталась та фотография, которую вы всем показывали?

— Нет.

По настоянию Дианы она уничтожила ее при отъезде из деревни минангкабау.

— Отлично. Ну, вот мы здесь. Нас никто не слышит, так что можем поговорить.

— Когда я стала искать вас, я и понятия не имела…

— Что это привлечет внимание УГБ и доставит мне неприятности? Не за что извиняться. Вы знали столько, сколько знали, а чего не знали, того знать не могли. Вы хотите спросить меня о Роберте, как и почему он умер.

— Вы точно знаете, что он умер?..

— Разумеется, нет. Но я разговаривала с людьми, которые видели, как его схватили, и не могу представить, что бы это могло кончиться чем-либо иным. Простите, что так резко. Если б он мог вернуться в семью — он бы вернулся.

«Резко, — подумала Лиза, — но очень похоже на правду».

— Его забрала Генетическая Безопасность?

— Одно из подразделений так называемого Исполни тельного Комитета.

— Они искали доктора Двали и его единомышленников?

— Да.

— И вы тоже…

— Да, по несколько другим причинам.

— Вы хотели помешать им создать Айзека?

— Да, я хотела не дать им поставить жестокий и скорее всего бессмысленный эксперимент на живом человеке.

— Но разве это противоречит целям Генетической Безопасности?

— Тем, которые прокламируются, конечно, нет. Но неужели

вы думаете, что организации наподобие УГБ действуют в рамках закона?.. Если б они знали, как это сделать, они бы уже понастроили бункеров, посадили туда три тысячи Айзеков, прикрутили им к головам датчики и приставили к каждому охранника с револьвером.

Лиза помотала головой, чтобы собраться с мыслями.

— Как вы познакомились с моим отцом?

— Когда я приехала в Экваторию, первым человеком, который мне помог, была Диана Дюпре. У земных Четвертых нет формальной иерархии, но в любой коммуне есть авторитетная фигура, без которой не обходится ни одно важное решение. На восточном побережье такой была Диана. Я рассказала ей, зачем ищу Двали. И она дала мне имена людей, которые могли бы мне пригодиться, — не только Четвертых. Двали дружил с вашим отцом. Я тоже с ним подружилась.

— Как сказал Двали, он располагал к доверию…

— Да. А главное, у него была какая-то непостижимая вера во врожденную доброту людей. Эта вера порой оказывала ему дурную услугу.

— Зато оказала добрую услугу Двали?

— Я думаю, ваш отец далеко не сразу разобрался, что представляет собой на самом деле Двали.

— А что он собой представляет?

— Человека с громадными амбициями, фатально неуверенного в себе, и с невообразимо гибкой совестью. И тем не менее ваш отец никому не хотел рассказывать ни о его планах, ни о том, куда он уехал. Даже мне.

— И все-таки рассказал?

— Когда мы познакомились поближе. Сперва мы долго беседовали на космологические темы. Это был его уникальный способ оценки людей. Больше я, наверное, такого человека не встречала. Он как-то сказал: о людях можно многое узнать по тому, как они смотрят на звезды.

— Но если он рассказал вам, куда уехал Двали, почему тогда вам не удалось все это предотвратить?

— Потому что Двали был достаточно хитер, чтобы изменить планы, как только покинул Порт. Вашему отцу он говорил, что собирается основать коммуну на западном побережье, где до сих пор ничего нет, кроме нескольких рыбацких деревень. Так сказал мне Роберт. Без сомнения, то же самое он повторил и на допросе в УГБ.

— Двали думает, что его убили из-за того, что он отказался давать показания…

— Что он их давать не собирался — безусловно. Но — судя по

тому, что я знаю об их методах допроса, — это не так-то легко. Понимаю, как вам больно это слышать, Лиза. Мне очень жаль, но такова правда. Роберт рассказал мне про Двали, потому что был убежден, что его надо остановить. Он поверил, что я смогу сделать это, не причинив вреда ни самому Двали, ни другим Четвертым. Если он потом и раскололся в УГБ, то только потому, что его дожали. Но, Лиза, это уже не имело серьезного значения. Двали не нашли на западном побережье. Его никогда там не было. Генетическая Безопасность потеряла его из виду, а когда я узнала, где он на самом деле прячется, было уже слишком поздно. Двенадцать лет прошло. Айзека ведь не затолкаешь обратно в чрево.

— Понимаю.

Тлеющие угли чуть слышно потрескивали в тишине.

— Лиза, — сказала Сьюлин Муа, — я потеряла родите лей, когда была совсем маленькой. Наверное, Диана вам об этом рассказывала. Я потеряла родителей, хуже того я потеряла память о них. Словно их и не было никогда.

— Сочувствую.

— Я не прошу о сочувствии и хочу вам сказать о другом. В определенном возрасте я поставила себе целью как можно больше узнать о них. Что они были за люди. Как получилось, что они поселились у реки, которая каждый год все заливает. К каким предупреждениям они прислушивались, к каким нет. Мне хотелось понять, что я должна чувствовать по отношению к ним: любить их, за то, что они пытались меня спасти, или ненавидеть, за то, что у них ничего не вышло? Я узнала многое, не имеющее существенного отношения к делу. В том числе кучу малоприятных подробностей, касающихся их личной жизни. Но единственной по-настоящему важной вещью, которую я узнала, было то, что они не виноваты. Слабое утешение — да. Но других у меня и не было. В каком-то смысле мне этого оказалось достаточно. Лиза… ваш отец, не виноват.

— Спасибо, — хрипло ответила Лиза.

— А теперь нам надо попробовать поспать… Скоро уже утро.

* * *

Лизе спалось крепче, чем все последние дни. Даже не смотря на то, что засыпать пришлось в спальнике на кочках в незнакомом лесу. Но уже вскоре ее разбудили.

Над ней стоял Турк и теребил ее за плечо.

— Еще ночь, — пробормотала она, едва соображая.

— Лиза, скорее, — говорил Турк. — Собирайся.

— В чем дело?

— В Порту опять пепел. Говорят, все куда хуже, чем в прошлый раз. Скоро он будет и тут. Нам надо спрятаться.

ГЛАВА 20

Айзек проснулся, когда они были уже в пути, и увидел клубящиеся за спиной облака. Светящиеся крупитчатые облака — совсем как те, тридцать четвертого августа. Но сейчас все это тонуло для него в остром, охватившем все его существо страдании. Это была не боль в прямом смысле слова, но что-то очень похожее. Сверхчувствительность, от которой становились нестерпимыми свет и шум, — словно мир, как оголенная бритва, рассекал его мозг.

Айзек понимал, чем он отличается от остальных. Знал, что его сотворили в надежде установить контакт с гипотетиками и что взрослые, среди которых он жил, были разочарованы результатами эксперимента. Знал он и другое. Что космическая пустота не пуста, она наполнена призрачными частицами, живущими слишком короткое время, чтобы они могли взаимодействовать с материальным миром. Тем не менее гипотетики умели использовать эти эфемерные частицы для передачи и получения информации, и та часть Айзека, что была внедрена в него при помощи марсианской биотехнологии, перестроила его нервную систему для приема их сигналов. Сигналы эти никогда не складывались ни в какие осмысленные сообщения. Просто возникало ощущение какого-то беспокойного и невыразимого зова издалека. Или, как сейчас, почти что боли. Эта боль была вызвана приближающимся облаком пыли и пепла. Незримая смута всколыхнула невидимый мир. Ум и тело Айзека содрогались в такт его биениям.

Он сознавал и все прочее. Что его перенесли в машину и усадили на заднее сиденье, что кто-то пристегнул его ремнями к креслу. Он слышал голоса и споры прежних и новых своих друзей. Они боялись за него. Боялись за себя. Он слышал, как доктор Двали отдавал приказания, как захлопнулись дверцы, как взревел мотор. Он был рад, что с ним сидит и гладит его по голове миссис Рэбка, а не доктор Двали. В нем разгоралась неприязнь к доктору Двали. Почти ненависть, которую он сам не мог объяснить.

* * *

Миссис Рэбка не была врачом. Но, как и остальные Четвертые, она разбиралась в медицине и владела навыками. Лиза наблюдала за тем, как она набирает успокоительное в

какой-то старинный шприц и делает мальчику укол. Айзек задышал глубже, и его стоны понемногу перешли во вздохи.

Машина тронулась. В падающей пыли вырисовывались и плясали колонны света от фар. Турк, с согласия Четвертых, сел за руль. Он пытался проехать через предгорья, пока дороги не стали непроходимыми. Лиза спросила, не стоит ли отвезти Айзека в больницу, но миссис Рэбка, покачав головой, ответила: «Там ему ничем не смогут помочь. Ничем, чего не смогли бы сделать мы сами».

Диана Дюпре тревожно смотрела на него широко раскрытыми глазами. Сьюлин Муа тоже посматривала на мальчика с выражением ужаса и отчаяния на лице, как казалось Лизе.

Рядом с ним сидела миссис Рэбка. Ей он клал голову на плечо, она ободряла его — вслух или просто легким нажатием руки, — когда машину подбрасывало, и он пугался от тряски и грохота. Она гладила его по волосам и вытирала лоб влажной салфеткой. Наконец успокоительное подействовало, и он уснул.

У Лизы с тех самых пор, как они приехали в коммуну Четвертых, вертелся на языке само собой разумеющийся вопрос. Поскольку все молчали, а она была слегка не в себе от скрипа «дворников», размазывающих пыль по лобовому стеклу, она сделала глубокий вдох и спросила:

— А мать Айзека сейчас жива?

— Да, — ответила миссис Рэбка.

Лиза обернулась к ней:

— Вы — его мать?

— Да, я.

* * *

«Айзек, что ты видишь?»

Он с трудом отходил от неестественного сна, в который погрузило его лекарство, и не сразу сообразил, о чем его спрашивают.

Это был голос миссис Рэбка. Айзек попытался было ответить, пока снова не накатит боль и не лишит дара речи. Но это было трудно, поскольку сейчас он вообще мало что различал. Он понимал, что находится в машине, знал, кто рядом, видел, как проносится пепел за окном, но все это казалось ему призрачным и ненастоящим. Уже день, или еще ночь? Машина остановилась. Вместо того чтобы ответить миссис Рэбка, он сам спросил:

— Где мы?

Перед ним возник человек, которого звали Турк Файндли.

— Это Басти. Такой маленький городок. Мы, наверное, немного здесь поживем.

За окном в пепельном тумане вырисовывались небольшие домики. Их он видел вполне ясно. Но миссис Рэбка спрашивала его не о том.

— Айзек? Ты можешь идти?

Да, он мог, хотя лекарство уже переставало действовать, и острое лезвие мира снова приближалось. Он выбрался из машины. Миссис Рэбка поддерживала его под руку. На лицо его садилась пыль. Пыль с запахом чего-то горелого. Миссис Рэбка втолкнула его в ближайший домик, одну из пристроек мотеля. Айзек слышал, как Турк сказал, что ему удалось снять последний свободный номер много дороже, чем он стоил. Сегодня здесь многим пришлось задержаться, сказал Турк.

Теперь он был в комнате. Лежал на спине, в постели. Пепла в воздухе поубавилось, хотя по-прежнему чувствовалась вонь. Миссис Рэбка принесла чистую тряпочку и принялась стирать с его лица пыль.

— Айзек, — снова осторожно спросила она, — куда ты смотришь? *Что* ты видишь?..

Потому что он по-прежнему поворачивал голову в одну сторону — на запад — и неотрывно смотрел туда.

Что он видел?..

— Свет.

— Здесь?

Нет.

— Далеко. Дальше, чем горизонт.

— И ты можешь видеть его отсюда? Ты видишь его сквозь стены?

Он кивнул.

— На что он похож?

У Айзека в голове теснилось множество слов, множество ответов. Пожар где-то очень далеко. Взрыв. Восход. Закат. Место, где звезды падают и сгорают в неистовой жажде жить. И что-то еще глубоко под землей, что знает и зовет их.

Но он ответил просто и честно:

— Не знаю.

* * *

Турк был единственным из них всех, кто раньше бывал в Басти. Название города, как он сказал, происходит от слова на хинди, означающего «трущобы». Басти не очень походил на

трущобы. Это был обычный закопченный придорожный городок на краю Руб-эль-Хали, снабжающий всем необходимым транспорт, который следовал по самому северному маршруту к нефтеносным землям и обратно. Шлакоблочные здания, сколько-то домиков из бруса, магазин, в котором продавались манометры для шин, атласы и компасы, солнцезащитные кремы, дешевые романы, одноразовые мобильники. Три заправки, четыре ресторана.

Ничего этого Лиза из гостиничного окна разглядеть не могла. Пепел сеялся в воздухе серой вонючей завесой. То ли где-то оборвались провода, то ли трансформаторы закоротило от пыли. На скорую их починку можно было не надеяться, — слишком захолустные места. Чудо, что они вообще сюда добрались на своем внедорожнике. Служащий мотеля постучал в дверь, принес фонарики и предупредил, что пользоваться свечами и другим открытым огнем в номере нельзя. Но Четвертые уже достали собственные фонарики, при свете которых все равно ничего невозможно было разглядеть, кроме грязных стен в пестрых обоях. Лизе понадобилось в ванную, и она сходила туда при свете фонарика.

Айзек уснул — уже не столько благодаря успокоительному, сколько от истощения. Взрослые решили обсудить происходящее. Двали, как обычно, своим проникновенным и хорошо поставленным голосом принялся рассуждать о пепле.

— Возможно, это циклическое явление. Геологические данные дают основания предполагать, что это так. Этим в числе прочего занимался ваш отец, мисс Адамс, — хотя мы никогда не могли найти научного объяснения данному факту. Скальные породы содержат очень тонкие прослойки пепла, которые повторяются с интервалом примерно в десять тысяч лет.

— Что это означает? — спросил Турк. — То есть раз в десять тысяч лет все покрывается пеплом?

— Не все. И не везде. В основном это можно наблюдать в образцах пород с Дальнего Запада.

— Но если остались такие следы, значит, пепел падал не столь уж тонким слоем?

— Да. Или же очень устойчивым к эрозии.

— Но эти дома не выдержат даже небольшой нагрузки на собственные крыши.

Крыши рухнут, а оставшихся в живых погребет под со бой пыль. Холодный вариант Помпеи, подумала Лиза. Это вгоняло ее в дрожь. Но ей хотелось спросить также о другом.

— А Айзек, — сказала она, — есть ли связь между падением пепла и тем, что с ним происходит?..

Сьюлин Муа посмотрела на нее печально и ответила:

— Разумеется.

* * *

Лучше всего Айзек понимал это в сновидениях, когда его знания принимали вид бессловесных форм, цветов, узоров.

В его снах планеты и расы возникали, как шальные мысли в голове, запоминались или уходили в забвение, эволюционировали точь-в-точь так же текуче, как эволюционируют мысли. Его спящий ум жил по тем же законам, по каким живет Вселенная, — разве может быть иначе?..

Сквозь мембраны его блуждающего сознания проникали наполовину расслышанные слова. *Десять тысяч лет.* Пепел падал и раньше, десять тысяч лет назад, а до этого еще десять тысяч лет назад. Огромные сети машин засевали космос своим прахом, порождая циклический процесс, — вращались, словно бесконечно сменяющие друг друга грани алмаза. Пепел падал на западе, потому что запад призывал его, как сейчас он призывал и Айзека. Эта планета не похожа на Землю. Она древнее, существует в более древней Вселенной, внутри нее живет нечто древнее. В ней обитает то, у чего нет разума, но оно прислушивается, говорит и пульсирует в медленном ритме тысячелетий.

Он слышал его звучание. Временами совсем рядом. Ближе, чем когда бы то ни было.

* * *

Балки и перекрытия мотеля постанывали под грудой пепла всю ночь, от заката до рассвета. Администрация посылала людей чистить крыши. Но пыль редела, и к утру воздух понемногу очистился до полупрозрачной взвеси. Лиза изо всех сил старалась не заснуть, но все-таки уснула, свернувшись на поролоновом матрасе. В ноздрях у нее засел едкий запах пепла, а по лицу сбегали струйки пота.

Проснулась она позже всех. Открыв глаза, увидела Четвертых, уже поднявшихся и сгрудившихся около двух окошек. Свет, проникавший с улицы, был тусклее, чем бывает осенью в пасмурную погоду, но вчера, когда падала пыль, она и о том мечтать не смела.

Она уселась на матрасе. Со вчерашнего дня не переодевалась, кожа была липкой от вчерашней грязи, в горле першило. Турк, угадав ее желание, подал ей бутылку с водой, которую она тут же

с благодарностью выпила до капли.

— Сколько сейчас?

— Около восьми.

Восемь долгих часов по экваториальному счету. Уже даже проглянуло солнце. Пыль больше не падала, но остатки ее все еще оседали. Воздух был полон мелких частиц пепла.

— Как Айзек?

— Не орет по крайней мере. У нас все в порядке, но… ты не хочешь взглянуть, что на дворе?..

Миссис Рэбка отошла от окна, направляясь к Айзеку, и Лиза смогла занять ее место. Она без охоты выглянула наружу.

На первый взгляд, там не было ничего неожиданного. Дорога, изменившая свои очертания под завалами пепла, — та самая дорога, по которой они ползли вчера, выжимая из машины все, что только можно. Машина по-прежнему стояла там, где они ее оставили, занесенная с наветренной стороны пепельными барханами. Ее перепончатые колеса с мощными шинами выглядели внушительно, как колеса вездехода. Свет едва сочился, в воздухе роилась пыль, но можно было вполне разглядеть заправку в нескольких сотнях ярдов к югу. Прохожих не было, а из других окон тоже выглядывали люди. Все замерло без движения.

Нет… не все. Все, кроме пыли.

За двором, над пустой серой дорогой, Лиза увидала что-то вроде растущего на глазах водоворота. Скопление пепла размером с круглый обеденный стол принялось медлен но вращаться по часовой стрелке.

— Что это?

— Сейчас увидите, — сказал из-за спины Турка доктор Двали.

Турк положил Лизе руку на плечо. Она накрыла ее своей ладонью. Пыль завертелась быстрей, соткавшись в воронку с жерлом посередине, потом вдруг замерла. Лизе это зрелище было не по душе. Это было что-то неестественное, превосходящее понимание. Но, может, она просто проникалась чувствами остальных, видевших это уже не в первый раз и знавших, что будет дальше.

А потом пепел взорвался. (Как гейзер, подумала Лиза.) Над местом, где была воронка, взметнулся десятифутовый столб пыли. Лиза сделала судорожный вдох и попятилась от окна.

Подброшенная взрывом пыль выгнулась по ветру, как петушиный хвост, и чуть погодя рассосалась в смрадном тумане, наполнившем воздух. Когда она развеялась, стало видно, что гейзер исчез не бесследно и что-то оставил после себя. Что-то сияющее.

Оно походило на цветок. Повергший Лизу в изумление рубиновый цветок, аккуратно сложенный и чем-то напоминающий тело новорожденного. Стебель и бутон были такого же пронзительного гипнотически-красного оттенка.

— Первый раз так близко, — сказал Турк.

Цветок. Потерявший нить разум Лизы сам собой ухватился за это слово, потому что это и вправду было похоже на цветок, с уродливо длинным стеблем и венчиком лепестков, и она вдруг осознала, что думает о подсолнухах в саду у матери в Калифорнии, ко времени созревания семян дорастaвших до такой же высоты. Цветок этот стал изгибаться и ходить ходуном, мотая своей раздутой головой, в такт какой-то неслышной и неритмичной песне.

— Там есть *еще такие же*?.. — спросила Лиза.

— Были.

— Где они? Куда подевались?

— Погоди, — сказал Турк.

Цветок повернулся бутоном к окнам мотеля. У Лизы из груди вырвался невольный вздох. В сердцевине бутона было что-то вроде глаза. Круглого, влажно поблескивающего, с чем-то наподобие стеклянно-черного зрачка. На секунду ее объял ужас: он глядел прямо на нее.

— А на Марсе было что-то подобное? — спросил доктор Двали.

— Марс на огромном расстоянии отсюда, — ответила Сьюлин Муа. — На той планете, где мы сейчас, гипотетики действовали гораздо дольше. То, что росло на Марсе, выглядело не так и не проявляло такой активности, как здесь. Но если вы спрашиваете, то же ли самое это явление, — то да, скорее всего то же.

Зрячий подсолнух вдруг перестал двигаться. Засыпанный пеплом городок Басти застыл в тиши и молчании, словно набрав воздуха в грудь.

Затем — к ужасу Лизы — пыль ускорила движение, цветок окружили набегающие друг на друга ручейки и всплески пепла. Что-то — вернее, сразу много всего — рванулось к его тычинкам с устрашающей быстротой. Оно летело, не останавливаясь, и Лиза едва сумела разглядеть, на что оно похоже — на что-то крабоподобное, цвета морской зелени, многоногое…

Оно съело цветок.

Перекусило ему стебель, и он стал валиться навзничь. После чего оно набросилось на него, как пираньи на тело. Жадно и спешно оно поглотило цветок и тут же исчезло или притаилось в пепле.

От цветка не осталось ни следа. Словно его и не было

— Думаю, поэтому, — подытожил доктор Двали, — нам пока не стоит выходить наружу.

ГЛАВА 21

Остаток утра Турк провел у окна, пытаясь как-то систематизировать причудливые жизненные формы, возникающие из пыли. Врага надо знать в лицо, считал он. Лиза по большей части стояла рядом с ним, задавая краткие, но дотошные вопросы — что он еще видел, пока она спала Доктор Двали включил свой маленький приемник и ловил обрывочные новости из Порт-Магеллана, что было, по мнению Турка, не лишним. Зато все остальные Четвертые были заняты исключительно разговорами — бесконечны ми и практически бесполезными. В этом основной недостаток Четвертых, заключил про себя Турк. Они времена ми бывают мудры, но неисправимые болтуны.

Они теперь обступили марсианку, которая, похоже, знала больше всех о пепле, хотя не очень хотела делиться своими знаниями с остальными. Особенно усердствовала миссис Рэбка. «Ваши табу здесь неуместны, — говорила она. — Мы должны знать максимум всего. Вы обязаны нам это рассказать… хотя бы ради мальчика».

Звучало это вполне корректно, хотя с позиций этикета Четвертых могло восприниматься почти как кулачный бой.

Марсианка, одетая в джинсы не по размеру, выглядела, словно какой-то невероятно тощий нефтяник с буро вой, облаченный в защитный костюм. Она сидела на полу, обхватив руками колени.

— Если у вас есть вопросы, — сказала она угрюмо, задавайте.

— Вы говорили, что, когда на Марсе падает пепел, это порождает необычные формы…

— Жизни, миссис Рэбка? Почему бы не называть вещи своими именами?

— Такие же, как эти?

— Внешне — нет. Я не видела ни таких цветов, ни таких хищников. Но этого следовало ожидать. Лес в Эквадоре — не то же, что лес в Финляндии, тем не менее то и другое — лес.

— И все же, с какой целью… — сказала миссис Рэбка.

— Я читала о гипотетиках с детства. Слышала много бесед высокообразованных людей на эту тему. Но до сих пор не могу понять их «намерений». На Марсе пепел выпадает очень редко. Он порождает вегетативные формы, всегда недолговечные и существующие очень короткое время. Какие выводы из столь скудных данных можно сделать? Почти никаких. — Она нахмурилась и помолчала. — Можно с очень высокой степенью вероятности утверждать, что гипотетики — или как их там ни

называть — не сущности, а результат интерференции огромного количества взаимосвязанных процессов. Экосистема, как я вам уже говорила. Может быть, видимые проявления их активности играют какую-то роль в этом процессе, а может, это просто побочные продукты. Я не верю, что у них есть какая-то осмысленная стратегия, что это проявления какого-то высшего разума.

— Да, — нетерпеливо сказала миссис Рэбка, — но если ваши марсиане знали достаточно, чтобы применить их технологии к человеку…

— Вы тоже это сумели, — ответила Сьюлин Муа, недвусмысленно указав в сторону Айзека.

— Да, но это досталось нам от вас.

— Работы на Марсе всегда преследовали сугубо прагматические цели. Мы научились выделять и выращивать культуры из пепла, как только поняли, что они могут взаимодействовать с человеческим белком на клеточном урон не. Столетия подобных наблюдений привели к определен ному прорыву — стало ясно, как с помощью этого можно изменять человеческую биологию…

— Я уже запуталась в терминах. Биология, технология..

— А так ли уж важна разница? Да, мы культивировали чужеродную жизнь. Или микробиотехнологии, если вам так больше нравится. Эти образования живут, размножаются, умирают. Все это дало нам возможность выявить и использовать связь между конкретными штаммами и их эффектами. На протяжении веков мы выращивали модифицированные культуры, продлевающие жизнь, как и другие биопрепараты. Один из самых радикальных — тот, что вы ввели Айзеку, когда он был в утробе. *У вас*в утробе, миссис Рэбка.

Миссис Рэбка покраснела.

Турк понимал смысл того, что они обсуждали, догадывался, насколько все это важно для них, но эти материи казались ему до смешного далекими, когда реальные проблемы были буквально перед носом — прямо за дверью. Опасно ли выходить на улицу? Вот о чем бы стоило сейчас подумать. Поскольку вечно в комнате сидеть нельзя. Тем более что у них почти закончились продукты.

Он одолжил у Двали его маленький приемник и засунул наушники в уши, отгородившись от разборок Четвертых и ловя другие голоса.

Ловилась только одна станция на УКВ из Порт-Магеллана. Двое парней из местного агентства новостей зачитывали свежие сводки и рекомендации ООН. Ситуация вы глядела лишь немного тяжелее, чем в прошлый раз, по край ней мере по интенсивности

и продолжительности осадкой. На юге города обрушилось несколько крыш. Большая часть дорог была временно непроходима. У легочников отмечались ухудшения, вызванные вдыханием пепла, да и людям здоровым приходилось все время отплевываться от пыли, но всех пугало не это. Пугало то, что из пепла стали появляться какие-то невиданные вещи. Дикторы называли их «растениями» и сообщали, что они наблюдались в разных частях города, но особенно в тех местах, где выпало больше всего осадков и образовались их кучи. «Растения» произрастали из пепла, подобно рассаде на торфяной подкормке. И хотя большинство из них жило очень недолго и «быстро ассимилировалось окружающей средой», некоторые объекты, «напоминающие деревья и гигантские грибы», достигали внушительных размеров.

В этих репортажах было нечто от сна или кошмара. На одном из центральных перекрестков движение оказалось парализовано «розовым цилиндром длиной в пятьдесят футов». Нечто, описанное очевидцами как «огромный пузырь с шипами, похожий на скопление кораллов», взошло на крыше китайского консульства. Разрозненные сообщения о мелких формах, способных двигаться, пока официально не подтверждались.

Какими бы пугающими ни были все эти образования, они представляли опасность только для того, кто очутился в неподходящем месте в неподходящий момент, — например, они могли случайно обрушиться на вас. Тем не менее жителям рекомендовалось не выходить на улицу и не открывать окон. Осадки уже прекратились, но бриз поднимал и гнал по улицам пыль. Бригады уборщиков снова готовились смывать пепел из брандспойтов («растения» и все такое, думал Турк), как только представится возможность.

Жизнь в Порт-Магеллане скоро восстановится, если только это не повторится. Но Порт находился по другую сторону горного хребта, с непроходимыми теперь для транспорта перевалами. Басти же, как и всякий городишко из жести и толи между западными предгорьями и Руб-эль-Хали, целиком зависел от поставок с побережья. Сколько времени уйдет на то, чтобы расчистить перевалы? Как минимум, неделя-другая, прикидывал Турк. Прошлое выпадение пепла и без того дорого обошлось здешним городкам. А в этот раз все было еще хуже. Осадков выпало во много раз больше. Эта фантасмагорическая флора — если, конечно, она заслуживала названия флоры — безусловно, станет серьезным препятствием для того, чтобы возобновить снабжение. Так что городок скоро останется без еды. А возможно и без воды. Турк не мог сказать с уверенностью, как организовано

водоснабжение в этих пустынных поселениях Вода из крана шла, но откуда она? Из рек в предгорьях? Годится ли она для питья и долго ли еще останется такой?

На худой конец, у них в машине оставался еще кое-какой запас продуктов и воды в бутылках. Что не нравилось Турку, так это то, что машина стоит за оградой парковки мотеля, и какому-нибудь умнику может прийти в голову влезть в нее и поживиться припасами. Но эту проблему по крайней мере он мог решить своими силами. Он поднялся и сказал:

— Я собираюсь выйти.

Все изумленно уставились на него.

— Может, не стоит? — спросил Двали.

Турк изложил свои соображения по поводу еды и воды.

— Даже если никто из вас пока не голоден, то я голоден.

— Это может быть небезопасно, — сказал Двали.

Турк уже видел на улице пару людей в масках из носовых платков. Один прошел в пятнадцати футах от «растения», соткавшегося из пыли, но оно никак не реагировало на человека, как и человеку, казалось, было совершенно на него наплевать. Что, в общем, подтверждало сообщения из Порт-Магеллана.

— Я только до машины и обратно. Но было бы неплохо, если бы кто-то постоял у дверей на всякий случай, пока я буду там. И мне нужно что-то, из чего можно сделать маску.

К счастью, возражений не последовало. Доктор Двали отрезал карманным ножиком угол простыни, Турк замотал им себе нос и рот, взял у миссис Рэбка карточку-ключ от машины, а Лиза вызвалась подежурить у двери.

— Только, пожалуйста, не задерживайся там…

— Не волнуйся, — ответил Турк.

* * *

Голубое небо было насыщено пепельной взвесью. В воздухе повисли едкие сернистые испарения. Все это было, безусловно, не для человеческих легких. Если в пыли содержатся споры чужеродной жизни (а из новостей и из разговоров Четвертых следовал именно такой вывод) — что им мешает укорениться во влажной среде внутри человеческого организма? Хотя, думал Турк, вряд ли влажность для них так уж много значит, если они способны расти на городской мостовой или в пустыне посреди сентябрьской засухи. Так или иначе, сообщений о смертях, связанных непосредственно с пеплом, пока не было. Он отогнал от себя эти мысли и попытался сосредоточиться на том, что ему

предстояло сделать.

Едва выйдя наружу, он остро испытал чувство потерянности. Парковка мотеля представляла собой мощеную площадку в форме полумесяца, с сухим керамическим фонтаном посередине. Она выходила на главную улицу, а по существу — на шоссе № 7, ведущее к Руб-эль-Хали. По обеим сторонам улицы тянулся ряд одноэтажных кирпичных торговых павильонов, засыпанных пеплом и с окнами в пылевых разводах. Дорожные знаки и рекламные щиты сделались просто нечитаемыми. Ничто не нарушало тишину.

Машина Четвертых стояла в дюжине ярдов от въезда. Ее легко было узнать по коробкообразным очертаниям корпуса, высоко поднятого на рессорах. Турк помедлил секунду и оглянулся на дверь, которую Лиза держала приотворенной. Он помахал ей рукой, и она кивнула в ответ. Все ясно. Вперед.

Он шел осторожно, широко шагая, стараясь поднимать как можно меньше пыли. Его ботинки вдавливались в наносы пепла, оставляя четкие следы, различимые даже в мутном тумане.

Он добрался до машины без происшествий, разве что немного нервничал, что так удалился от дома, где его ждала Лиза. Он наклонился и стер рукавом пепел с капота. Еда хранилась в багажнике. Турк достал из кармана карточку доктора Двали и вставил ее в прорезь. Его руки покрылись щетинками пепла. Он остановился на секунду и приподнял повязку — ему уже давно хотелось сплюнуть. Плевок некрасиво шлепнулся на усыпанную пеплом обочину. Турк не удивился бы, если б оттуда что-то выскочило навстречу, как рыба, хватающая наживку и утаскивающая ее под воду.

Он открыл багажник и достал из рефрижератора бутылки с водой и упаковку консервов — из тех, что можно при необходимости есть не разогретыми. Прихватил еще не сколько пакетов с лепешками — больше он все равно не смог бы унести. На сегодня этого должно хватить. Он но думал, не сесть ли в машину и подогнать ее поближе к въезду. Но тогда она загородит другим подъезд к мотелю, что может привлечь излишнее внимание…

— Турк! — пронзительно закричала Лиза из дома. Дверь была распахнута настежь. Лиза стояла на пороге, ее волосы развевались, она отчаянно кричала:

— Турк! Там… На улице…

Он обернулся и сразу же увидел это.

Выглядело оно вовсе не таким уж страшным. Что-то вроде обрывка бумаги или клеенки, трепещущего на ветру на высоте человеческого роста над заваленной пеплом мостовой возле

закусочной. Оно колыхалось в воздухе — не сказать, чтобы летело, как птица, держась определенного направления. Только это была не бумага, а что-то куда более странное. В середине оно было прозрачно-синим, по краям — красным. И перемещалось оно хотя и довольно не складно, но все же не совсем хаотично. Скользя то влево, то вправо, оно старалось не отклоняться от линии дороги.

Потом оно приостановилось, взмахнуло сразу всеми своими четырьмя углами-крыльями, чтобы подняться на несколько футов выше, — после чего снова пришло в движение и полетело теперь в другую сторону.

Прямо на Турка.

— Твою мать! Беги сюда! — кричала Лиза.

По радио говорили, что «это» не опасно. Только бы это и правда было так, успел подумать Турк. Он бросил все, кроме упаковки с консервами, и побежал. Пробежав около половины пути к двери, оглянулся. Колышущийся лоскут был совсем рядом, в метре от него, чуть справа. Он выронил консервы и пустился бежать что было сил.

Эта штука оказалась больше, чем казалась издали. И не такой уж тихой: она издавала хлопающий звук, словно болтающаяся на ветру простыня. Турк не знал, собирается ли она причинить ему какой-то вред, но он, безусловно, *интересовал*ее. Он бежал со всех ног, и оттого, что землю покрывал шестидюймовый — а кое-где и глубже — слой пепла, — это было похоже на бег по мокрому песку. Или в страшном сне.

Лиза ждала у распахнутой двери.

Хлопающий лоскут, взбивая воздух, как насос, летел уже почти вровень с Турком. Турк видел его боковым зрением, не оглядываясь. Стоило этой штуке просто повернуться, и она бы оказалась прямо у его лица. Но она продолжала двигаться по своей прежней извилистой траектории, словно ее целью было не догнать его, а следовать за ним по пятам, за ним… к раскрытой двери.

Он замедлил бег. Лоскут бился и пощелкивал за его спиной.

— Турк!..

Лиза все еще стояла в дверях. Турк сорвал повязку со рта и глубоко вдохнул. Лучше б он этого не делал, его глотка была и так забита пылью.

— Закрой, — прохрипел он, но Лиза его не расслышала. Он подавился и выкрикнул: — Да закрой эту чертову дверь, чтоб тебя!..

Услышала ли она на сей раз его или нет, но теперь она сама поняла, в чем дело. Она попятилась, пытаясь одно временно

дотянуться до дверной ручки, но промахнулась, потеряла равновесие и упала. Хлопающий лоскут, уже уверенно выбирая направление, проник в дом и двинулся на нее, точно повинуясь какой-то наводке изнутри. Турк снова пустился бежать изо всех сил, но до нее было слишком далеко.

Лиза полусидела, опираясь на локоть, с широко рас крытыми глазами, и Турк всем существом ощутил удар страха — как резкий укол в сердце. Она приподняла руку, чтобы заслониться от *этого*. Но оно не обратило на нес никакого внимания, как и на Турка. Скользнуло мимо нес в комнату.

Что было дальше, Турк не видел. Он слышал сдавленные вскрики, потом обезумевший голос миссис Рэбка — он никогда не слышал, как кричат Четвертые.

— Айзек!..

ГЛАВА 22

Лиза ошеломленно сидела на полу, толком не понимая, что случилось. Эта штука — летающая штука, которая, как она думала, гналась за Турком, — проникла в комнату. В какой-то момент Лиза услышала совсем рядом стук, затем влажное хлюпанье, после чего наступила тишина. Тогда раздался крик миссис Рэбка.

Лиза собралась с силами и поднялась на ноги.

— Закройте дверь!.. — взревел доктор Двали.

Но она не могла. Не могла — пока Турк оставался там, на улице. Он стремительно несся к дому, поднимая клубы пыли. Как только он заскочил внутрь, она захлопнула дверь и принялась оглядываться со страхом: где этот летающий лоскут? Как ни глупо, ей вспомнилось одно давнее лето, когда она жила с родителями в домике в Адирондакских горах. Как-то ночью из дымохода вылетела летучая мышь и захлопала крыльями в темной комнате, перепугав Лизу. Сейчас ей со сверхъестественной ясностью вспомнилось то чувство: в любую минуту что-то живое и трепыхающееся может вцепиться к тебе в волосы и начать кусаться.

Но эта хлопающая штука уже больше не летала.

Четвертые столпились вокруг кровати, на которой лежал Айзек. Потому что…

Потому что «это» опустилось прямо ему на голову.

Мальчик в ужасе зарылся лицом в подушку. Летающее животное (растение, животное — что это было?) прилипло к его левой щеке, как толстая красная примочка. Одним углом оно присосалось к виску мальчика, другой обернулся вокруг его плеча и шеи. Рот и нос Айзека оставались свободными, хотя краешек холодной прозрачной массы примерз к его дрожащей верхней губе. Левый глаз его смутно виднелся сквозь тело животного, а правый был широко раскрыт.

Миссис Рэбка все повторяла: «Айзек! Айзек!» Она потянулась к нему, словно желая согнать с него этот страшный лоскут, но Двали перехватил ее руку:

— Не прикасайся, Анна.

Анна. Миссис Рэбка звали Анна. Какой-то частью ума, сохранявшей абсурдное хладнокровие, Лиза зафиксировала этот факт. Анна Рэбка. Мать Айзека.

— Нам надо снять это с него!

— Нужно что-нибудь, чем можно до этого дотронуться, — сказал Двали. — Перчатки, палка, бумага…

Турк сорвал наволочку с одной из запасных подушек и намотал ее себе на руку.

Странно, думала Лиза, эта штука не тронула Турка там, на улице, как не тронула ни ее, ни остальных взрослых — хотя все они были одинаково беззащитны перед ней, — но без колебаний опустилась на Айзека. Неужели «это» (несомненно, выросшее из пепла — как и те цветы с глазами и весь безумный ботанический сад, о котором сообщалось и новостях из Порт-Магеллана) искало одного Айзека, именно его?..

Все отступили от кровати. Турк протянул к странному существу обмотанную наволочкой руку. И тут произошло нечто не менее странное.

«Оно» исчезло.

* * *

— Что за черт?! — воскликнул Турк.

Мальчик учащенно задышал, выпрямился и сел, водя рукой по лицу, чтобы стряхнуть наваждение и вернуть коже чувствительность.

Лиза заморгала, пытаясь заново прокрутить в памяти то, что произошло. Летающий лоскут растаял в воздухе — так по крайней мере это выглядело. Словно превратился вдруг в жидкость, моментально испарившуюся. Но не совсем так, потому что на том месте, где он был, не появилось ни облачка пара. Он *всосался* —как лужица воды во влажную землю — прямо в тело Айзека.

Лиза постаралась отогнать от себя этот жуткий образ.

Миссис Рэбка оттолкнула Турка и бросилась к мальчику. Она рывком опустилась на кровать рядом с ним и обняла его. Айзек, все еще с трудом дыша, прижался к ней, уткнулся ей в плечо и стал всхлипывать.

Вроде бы самое страшное было уже позади. Двали попросил всех отойти: «Пусть они побудут вдвоем». Лиза отступила назад и схватилась за руку Турка. Его ладонь была потной и пыльной, но Лизу это сразу успокоило. Все только что произошедшее представлялось ей абсолютно непостижимым, зато эпилог не нуждался в объяснениях: перед ней была мать, утешающая испуганного ребенка. Лиза впервые посмотрела на миссис Рэбка другими глазами. Раньше она видела в ней только мрачную и бесчувственную Четвертую. Но для миссис Рэбка Айзек был не подопытным существом, а сыном.

— Что за чертовщина, — повторял Турк. — С ребенком-то все

в порядке?

Это еще предстояло выяснить. В комнате мотеля был крошечный кухонный закуток. Диана и Сьюлин уединились там, что-то взволнованно обсуждая. Доктор Двали стоял поодаль, наблюдая за миссис Рэбка. Постепенно дыхание мальчика стало ровнее. Он отстранился от миссис Рэбка и огляделся вокруг, несколько раз икнув. Его странные глаза в золотых блестках были огромными и влажными.

Диана Дюпре оторвалась от беседы с марсианкой и сказала:

— Можно, я его осмотрю?

Из всех присутствующих она имела наибольшее право называться врачом, и миссис Рэбка, хотя и неохотно, позволила ей сесть рядом с мальчиком. Диана считала его пульс, простукивала грудную клетку — все это, как подозревала Лиза, она проделывала не столько с целью осмотра, сколько чтобы успокоить Айзека. Она внимательно оглядела его левую щеку и лоб, но не заметила ни явных повреждений, ни даже признаков раздражения на коже. Наконец она осмотрела его глаза — эти странные глаза, — и тоже, видимо, не нашла в них ничего особенного.

Айзек собрался с духом и спросил:

— Вы доктор?

— Медсестра. Зови меня Диана, ладно?

— Диана, со мной все хорошо?

— На мой взгляд — да.

— Что это было?..

— Не знаю. Сейчас происходит много странных вещей. Это тоже была одна из них. Как ты себя чувствуешь?

Айзек помолчал, словно оценивая собственное самочувствие.

— Лучше, — сказал он наконец.

— Тебе ведь уже не страшно?

— Нет. Ну… Уже не так.

Его речь была более ясной и отчетливой, чем в предыдущие дни.

— Можно спросить тебя кое о чем?

Айзек кивнул утвердительно.

— Вчера ты говорил, что можешь видеть сквозь стены. Свет, которого больше никто не видит. Ты и сейчас его видишь?

Он кивнул еще раз.

— Где он? Можешь показать, в какой стороне?

Он неуверенно сделал то, о чем его просили.

— Турк, — сказала Диана, — ваш компас при вас?

Турк носил в кармане старый компас в медном корпусе. Уезжая из деревни минангкабау, он не согласился с ним

расстаться, чем немало расстроил ибу Диану. Он достал компас и встал рядом с Айзеком.

— Здесь не может быть ничего нового, — нервно сказала миссис Рэбка. — Он всегда показывает в одну сторону. На запад. Чуть-чуть севернее.

— Сейчас почти точно на запад. Даже, строго говоря, чуточку южнее. — Турк огляделся, чтобы увидеть выражение лиц собеседников. — А что? Разве это так важно?

* * *

К середине дня улица приобрела несколько более нормальный вид. Последние пару часов из пепла больше ничего не вырастало. То там, то здесь закручивались вихри пыли, но это могло быть и просто от ветра. День выдался ветреным, по небу неслись облака, под стенами вырастали серые кучи пепла. Зато часть его ветер унес, кое-где даже появились островки чистого асфальта.

Только немногие из фантасмагорических растений пережили это утро. Большая часть их была уничтожена (или сожрана, как считала Лиза) более мелкими и подвижными существами или образованиями, тотчас таявшими в воздухе, — как тот цветок с глазом в бутоне. Растения, что были покрупнее, еще кое-где уцелели. Лиза видела несущееся по улице перекати-поле неправдоподобно яркой расцветки — очевидно, это была шелуха чего-то уже отжившего свое. Одно из зданий напротив мотеля было облеплено, как паутиной, причудливым сплетением хрупких белесых трубок. Надпись на стене, некогда гласившая «Автозапчасти», была теперь почти неразличима под этой бледной сеткой.

Относительный покой выманил людей из их укрытий. Мимо прогрохотало несколько машин с мощными бамперами, видимо, имевших какое-то отношение к уборке пыли. В дверь постучал служащий мотеля и осведомился, все ли в порядке с гостями, — он видел кусочек утренней драмы. Турк заверил его, что все хорошо, и даже отважился еще раз выбраться наружу. На этот раз дверь за ним плотно закрыли, а Лиза, стараясь не выдавать беспокойства, следила за ним из окна. Вернулся он с припасами, которых им должно было хватить на пару дней.

Миссис Рэбка не переставала суетиться вокруг Айзека. Вид у мальчика был довольно живой и отнюдь не болезненный. Он сидел, глядя на западную стену комнаты, словно вознося мольбы к какой-то оставшейся за ней Мекке. Лиза понимала, что он ведет

себя так уже не первый день. И все же в этом ощущалось что-то нешуточно зловещее. Выждав момент, когда миссис Рэбка уйдет в ванную, она подошла к кровати мальчика и присела рядом с ним.

— Привет, — сказала она. — Как ты?

Он мельком посмотрел на нее и снова уставился на стену.

— Что там, Айзек? Куда ты смотришь? — спросила Лиза.

— Это под землей, — ответил мальчик.

От этих слов Лизу пробила дрожь. Она поднялась и отошла от кровати.

* * *

Турк и доктор Двали обсуждали что-то, глядя на карту.

Это была обычная складная топографическая карта, с нанесенными на нее немногочисленными автомобильны ми маршрутами западной части Экватории — от гор до побережья. Лиза украдкой заглянула через плечо Турка, вооружившегося ручкой и линейкой и чертившего какие-то линии.

— Что это такое?

— Триангуляция, — сказал Турк.

— Какая еще триангуляция?..

Двали, решив снизойти до объяснения, указал на точку на карте.

— Вот поселок, где мы с вами встретились, мисс Адамс. Мы покинули его и проехали примерно двести миль на север. Сейчас мы здесь. — Пятнышко размером с мушку, с подписью: Басти. — Там, в поселке, Айзек всегда смотрел в одну и ту же сторону. Мы уточнили, в какую. Вот длинная линия, ведущая на запад. Но здесь его внутренняя ориентация слегка изменилась.

На карту была нанесена еще одна длинная линия, пол, небольшим углом к первой. Проходя через огромное пространство пустыни, обозначенное янтарным цветом, линии сближались на территории, находящейся под контролем международных горнодобывающих концессий. И наконец они пересекались в Руб-эль-Хали — на песчаном плоскогорье, расположенном в западной части материка Экватории.

— Это то место, на которое он показывает?

— Это место, на которое он показывал все лето, и особенно последние несколько недель.

— И что это может быть? Что там находится?

— Насколько я знаю, ничего. Там нет ничего.

— Но он хочет туда.

— Да. — Доктор Двали пристально посмотрел поверх Лизы

на остальных Четвертых. — И мы его туда отвезем.

Женщины смотрели на него, ничего не говоря. Наконец одна миссис Рэбка через силу кивнула ему в знак согласия.

* * *

Этой ночью Лиза не могла уснуть. Она ворочалась на своем матрасе, страдая от звуков, которые издавали окружающие. От чего бы ни излечивал курс Четвертого возраста, но с храпом он ничего поделать не мог.

В конце концов уже сильно за полночь она встала, прошла, перешагивая через спящих, в ванную, и окатила голову тепловатой водой. Вместо того, чтоб вернуться в постель, она направилась к окну, где, сидя в кресле, нес ночное дежурство Турк.

— Не спится, — проговорила она шепотом.

Турк не отрывал глаз от призрачной пустоты за окном. Улицу едва освещала луна, почти неразличимая в небе. Ничего особенного не происходило. Никаких причудливых созданий из пепла больше не возникало.

— Хочешь поговорить? — спросил он наконец.

— Мы их разбудим.

— Пойдем в машину. — Турк с доктором Двали подогнали ее поближе к дверям, чтобы было проще за ней следить. — Посидим в ней немножко. Вроде пока все спокойно.

Лиза не покидала комнаты с самого их приезда сюда, и эта мысль показалась ей заманчивой. На ней были ее единственные джинсы и болтающаяся рубашка, которую ей одолжили в поселке Четвертых. Она надела туфли на босу ногу.

Турк толкнул дверь и, как только они вышли, плотно прикрыл ее за собой. На улице запах пепла ощущался куда сильнее. Сера или еще что-то столь же резко пахнущее. Почему этот пепел пахнет серой? Машины гипотетиков обитают в самых холодных областях вселенной, вдали от звезд, как объясняли Лизе еще в школе. На далеких астероидах и всяких мерзлых спутниках мерзлых планет. Есть ли там сера? Лиза слышала, что она есть на лунах Юпитера, кажется, В планетарной системе, к которой принадлежал Новый Свет, тоже имелось подобное небесное тело радиоактивный гигант на порядочном расстоянии от здешнего солнца.

К ночи ветер прекратился. Небо затянуло туманом, но Лизе удалось разглядеть несколько звезд. Отец любил показывать ей звезды, даже когда она была совсем еще маленькой. Звездам

нужны имена, говорил он, и они вместе давали им имена. Большая Синяя, Вершина Треугольника. Или что-нибудь более легкомысленное: Белинда, Грейпфрут, Антилопа.

Она скользнула на переднее сиденье вслед за Турком

— Пора подумать о будущем, — сказал Турк.

Да, безусловно, пора.

— Четвертые собираются везти Айзека на запад.

— Не знаю, чего они хотят этим добиться.

— Они верят, что там он сможет начать общаться с гипотетиками.

— Прекрасно. И что он им скажет? Привет от человечества? Хорош сыпать нам на головы свое космическое дерьмо?

— Они надеются докопаться до какой-то фундаментальной истины.

— Ты в это веришь?

— Я — нет. Но *они* верят. По крайней мере Двали.

— Четвертые, в целом, люди очень разумные. Но ты бы поручилась за исход этого предприятия? Я — нет.

«Это как с верой, — думала Лиза. — Тут бесполезно прикидывать шансы. Можно лишь искать нечто всем сердцем и надеяться на лучшее». Но Турку она этого говорить не стала.

— И что мы будем делать, когда они поедут в пустыню?

— Я думаю все же поехать с ними, — сказал Турк.

— Думаешь… что?

— Погоди. Сейчас объясню. Ты же видела карту? То место, куда они собираются отправляться, это три четверти пути до западного берега. Оттуда дорога все время идет вниз, до самого моря. На западном побережье нет ничего. Только деревни рыбаков и исследовательские станции. Там можно сесть на любой корабль, который идет на юг и дальше — в Порт-Магеллан. К тому времени как я там окажусь, меня уже никто не будет искать, вся эта история с Четвертыми закончится, и Генетическая Безопасность, я думаю, сама закроет это дело. У меня достаточно друзей среди Четвертых, так что я скорее всего смогу раздобыть себе новые документы.

Осенние ночи были уже довольно холодны. От кожи сидений становилось зябко. За то время, пока они разговаривали, стекло успело запотеть.

— Я вижу тут кое-какие затруднения.

— Я тоже. И в чем, по-твоему, эти затруднения?

Лиза постаралась рассуждать логично.

— Ну, во-первых, пепел. Даже если дороги станут проходимыми, то и на хорошей машине всегда можно застрять — может закончиться бензин, сломаться мотор или еще что-

нибудь…

— Все может быть, — согласился Турк. — Но обо всем этом можно позаботиться заранее. Запастись топливом, запчастями, инструментом и так далее.

— Потом, они же не просто так туда едут. Они надеются что-то там найти. А что, если это правда? Ты помнишь, как эта штука охотилась за Айзеком? Если он действительно «особенный», если все то, что вырастает из пепла, действительно ищет именно его? Это может стать самым большим затруднением…

— Я тоже думал об этом. Но, судя по всему, что я видел и слышал, это еще никому не причиняло вреда. Разве что случайно. Даже Айзеку. Что бы тогда ни произошло, сей час он чувствует себя неплохо.

— Турк, это было у него на голове. Это всосалось прямо в него.

— И тем не менее он ходит, разговаривает, даже температура прошла. В любом случае сейчас ему не хуже, чем было.

— Если б это случилось с тобой, ты бы так не говорил.

— Вот именно. Со мной этого не случится. Я «их» не интересую.

— Словом, ты предлагаешь присоединиться к ним попутчиками и, когда у них чем-то закончится вся эта история с Айзеком, самим отправиться на побережье? Это твой план?

Даже не видя его лица в темноте, Лиза чувствовала, насколько трудно ему было ответить.

— Тебе совсем не обязательно ехать со мной. Если хочешь, можешь остаться здесь — подождать, пока расчистят перевалы, а там поймать что-нибудь до Порта. У тебя есть выбор, а у меня его нет. Может, так будет и лучше, если взглянуть на вещи объективно.

Если взглянуть объективно… Без сомнения, он думал, что сейчас великодушно предоставляет ей возможность устраниться от участия в опасной затее, не роняя достоинства. Его образ жизни предполагал большие ставки в игре с фортуной, как и то, что в любой момент она может сменить милость на гнев. Лиза не умела так жить. В этом и заключался смысл его слов — и по большому счету, он был прав. Этот разговор начался не вчера и не сегодня.

— Я подумаю над этим, — сказала она и вышла из машины навстречу лунному сиянию, думая об одном: вот бы уснуть.

* * *

Наступило утро, и в Басти наладилось какое-то подобие обыденной жизни. На улицах появились редкие пешеходы. Немногочисленные машины, способные преодолеть заносы, устремились на юг — к более крупным городам. Жители ошеломленно глядели на останки чуждых форм жизни, покрывающие фасады зданий и тротуары, словно осколки и обломки некогда ярких и красочных игрушек. Жизнь собирает саму себя по частям заново, думала Лиза. Даже в таких условиях. Но ее собственную жизнь, расколотую куда серьезнее, было не так-то просто взять да склеить.

Четвертые, после того как пришли к согласию насчет дальнейших действий, занялись пополнением припасов и сборами в дорогу. Экспедиция в составе доктора Двали, Сьюлин Муа, Дианы и Турка отправилась по местным магазинам, чтобы поискать, что здесь можно еще купить за деньги. Турк даже предложил купить вторую машину, если получится.

Лиза осталась в гостинице с миссис Рэбка и Айзеком, надеясь выкроить себе еще пару часов сна. Но это оказалось не так-то просто: Айзек опять разнервничался. Не из-за того, что на него напала эта летающая тварь — она, судя по всему, уже забылась им, как дурной сон, — а из-за какого-то нового нестерпимого ощущения, требующего скорее погрузиться в самую гущу чего-то происходящего на западе. Миссис Рэбка несколько раз попыталась осторожно расспросить его, что он имел в виду, говоря, что «это под землей»?.. Но он только опять разревелся и ничего не смог ответить.

Миссис Рэбка сказала ему тогда, что они поедут на запад. Поедут обязательно, как только смогут. Наконец ребенок успокоился и уснул.

Она отошла от его кровати и села в кресло. Лиза придвинулась поближе.

На вид миссис Рэбка было около пятидесяти. Лизе казалось, что на самом деле ей куда больше. Она была Четвертой, а Четвертые могут не изменяться внешне десятки лет. Но в то же время — если она мать Айзека — она не могла быть намного старше, чем казалась. К тому же Четвертые становятся биологически неспособными к зачатию. Следовательно, миссис Рэбка забеременела до того, как прошла курс.

Вопрос, который вертелся у нее на языке, было нелегко задать, но Лиза все же решилась его задать, потому что лучшего случая для этого могло и не представиться.

— Миссис Рэбка, а как вообще это вышло? В смысле, с Айзеком. Как он… Я хотела сказать… если, конечно, это не слишком личное…

Миссис Рэбка прикрыла глаза. На лице ее читалось изнеможение — или какое-то глубокое, беспредельное отчаяние.

— О чем вы спрашиваете, мисс Адамс? Как ребенок стал особенным — или как это нам вообще пришло в голову?

Лиза не знала, что ответить. Но миссис Рэбка и не ждала от нее ответа.

— Мне особенно нечего рассказывать. Моя история не слишком интересная. Муж работал в Американском университете. Не постоянно — его приглашали время от времени читать лекции. Он не был Четвертым, но относился к ним с симпатией. Он бы и сам на это пошел, если б не его вера. Он был ортодоксальным иудеем. Если бы не это, он был бы сейчас жив. У него была неоперабельная аневризма. Единственное, что могло тогда его спасти, это курс Четвертого возраста. Я его уговаривала. Но он не соглашался. Я стала его за это просто ненавидеть.

— Потому что… Потому что вы были беременны?

— Да.

— Он знал?

— К тому времени, как я узнала точно, его аневризма лопнула. Он прожил еще несколько дней, находясь уже в коме.

— Этот ребенок и есть Айзек?

Миссис Рэбка снова прикрыла глаза.

— Это был зародыш. Понимаю, как грубо это звучит. Но я не могла смириться с мыслью, что мне придется одной растить ребенка. Я собиралась делать аборт. Доктор Двали отговорил меня от этого. Он был одним из самых близких друзей мужа, потом стал и моим другом. Он сразу сказал мне, что он Четвертый. Благодаря ему я поняла, что это — по крайней мере с определенной точки зрения — высшая ступень человеческого существования. Он рассказывал мне обо всем. В частности, о спорах среди Четвертых. И конечно, о гипотетиках. А я с детства этим бредила. Благодаря Авраму я познакомилась со всеми остальными. Они мне очень помогли.

— И уговорили вас пойти на это…

— Никто меня ни на что не уговаривал. И ничего не заставлял. Мне просто понравились эти люди. Все другие приходили ко мне тогда из вежливости и говорили то, во что сами не верили. А они не лгали. Говорили то, что действительно думали. У Аврама была цель жизни — контакт с гипотетиками. Он очень осторожно дал мне понять, что именно я могу помочь им в их главном начинании. Поскольку я еще не была Четвертой… и была беременна.

— И вы отдали ему Айзека…

— Не *Айзека*!..Только возможность рождения Айзека. Иначе

бы я его никогда не доносила. — Она вдохнула и выдохнула, ее вздохи показались Лизе чем-то вроде прибоя, накатывающего на древний берег. — Это было не больнее, чем сам курс Четвертых. Обычная инъекция, а потом, когда я пришла в норму, — другая, внутриматочная, чтобы организм не отторг несовместимый зародыш. Почти все это время я была под наркозом. Честно говоря, я очень мало что помню о самой беременности. Айзек родился семимесячным.

— А потом?..

Миссис Рэбка смотрела в сторону.

— Аврам поступил очень мудро. Он предложил, чтобы Айзека воспитывала не я одна, а вся община. Мне не следовало иметь слишком тесных уз с ребенком.

— Из-за него? Или из-за себя?

— Из-за нас обоих. Никто не знал, долго ли он проживет. Айзек был — и есть — *попытка*, мисс Адамс. Аврам оберегал меня от того, что могло бы обернуться для меня еще большим горем. Но не только в этом дело, мне бы очень хотелось быть настоящей матерью Айзеку, но он даже не понимает, что такое мать. Он и совсем малышом не позволял брать себя на руки. Я с самого его рождения поняла почувствовала, — что он знает больше моего, что он не та кой, как мы… другой.

— Вы сами его таким сделали, — поневоле вырвалось у Лизы.

— Да. Сами. Мы понимали, что это грех. И надеялись, что он будет искуплен тем, что Айзек узнает и услышит когда-нибудь.

— Неужели вы сами в это верили?

— Спасибо, что вы пытаетесь найти для меня оправдание, мисс Адамс. Да, я верила. Мы все в той или иной степени верили — поэтому и поселились там, в Кубелике. Но никто не верил в это настолько искренне — я бы сказала, настолько героически, — как Аврам. Бывали, конечно, со мнения, раскаянья… Как без них? Невеселая история, правда? Я уверена, у вас не укладывается в голове не то, как мы на это решились, а сама идея как таковая. Как такое может кому-то захотеться. Что ж, одним хочется одного, другим другого. В этом смысле Четвертые — такие же люди, как все. Не стоит принимать чью-то точку зрения за абсолютную истину. — Миссис Рэбка опять прикрыла глаза. — Я очень устала, и мне нечего вам больше сказать.

* * *

Экспедиция возвратилась назад с едой, водой, запчастями и — как ни удивительно — с еще одним внедорожником. По словам

Турка, его купили у какого-то местного хапуги-дилера, переплатив втрое. У Четвертых — заявил Турк — явно больше наличности, чем здравого смысла. А может здравое понимание той грани, за которой деньги уже не важны.

Лиза помогала Турку грузить припасы в багажники. Его движения выглядели машинальными — и в то же время раскованными. Помогая ему, Лиза наконец ощутила себя самой собой. Можно было не думать о миссис Рэбка, об Айзеке, о докторе Двали, обо всем, что, быть может, ждет их в пустыне.

— Такты с нами, — спросил он наконец, — или будешь ждать автобус до Порта?

Она не удостоила его ответом. Он того не заслуживал. Разумеется, она собиралась ехать с ним. В полную неизвестность — или как там называется место, куда попадают все достойные люди, когда исчезают.

ЧАСТЬ IV
РУБ-ЭЛЬ-ХАЛИ

ГЛАВА 23

К тому времени, как пепел стал сыпаться снова, Брайан уже благополучно возвратился в Порт-Магеллан.

Когда они летели над перевалом Бодхи по направлению к прибрежной равнине, Зигмунд и Вейль сделали нечто неожиданное для Брайана: они признали собственное поражение.

Четвертые разбежались, говорил Вейль, а во взорванном поселке не осталось ничего, кроме обугленных обломков биореактора в цокольном этаже. В самолете Турка Файндли тоже не нашлось никаких улик, а четверо пленников — дряхлые даже по меркам Четвертых — были очевидной приманкой и отвлекающим маневром.

— И что вы теперь собираетесь делать? — спросил Брайан. Самолет пролетал над каньоном, по дну которого одолевал препятствия одинокий бензовоз. — Просто уехать, и все?

— Разумеется, мы этого так не оставим. Будем делать все то же, что раньше. Мониторинг движения, прослушка, камеры… Рано или поздно что-нибудь да всплывет. А сейчас на свете стало одним биореактором меньше. Если даже мы ничего больше не смогли сделать, то по крайней мере сильно нарушили их дьявольские планы.

— И за это люди должны погибать?..

— А кто погиб? Брайан, я что-то не припомню погибших!

* * *

Он вернулся наконец в свою маленькую одинокую квартирку в многоязычной столице, когда небо снова стало заполняться догорающим прахом древних машин.

Он смотрел новости с рассеянным безразличием. В речи дикторов то и дело проскальзывали словечки «невиданные» и «неведомые», но на Брайана они уже не производили никакого впечатления. Это просто небесная труха, думал он, прах после гигантского мора. Где-то там, в бескрайних холодных пространствах, созданы гипотетиками хитроумные агрегаты. У них очень долгий срок службы, ко у всех без исключения он не беспределен. Пирамиды разрушились, от римских акведуков не осталось ничего, кроме развалин. Так и с гипотетиками. Они разрушаются однажды, отслужив свои положенные дюжину или миллион лет.

Из пепла рождались уродливые формы. Кое-что Брайан видел

своими глазами. В десятке метров от дома — там, где улица арабского торгового квартала сбегала вниз и терялась в бесформенной массе базаров и чайных лавок, — выросла зеленая труба, похожая на сифон от раковины. Она завернулась, словно перекрученная в узел ветром, и упала посередине улицы.

Брайан снова и снова возвращался мыслями к последнему звонку Лизы. Где она сейчас? Этого не знали даже Зигмунд с Вейлем. Она пошла на поводу у своих необузданных желаний. И у этих мерзавцев — Четвертых. Но она оставалась на свободе — хотя, может, и в не очень приятном для Брайана смысле «свободы». Она была жива. Не то что эти чертовы летящие с неба механизмы.

* * *

На уборку пепла в этот раз ушло больше времени, чем в прошлый. И поскольку это случилось уже повторно, телеведущие обменивались невеселыми вопросами. Будет ли это продолжаться? Будут ли последствия с каждым разом все тяжелее и разрушительнее, пока однажды Порт-Магеллан не окажется полностью погребен под свалкой безумных космических игрушек?

Часть души Брайана всеми силами восставала против такого исхода. Другая, наоборот, его приветствовала. «В конце концов, — думал он, — это чужая планета. Как же мы были наивны, вообразив, что можно прийти и обосноваться тут как дома, словно это вторая Земля».

Но городские власти, как муравьи, повинующиеся инстинкту, методично расчищали мусор и восстанавливали коммуникации. Когда оттягивать дальше стало невозможно, Брайан сел за руль и поехал по замызганным улицам в американский квартал — к зданию консульства, где располагались офисы отделения «Порт-Магеллан» Управления Генетической Безопасности США.

Он миновал дверь собственного офиса и направился прямо к своему непосредственному начальнику, полномочному консулу Ларри Дайзенхоллу.

Дайзенхоллу было пятьдесят пять. Он представлял собой образцового служаку, с бритой головой и глазами столь странной расцветки, что они казались нарисованными цветными мелками. Он взглянул на Брайана и улыбнулся:

— Возвратились? Поздравляю.

Наконец-то возвратился. Блудный сын… Брайан достал из кармана пиджака конверт и опустил его на сияющий чистотой стол Ларри.

— Что это?

— Взгляните.

В конверте была пара фотографий, полученных Брайаном от Кирхберга. С утра Брайан на всякий случай распечатал дома несколько запасных копий. Он отвел глаза, дожидаясь, пока Ларри вскроет конверт.

— Господи! — воскликнул Дайзенхолл. — Боже! Что это тут у вас такое?

«Мертвец, — подумал Брайан. — Один из тех мертвецов, каких не встретишь обычно на церковных пикниках и в добропорядочных офисах». Он уселся за стол напротив Ларри и рассказал ему о Томасе Джинне, о Зигмунде с Вейлем, о взорванном поселке в пустыне, о несчастных четырех Четвертых, которых нашли в самолете Турка Файндли и могли пытать, чтобы выбить из них показания. Дайзенхолл несколько раз пытался прервать Брайана, но тот был непреклонен и продолжал говорить. В нем словно обрушилась плотина, и Ларри был не в силах остановить этот словесный потоп.

Брайан наконец замолк. Ларри смотрел на него, раскрыв рот.

— Брайан… Все это очень печально.

«Да, иначе не скажешь», — подумал Брайан.

— Я хотел сказать — с чем мы имеем дело, с тем имеем. Поймите, в каком невыгодном положении вы сейчас находитесь. Вы приходите ко мне, чтобы пожаловаться на Зигмунда и Вейля. Но у меня нет никакой возможности как-то воздействовать на них. Исполнительный комитет действует за рамками правового поля. Ни вы, ни я не являемся его членами. Это подразделение не дает разъяснений таким, как мы с вами. Вы состояли в близких отношениях с женщиной, которая, без сомнения, связана с известными персонами из круга Четвертых. Что касается вас — надеюсь, вы понимаете, что для вас все могло обернуться куда хуже? О вас наводили справки, в вашей служебной пригодности усомнились. Я заступился за вас, о чем не жалею. Но сегодня вы приходите ко мне с этими голословными утверждениями и с этой… — он показал на фотографии, — этой *гадостью.* Чего вы от меня хотите?

— Не знаю… Оценки их действий. Жалобы. Рапорта…

— Вы серьезно? Неужели вы действительно ждете от меня чего-то подобного? Вы представляете себе, чем бы это обернулось для нас обоих? Неужели вы думаете, что это могло бы привести к чему-то хорошему? Мы добились бы только того, что нам обоим не поздоровится.

Брайан задумался ненадолго. Возразить было нечего. Ларри был прав.

Тогда он достал из кармана второй конверт и положил его на стол Дайзенхоллу. Тот подался назад и непроизвольно отдернул руки.

— Господи, это еще что?..

— Заявление об увольнении, — сказал Брайан.

ГЛАВА 24

Последним человеком, которого они повстречали к западу от Басти, была дородная китаянка, как раз закрывавшая заправку «Синопек». Колонки были уже отключены, и ей пришлось включать их заново. Пока обе машины заправлялись, она с неистребимым кантонским [23]акцентом пыталась втолковать доктору Двали, что ехать дальше в пустыню — чистейшее безумие. Там, по ее словам, никого уже не осталось. Наладчики с буровых, персонал трубопроводов, даже нищие гастарбайтеры, не успевшие получить обещанного вознаграждения, — все перебрались на восток еще после первого выпадения пепла.

— Там было еще хуже, — сказала китаянка.

— В каком смысле хуже?

— Во всех. И землетрясения.

— Землетрясения?

— Толчки. Много повреждено. Все это придется чинить, когда можно будет обратно. Если можно будет обратно.

Двали нахмурился.

— Нам надо бы попасть на западное побережье, — сказал Турк. — Короче говоря, на тот край пустыни.

— Глупее способа добраться туда не придумаешь.

Турк пожал плечами, но возразить ему было нечего.

* * *

Под выгоревшей на солнце стеной заправки скопился изрядный вал инородной пыли, перемешанной с песком. С юга дул сухой и жаркий ветер. Лизе подумалось, что весь этот мир словно посыпан тальком. Она размышляла над словами Турка: западное побережье, другой край пустыни. Ей представились волны, разбивающиеся о камни, редкие траулеры, стоящие на якоре в естественных бухтах, дождь, зелень, запах моря. Но видела она перед собой только безжалостный, опаленный солнцем горизонт.

«Глупее способа добраться туда не придумаешь». Да уж — что правда, то правда.

* * *

Весь долгий путь Сьюлин Муа внимательно наблюдала за

тем, как ведут себя с мальчиком Аврам Двали и Анна Рэбка.

Заботилась о нем в основном миссис Рэбка. Мать, хоть и ставшая матерью почти вопреки собственной воле. Двали держался более отчужденно — с некоторых пор Айзек и сам избегал его, — и все же его взгляд опять и опять обращался на мальчика.

Двали — идолопоклонник, думала Сьюлин. Боготворящий чудовищное. Он верит, что у Айзека и вправду в руках ключи… к чему?.. К «контакту с гипотетиками»? Эта наивная и прямолинейная цель давно уже всерьез не обсуждалась. Решающий скачок познания. Интимная связь с безграничным могуществом, сотворившим мир горний и дольний. Двали хотел видеть в Айзеке если не бога, то избранника, — и ему хотелось коснуться хотя бы полы его одежды, чтобы и самому сделаться осиянным.

А она? Чего *она*хотела от Айзека?.. Кроме того, что когда-то хотела помешать его рождению. Это и было целью ее бегства из Марсианского посольства в Нью-Йорке: предотвратить на Земле такого рода трагедии. Она ушла в тень, будучи не всегда желанной гостьей в земных коммунах Четвертых, жившей за счет гостеприимства хозяев и при этом осуждающей их нравы. Не поклоняйтесь гипотетикам: они не боги! Не придумывайте никаких воображаемых мостов между ними и нами: этих мостов никогда не удастся навести. Мы уже пробовали. И в результате пришли к тому, что иначе как преступлением не назовешь. Мы принесли в жертву человеческую жизнь. И наши благие намерения привели только к страданиям и смерти.

Дважды в ее земных странствиях ей удалось предотвратить подобные проекты. Две радикальные коммуны Четвертых — одна в Вермонте, другая в датской деревне — были на пороге осуществления своих замыслов по со зданию детей «двойной природы». В том и другом случае Сьюлин прибегла к помощи более консервативных общин и к собственному авторитету марсианской Четвертой, чтобы не дать этому свершиться. Но здесь она не сумела этого. Опоздала на целых двенадцать лет.

И все-таки она настояла на том, чтобы сопровождать ребенка в пути, который, без сомнения, окажется для него последним, — хотя могла бы направиться в любое другое место и заниматься тем же, чем прежде. Почему? Захотелось проверить себя, не поддастся ли она так же, как док тор Двали, обольстительному соблазну «контакта» — хотя и понимала всю его невозможность и абсурдность? Нет — скорее потому, что услышала от Айзека несколько слов на языке, которого тот никак не мог знать.

О чем ей и было сказано. Она действительно его боялась.

* * *

— Как вы считаете, — спросил Турк, — стоит принимать всерьез то, что эта женщина говорила о землетрясениях?

Он ехал вместе с Двали в головной машине. За рулем сидел Двали. Ветер продолжал разрисовывать дорогу змеистыми пыльными следами, но большую часть пепла уже унесло, или же он впитался в землю — как та хлопающая штука вошла в тело Айзека.

До границы владений нефтяных концессий оставалось ехать еще сутки. Место назначения, отмеченное на карте, находилось в паре сотен миль к западу.

— Не вижу причин ей не доверять, — сухо сказал Двали. — А в новостях что-нибудь было об этом?

Всю дорогу Турк непрестанно слушал радио, держа наушник в одном ухе.

— О землетрясениях — ничего. Кто их знает, может, еще будут. — В устах Турка это «может» означало примерно то же, что, может, там в пустыне есть и гномы, и динозавры. — А вот про пепел много говорят. Как, по вашему мнению, он может выпасть опять?

— Понятия не имею, — сказал доктор Двали. — Кто тут может что-то предугадать?

«Разве только Айзек», — подумал Турк.

* * *

Они остановились на ночь в заброшенном мотеле с автомагазином и заправкой, рассчитанном на дальнобойщиков и совершенно обезлюдевшем.

Почему — нетрудно было понять. Фантастические цветы свешивались гирляндами с крыши — ярко размалеванные, трубчатые, уже истлевшие. Поначалу они были не столь уж невесомы, судя по тому, что крыша просела в нескольких местах. И это было далеко не все. Сплетения синих побегов проникли в помещение ресторана и покрыли причудливой вязью толстых и тонких нитей все в радиусе нескольких ярдов от двери — пол, потолок, столы, стулья, тележку официанта. Они тоже пребывали на грани распада — стоило к ним прикоснуться, как они превращались в омерзительно пахнущий порошок.

Турк отыскал ключи от номеров и стал открывать их один за другим, пока не нашлось несколько комнат, пригодных для жилья, где все могли наконец рассредоточиться и отдохнуть Турк

и Лиза заняли одну комнату на двоих, Двали расположился в другой. Сьюлин Муа — в одном большом номере вместе с Дианой, миссис Рэбка и Айзеком.

Для Сьюлин такое расселение вполне отвечало ее желаниям. Она не могла находиться все время с мальчиком, как миссис Рэбка, но по крайней мере надеялась, что ей удастся хоть немного поговорить с ним наедине.

Случай представился в тот же вечер. Двали созвал всех на так называемое собрание общины. Айзек, разумеется, и нем не участвовал, и Сьюлин вызвалась посидеть с ним, отговорившись тем, что по существу дискуссии ей все равно сказать нечего.

Миссис Рэбка неохотно согласилась. Как только она вышла из комнаты, Сьюлин присела к мальчику на кровать.

Жар у него уже прошел. Временами он бывал в ясном сознании, мог садиться, ходить, есть. В пути он был блаженно тих, словно с тех пор, как та летающая штука уселась на него, его слегка отпустила устрашающая тяга к чему-то не вполне человеческому. Двали вспоминал о том случае с отвращением и не желал его обсуждать — произошедшее не укладывалось в его понимание, — а тем не менее это было первое настоящее и глубокое соприкосновение мальчика с той полужизнью, что являли собой творения гипотетиков, «На что это ощущение может быть похоже? — размышляла Сьюлин. — Неужели та штука остается в нем, или она распалась на молекулы, чтобы циркулировать в его кровеносной системе? И если это так, то что может означать? Имеет ли здесь место разумное поведение, или же это своего рода растительный тропизм, развившийся за бессчетные миллионы лет?».

Если б она могла расспросить об этом подробнее самого Айзека. Но времени хватало только на самые насущные вопросы.

Она заставила себя улыбнуться мальчику. Он тут же с готовностью улыбнулся ей в ответ. «А ведь я его друг, — подумала она. — Подружка с Марса».

— У меня был раньше друг, похожий на тебя. Очень давно.

— Я помню, — ответил Айзек.

У Сьюлин перехватило дыхание.

— Ты знаешь, о ком я говорю?

Айзек ответил одним словом:

— Эш.

— Ты знаешь про Эша?

Айзек с серьезным видом кивнул, отводя свои подернутые позолотой глаза.

— Что ты знаешь о нем?

Мальчик принялся рассказывать ей историю короткого детства Эша на станции Бар Ки. Сьюлин снова свело с ума, что он заговорил на марсианском диалекте — том самом, на котором когда-то они с Эшем говорили.

У нее голова шла кругом.

— Эш, — прошептала она.

— Он вас не услышит, — сказал Айзек по-английски.

— Но *ты* его слышишь?

— Сьюлин, он не может разговаривать. Он умер. Вы знаете.

Еще бы ей не знать. Она обнимала Эша в последние минуты его жизни. Мучаясь от сознания, что это она помогла ему бежать в пустыню — к тому, что так притягивало его к себе, что сейчас притягивало Айзека, что звалось гипотетиками, что звалось смертью.

— Но ты говоришь его голосом.

— Потому что я помню.

— Ты его помнишь?..

— Я хотел сказать… я не знаю, как это объяснить!..

Мальчик начинал испытывать беспокойство. Сьюлин постаралась подавить собственный испуг и изобразить как можно более ободряющую улыбку.

— Я и не жду, что ты это объяснишь. Это тайна. Я точно так же ее не понимаю. Просто скажи, как ты это сам чувствуешь.

— Я знаю, кто я. Кем меня создали. Доктор Двали и миссис Рэбка думали, что я смогу общаться с гипотетиками. Я этого не могу. К сожалению, не могу. Но что-то есть во мне… и там, — он показал себе на грудь, а затем на пустыню за окном, — что-то, что помнит миллионы вещей, не только Эша, а поскольку он был как я, это что-то хочет вспомнить о нем через меня. Я имею в виду…

Сьюлин провела рукой по голове мальчика. Волосы его на ощупь были жесткими и слипшимися. Бедный ребенок… Что ему пришлось выдержать в пути. И за все это время он ни разу не был в ванной.

— Не волнуйся.

— То, что во мне, помнит Эша, а я помню то, что помнил Эш. Я смотрю на вас, а вижу вас обеих сразу.

— Обеих?

— Ту, какая вы сейчас и какой были тогда.

«Земля и небо», — подумала Сьюлин.

— А Эш тоже видит меня?

— Нет, я же сказал вам. Он умер. Он никого не может видеть. Его здесь нет. Но я знаю, что бы он сказал, если б он здесь был.

— И что бы он сказал?..

— Он бы сказал… — Айзек вновь перешел на марсиан с кий

диалект, с его до боли знакомым звучанием, забывшимся за бесконечно долгие и тяжелые годы. — Он бы ска зал: *Привет, сестра.*

Голос Эша. Никакого сомнения.

— И сказал бы еще…

— Что, скажи мне?

— Он сказал бы: *не надо бояться.*

«Легко сказать, не бойся», — думала Сьюлин, отходя от кровати и поворачиваясь лицом к двери, где стоял доктор Двали. Она не слышала, как он вошел. Лицо его побагровело — то ли от гнева, то ли от ревности.

* * *

— Как давно вы узнали, что с ним это происходит?..

Двали настоял на разговоре наедине, для чего им пришлось отойти от мотеля. Жутковатый ландшафт, ставший привычным за последние дни, выглядел так, словно кто-то нарочно воссоздал на этой чужой и жаркой планете обстановку марсианской пустыни. Кругом не было ни души — только самые бездарные постройки, какие только можно вообразить, и бескрайнее темное небо над ними.

«Эш, Эш, — думала Сьюлин, — такое расстояние пришлось преодолеть, чтобы снова услышать твой голос!»

— Несколько недель, — ответила она, справившись с собой.

— Недель! И вы не собирались поделиться этим с нами?

— Мне было нечем делиться. Одни предположения.

— Одно предположение, что у Айзека могут быть каким-то образом общие воспоминания с вашим экспериментальным ребенком, этим Эшем…

— Эш не был экспериментальным, доктор Двали. Он был просто ребенком. И моим другом.

— Вы уходите от темы.

— Я ни от чего не ухожу. Я в вашем проекте не участвую. Если б я могла, я бы остановила его с самого начала.

— Но не смогли. И теперь вы здесь. Мисс Муа, по-моему, вам следует лучше разобраться в ваших собственных мотивах. Разве вы здесь не потому же, почему мы создали Айзека? Вы потратили целую жизнь на то, чтобы узнать и понять гипотетиков. И после стольких лет — восьмидесяти? девяноста? — вы так же далеки от этого, как были в юности.

Да, о гипотетиках она думала всегда, еще задолго до гибели Эша. Если это и было чем-то вроде мании, то все же не мешало ей

трезво смотреть на вещи. Или все-таки мешало?..

А что касается того, *поняла*ли она что-то о гипотетиках…

— Их попросту не существует, — заявила Сьюлин.

— Простите?

— Гипотетиков не существует в том виде, в каком вы их себе представляете. Что вам приходит в голову, когда вы думаете о них? Что-то огромное, древнее, мудрое? Существа с беспредельным разумом, непостижимым для нашего бедного сознания. Также заблуждались и наши Четвертые. Ради возможности личной беседы с Господом на что только не пойдешь! Но гипотетиков не существует! Во всем этом звездном пространстве нет ничего, кроме огромной операционной системы, соединяющей одну машину с другой. Они древние, они сложные, но это — не разум.

— Если это так, — сказал Двали, — то с кем вы только что говорили?

Сьюлин открыла было рот, но не смогла ничего ответить.

* * *

В эту ночь Лиза с Турком впервые за много дней занялись любовью. Отдельная комната в мотеле сама по себе была крепчайшим любовным напитком. Они и не думали говорить друг другу что-то. Это было ни к чему. В комнате горела свеча. Лиза разделась, Турк тоже. Потом она задула свечу и нашла его на ощупь в тусклом из-за пыли лунном сиянии. Он пропах, как и она, но это уже не имело значения. Между ними пробежал тот же ток, что и всегда. Лиза мельком подумала: интересно, кому-нибудь из Четвертых, спящих среди этих развалин, слышно, как скрипит их кровать? Наверняка. Ну и хорошо. Может, это немного оживит их старческое бесцветное прозябание.

В конце концов Турк уснул, обхватив ее руками. Ей нравилось лежать с ним в бледном лунном свете.

Но вскоре ей пришлось высвободиться из его объятий, потому что она никак не могла уснуть. Она все думала о том, в какую же даль они забрались, и ей вспоминалась строчка из позабытого стихотворения: «На тонком краешке Нигде, сведенном к острому вопросу».

Ночь была холодной, и Лиза снова обвилась вокруг Турка. Она согрелась и уже засыпала, когда вдруг здание заходило ходуном.

* * *

Диане Дюпре тоже не спалось.

С ней в комнате были Сьюлин Муа, миссис Рэбка и Айзек. Она вслушивалась в дыхание мальчика и думала, насколько же его жизнь не похожа на обычную. Вырасти без матери и без отца: миссис Рэбка все-таки нельзя было назвать в полном смысле слова матерью, как и зловещие хлопоты доктора Двали мало походили на отцовские чувства. И при этом ребенок не искал ничьего участия. Непростое дитя. Упрямое.

Ей удалось уловить кое-что из того разговора, что состоялся вечером между Сьюлин Муа и доктором Двали.

Конечно, марсианка была права. Решившись «изучать» гипотетиков нетрадиционными методами, доктор Двали и миссис Рэбка повели себя не как ученые, а как паломники. В конце пути они ожидали то ли откровения, то ли искупления.

Та же жажда много-много лет назад чуть не довела до смерти и ее саму. Диана, связав свою судьбу с верой первого мужа, стала своего рода отшельницей. Тогда она и заразилась болезнью, от которой неминуемо должна была умереть, если бы не переход в то, что марсианин Ван Нго Вен назвал четвертой стадией, или зрелостью после зрелости.

Ей казалась, эта жажда осталась позади, с тех пор как она сделалась Четвертой. После курса долголетия в ее жизненном укладе постепенно взяло верх что-то трезвое, благоразумное, расчетливое. Она получила утешение, но и приобрела равнодушие. Она больше не пускалась на безрассудный штурм неба и прожила спокойную и достойную жизнь.

Но, может быть, она ошибалась насчет того, что имен но она оставила тогда за спиной, а что продолжала нести в себе, сама того не сознавая? Когда две линии на карте пересеклись, обозначая место, куда стремился Айзек, она впервые за долгие годы ощутила прежнюю жажду.

То же самое повторилось с ней, когда стало ясно, что Айзек способен считывать воспоминания давным-дав но умершего марсианского мальчика, которого никогда не видел.

Она размышляла: гипотетики помнят Эша. Что еще они помнят?..

Ее брат Джейсон умер после попытки контакта с ними. Помнят ли они это? Неужели они действительно помнят Джейсона?

А если она спросит об этом Айзека, заговорит ли мальчик его голосом?..

Она сидела на кровати, выпрямившись, словно чувствуя себя за что-то виноватой. И тут стены мотеля задрожали и зашатались. Она в ужасе подумала: вот и все — крепость взята, небеса

обрушиваются на стены.

* * *

Турк только успел зажечь свечу, как толчки прекратились.

Да, подумал он, старая китаянка оказалась права. Землетрясения!

Лиза сидела на кровати, завернувшись в одеяло.

— Ты в порядке? — спросил он. — Это просто толчки.

— Пообещай, что мы не останемся, — сказала она.

При свете свечи лицо и руки Лизы казались совсем бледными, какими-то неземными.

— Не останемся? — переспросил он, поморгав.

— Когда они доедут туда, куда хотят, — по резкому кивку ее головы Турк понял, что речь идет о Четвертых, — мы не останемся с ними, да? Поедем дальше? На западный берег? Как ты обещал?

— Разумеется. Чего ты боишься? Это всего лишь небольшой толчок. Лиза, ты же из Калифорнии — разве там не бывало землетрясений, как это?

— Турк, они безумны. Внешне они здравые и рассудительные люди. Но они сами устроили весь этот безобразный цирк. Я не хочу принимать в нем участия.

Турк подошел к окну — просто чтобы убедиться, что звезды не взорвались или еще что-то. Лиза была права: безумцы на марше. За окном лежала освещенная худосочной луной экваторианская пустыня, от одного вида которой начинаешь чувствовать себя маленьким.

Здание вздрогнуло еще раз. На краю стола задребезжала бесполезная лампа.

* * *

Айзек тоже почувствовал толчки, но они его даже не разбудили. В последнее время он подолгу спал, часто не понимая, где сон, а где явь.

Внутри него безжалостно вращались стрелки звездных часов. Он видел во тьме вещи, для которых не мог найти слов. Он для многого не мог найти слов. И наоборот, были слова, которые он знал, но не мог понять и определить, что они значат. Например, слово «любовь».

«Я люблю тебя», — шептала ему миссис Рэбка, когда никто,

кроме него, не мог этого слышать.

Он не знал, что ей отвечать. Но этого и не требовалось. Миссис Рэбка словно и не ждала ответа: «Айзек, мальчик мой. Мой единственный. Люблю тебя…» — шептала она, после чего отворачивала лицо.

Что это могло значить?

А что значило то, что он, закрывая глаза, видел круговорот звезд или хоровод огней где-то в глубинах западной пустыни? Мог чувствовать их жизненную силу и мощь?

Что значило, что он мог слышать миллионы голосов — больше, чем есть звезд на небе? И что из всего этого множества он мог различить голос Эша, умершего мальчика с Марса? Это он вспоминал об Эше — или что-то вспоминало об Эше через него? С помощью выдыхаемого им воздуха вспоминало голос Эша?

Потому что — вот это уж Айзек знал точно — его предназначение, как и предназначение всех этих падающих с неба обломков машин, сбившихся со своих непостижимых орбит, заключалось в *воспоминании.*

Воспоминании чего-то большего, чем сам мир.

Он чувствовал его приближение. Кора планеты лопалась, и он ощущал ее содрогания сквозь фундамент старого здания, сквозь брусья, балки, полы, раму кровати и матрац, на котором лежал. Айзек содрогался заодно с ней, и его переполняла леденящая радость. Память и уничтожение неслись к нему одновременно с огромной скоростью, скачками длиной в континенты.

А он лежал и думал: «Наверное, это и есть любовь?..»

ЧАСТЬ V
В ГОСТЯХ У НЕ СКАЗАННОГО

ГЛАВА 25

Третье, и самое тяжелое, выпадение пепла случилось, когда они добрались до окраин владений нефтяных концессий — пустующего «краешка Нигде».

Об этом предупреждали в передачах, которые с переменным успехом ловил приемник доктора Двали. В Порт-Магеллане осадков выпало сравнительно немного. Зато на западе они осыпались густыми волнами, словно что-то притягивало их именно сюда.

К тому времени, как появились первые сообщения об этом, опасность была видна уже невооруженным глазом. Машина мчалась по шоссе. Впереди и позади горизонт выглядел одинаково плоским. Оборачиваясь назад, Лиза видела, как в небе над ним вскипают сине-черные облака.

— Надо опять искать где-то укрытие, — сказал Турк.

* * *

На юго-западе виднелись серебристо-черные силуэты буровых вышек «Арамко». Судя по всему, весь персонал с буровых был уже эвакуирован, и некоторые из вышек даже казались слегка накренившимися — хотя, возможно, это был всего лишь оптический обман. Турк все же опасался, что они могут охраняться, причем не только дистанционно, с помощью автоматики, но и вооруженными людьми.

По счастью, им и не обязательно было искать укрытие там. Буровые всегда обрастали кругом сомнительных заведений. Изгои делали свой бизнес на таких же изгоях: бары, стриптиз-клубы, порнуха… Но где-то неподалеку должна была находиться также более солидная инфраструктура — в том числе, общежития нефтяников. Две машины неслись наперегонки с черным облаком, надвигающимся с востока. Впереди показалась дорога, отходящая вбок от шоссе. Въезд на нее закрывали ворота, но сейчас они были распахнуты. За воротами располагался торговый центр — с продуктовым магазином, универмагом, газетным киоском — и стоял ряд основательных бетонных строений, похожих на ящики и служивших общежитиями из непритязательных одно- и двухкомнатных номеров для персонала буровых.

Турк сидел в головной машине вместе с Лизой и доктором Двали. Он оглянулся и увидел, что вторая машина заезжает на стоянку торгового центра. Двали тоже развернулся и затормозил

вслед за ней у магазина.

— У нас нет еды, — сказала Диана.

— У нас нет времени, — отрезал Двали. — Пора прятаться.

— Например, вон в том доме? Я бы предложила вам пока взломать дверь или сделать еще что-то, чтобы мы мог ли в него попасть. А мы присоединимся к вам, как только раздобудем еду.

Двали такое предложение явно не нравилось, но Турку оно показалось вполне резонным. У них практически не оставалось самых необходимых припасов, а пылевая буря может запереть их в укрытии неизвестно на какой срок.

Только побыстрее, — мрачно согласился Двали.

* * *

Безвестные проектировщики этих рабочих бараков даже не пытались как-то скрасить казенный характер своих построек. Снаружи здания окружал голый растрескавшийся асфальт. По соседству с парковкой находился теннисный корт, огороженный рваной рабицей. Дверь, к которой подошел Турк, представляла собой пустотелую стальную коробку, выкрашенную в стандартный желтый цвет. Не было сомнений, что по ней не один год стучали и били ногами пьяные вдрызг нефтяники. Дверь была заперта, но замок оказался хлипким — хватило пары ударов по нему монтировкой. Двали с тревогой посматривал то на Турка, то на приближающееся облако. Свет таял на глазах, солнечный диск сужался и становился все мутнее.

Турк управился с дверью и шагнул в темноту, за ним Двали, потом Лиза.

— Вот черт! — воскликнула Лиза. — Ну тут и вонь!

Надо было спешить. В холле было множество дверей.

Они заглядывали то в одну, то в другую. За дверями оказывались крошечные номера, больше похожие на клетки, с маленькими окошками под потолком и совмещенными санузлами. Повсюду — оставленная гнить еда или несмытые унитазы. Наконец нашлись три сравнительно чистые комнаты, две по соседству и одна напротив, — прежние обитатели которых не оставили по себе следов вопиющего свинства. Лиза рванулась было к окошку, чтобы его открыть, но Двали остановил ее: «Нельзя, там пыль. Что поделаешь, придется потерпеть вонь».

Электричества не было. Свет продолжал таять. Турк и Двали выгрузили все из багажника машины. Только что был полдень, и вдруг наступили грязные сумерки. Пепел повалил с неба, как снег.

— Где же они? — сказал Двали.

— Сходить за ними? — предложил Турк.

— Не надо. Они знают, где нас искать.

* * *

Диана и Сьюлин оставили миссис Рэбка в машине наблюдать за Айзеком, а сами отправились чем-то поживиться в магазине. Его и так уже почти дочиста разворовали, но им удалось найти в подсобке несколько коробок с консервированными супами — не самая аппетитная на свете вещь, но продержаться поможет, если пепельная буря затянется надолго. Они затолкали пару коробок в багажник, и тут небо стало темнеть.

— Еще бы одну, — сказала Диана, глядя на черное облако. — Нам надо срочно прятаться.

На пустые прилавки и стены магазина падал рассеянный свет. Часть прилавков уже рухнула после предыдущего землетрясения. Диана и Сьюлин подхватили каждая по коробке и устремились к двери, топча ногами битое стекло и мусор.

Едва они выбрались на улицу, как раздался крик Айзека. Диана тут же выронила коробку, и банки со всем их содержимым рухнули на асфальт. Подбежав, она распахнула дверцу машины и обернулась к Сьюлин:

— Помогите мне!

Мальчик орал, казалось, прерываясь только, чтобы подышать. У Дианы промелькнула мысль: такие ужасные крики сами по себе опасны, не могут легкие ребенка издавать таких звуков. Айзек метался и бился в истерике. Она схватила его за руки и крепко держала их, это оказалось не так-то просто. Миссис Рэбка тем временем пыталась вставить карточку-ключ в узкую прорезь и завести машину.

— Я не знаю, чего он орет! Я не могу его успокоить!

Теперь все зависело от того, сумеют ли они добраться до укрытия.

— Ну поезжайте же! — крикнула Диана.

— Не могу! Она не заводится!

Буря обрушилась со всей силой. Это были уже не те прежние, внушающие ужас облака пыли, а сплошной её поток, налетевший из пустыни, за считанные секунды настигший их и накрывший с головой. Как только посыпалась пыль, Диана лишилась голоса.

Она задыхалась, ее чуть не рвало. Айзек тоже замолк, едва вдохнул пыль. Свет совсем померк, а воздух сделался непроницаемо темным и плотным. Диана с трудом выплюнула

эту гадость, залепившую горло, и прокричала:

— Его надо туда!

Слышала ли ее миссис Рэбка? Слышала ли Сьюлин? Сьюлин услышала. Едва различимой тенью она приблизилась к Диане, помогла ей вытащить мальчика из машины и перенести в магазин, а миссис Рэбка следовала сзади, цепляясь за нее.

Магазин был не лучшим убежищем. Небеса словно прорвало, и пыль валилась непрерывно. Диане и Сьюлин удалось кое-как подхватить Айзека под руки и довести до подсобки. Он и сам изо всех сил старался им помочь. Они захлопнули за собой дверь, и все погрузились в кромешную тьму. Им ничего не оставалось, как только ждать, пока пепел осядет, чтобы можно было хотя бы дышать. Ничего подобного никто из них не ожидал. А у Дианы пронеслось в голове: «Неужели после всех этих лет именно здесь придется умереть?»

ГЛАВА 26

С той самой минуты, как обрушилась буря, Двали, Турку и Лизе стало ясно, что женщины-Четвертые и Айзек не успеют к ним присоединиться.

Потому что «буря» была нисколько уже не книжным словом и не походила на те сравнительно невинные выпадения пепла, не более страшные, чем снегопады ранней осенью в Вермонте, или на диковинный космический феномен, который к утру развеется сам собой. Если бы такое случилось в Порт-Магеллане, город оказался бы отрезанным от внешнего мира не на один месяц. Это походило на самое настоящее наводнение, даже потоп. Они находились на полностью обезлюдевшем Дальнем Западе, став здесь единственными очевидцами случившегося. Помощи было ждать неоткуда.

Более всего угнетала темнота. Когда группа разделилась, у них осталось всего два аккумуляторных фонарика, находившихся в машине Двали. Оба были полностью заряжены и, если верить производителю, этого должно было хватить на сотню часов работы, но и их света едва доставало, чтобы высветить крохотный кусочек пространства. Турк и доктор Двали настояли, что необходимо обойти все три этажа здания и проверить, не раскрыты ли где окна. Это само по себе было непростой и рискованной задачей. Завывание ветра напоминало о том, насколько они одиноки в этом заброшенном здании. Пепел все равно проникал внутрь через невидимые щели и дыры, сыпался в лестничные пролеты. Частицы его мерцали в свете фонариков, а его запахом пропитывалось все — одежда, тела.

В результате они укрылись в комнате на третьем этаже. В ней было окно, позволявшее наблюдать за тем, что творилось снаружи (если утро наступит, подумала Лиза, если солнце еще раз покажется им). Турк достал перочинный ножик, вскрыл им банку говяжьей тушенки и разложил ее по пластиковым тарелкам, которые обнаружил в кухонном буфете.

Судя по тому, что тут творилось, подумала Лиза, нефтяники больше всего походили на зеленых первокурсников. Сердитых, подавленных первокурсников. Об этом свидетельствовали разбросанные повсюду пустые бутылки, горы тряпья по углам, рваные страницы журналов с Самыми Большими Сиськами На Свете.

Двали беспокоился об Айзеке. Жалел, что «его с нами нет», волновался, не отразится ли новое выпадение пепла на его «коммуникативных способностях». Лизе казалось, он способен

говорить об этом часами, что начинало уже попахивать безумием. Наконец она не выдержала и сказала:

— Если вы так о нем заботитесь, почему же вы так и не дали ему фамилию?

Двали посмотрел на нее искоса.

— Мы воспитывали его всей общиной. Миссис Рэбка дала ему имя Айзек, этого нам показалось достаточно.

— Айзек Гипотетиков, — сказал Турк. — Чем не фамилия? Учитывая родство.

— Не вижу тут ничего смешного, — ответил Двали. Но Лиза добилась чего хотела: он наконец замолчал.

Пепел падал гуще, чем когда-то в Порт-Магеллане и в Басти. Наводя фонарик на окно, Лиза видела перед собой искрящуюся серую стену, за которой уже ничего нельзя было различить. Даже не хотелось думать, что на этом месте может взойти.

* * *

Прошло немало времени, прежде чем за захлопнутой дверью в подсобке продуктового магазина пепел осел, и воздух стал пригоден для дыхания. Конечно, относительно пригоден. Все же в какой-то момент Диана почувствовала, что боль в груди отпускает, сухость в горле уже не так нестерпима, и голова перестает кружиться.

Сколько продлилась буря? Сколько времени они уже пробыли здесь? Она даже приблизительно не могла сказать. Не было ни дневного света, ни света вообще. Они не успели достать из машины фонарики или прихватить что-то, что могло бы пригодиться в такой ситуации. Единственное, что напоследок удалось, это разыскать — на ощупь и по памяти — в тесных закромах магазина то, что могло помочь очистить горло от пыли: запас газировки в пластиковых бутылках. Она была теплой, пенилась на языке и, смешиваясь с частицами пепла, имела привкус горелой шерсти. Но, если выпить ее достаточно, можно было уже хотя бы разговаривать.

Три женщины поочередно склонялись над Айзеком. Он лежал на бетонном полу и шумно дышал. «Он сейчас как оселок, которым нас всех проверяют на подлинность», — подумала Диана. Ему тоже удалось сделать несколько крошечных глотков из бутылки, но у него опять начиналась лихорадка. От высокой температуры его тело буквально исходило жаром. С того самого времени как посыпался пе пел, он молчал. Или был не в силах говорить.

«Мы тут — как три ведьмы из „Макбета“, — подумала Диана. — А он — наш кипящий котел, в который мы заглядываем».

— Айзек, — повторяла миссис Рэбка. — Айзек, ты меня слышишь?

Айзек откликнулся легкой дрожью, которую можно было понять как «да».

Диана прекрасно понимала, что сейчас им всем может прийти конец. Ее, конечно, страшила предстоящая боль, как и угнетала здешняя обстановка. Но она была Четвертой. Все они здесь были Четвертыми, даже Айзек в какой то мере. Все примерно одинаково относились к смерти. В конце концов, она прожила очень долго. Она помнила еще мир до Спина, Землю, которой потом не стало, но которую сохранила ее детская память в ту последнюю ночь: дом, поляна, звездное небо. Тогда она верила в Бога. Бога, который, любя мир, наделяет его смыслом.

Бог исчез. Даже такой, наверное, какого представлял себе безумный доктор Двали, когда задумал сотворить Айзека. Для нее все это уже в прошлом, эта болезненная вера в искупление. Она жила с этим… жила этим. В этом отношении она мало чем отличалась от своего брата Джейсона. А мания Джейсона немногим отличалась от мании Двали. С той только разницей, что он пожертвовал собой, а не чужим ребенком.

Айзек начал дышать спокойнее, и тело его слегка расслабилось. Диана гадала, как на него подействовало последнее выпадение пепла. Разумеется, речь могла идти о связи между мальчиком и всей этой «машинерией» — тем полуживым, что находится в пепле, возрождается, прорастает из него. Но что это такое? Какова его цель? Зачем это нужно?..

Голова у нее все еще слегка кружилась. Кажется, она умудрилась проговорить все это вслух.

— Ни за чем, — ответила Сьюлин Муа. Голос ее превратился в какое-то карканье. — В этом нет смысла, это ничего не значит! Доктор Двали не желает этого признавать, но все это ерунда. Гипотетики — сеть самовоспроизводящихся машин. В этом мы все более или менее уверены. Но это не разум, Диана. Они не могут говорить с Айзеком. По крайней мере не на «ты», как мы с тобой.

— Ну вы загнули, — сказала из другого угла невидимая миссис Рэбка. — Вы ошибаетесь. Вы слышали голос ребенка, которого давно нет на свете. Это вы называете — «не могут говорить»?..

Марсианка промолчала. «Ну и странная беседа в темноте, подумала Диана, — и сколько же в нас „четвертости“!» Если б она сама не была Четвертой, что бы она сейчас ощущала? Наверное,

только всеобъемлющий страх. Страх и клаустрофобию — от размеренного стука пепла о крышу (хотя все давно понимали, что никакой это не *пепел),*от чего вполне могли вскоре обрушиться балки и перекрытия магазина.

— Он говорит, что он помнит Эша, — сказала Сьюлин. — Но память — свойство машин также. Возьмите любой мобильник — у него больше памяти, чем у многих млекопитающих. Я полагаю, что первые машины гипотетиков были посланы во Вселенную с целью сбора информации. Они, наверное, и до сих пор это делают все более и более изощренными способами. Машины убили Эша, и им стали доступны его воспоминания. Он превратился в информацию, а Айзек — в приемник.

— То есть Айзек превратится в информацию?! — переспросила миссис Рэбка.

Голос ее вдруг сделался таким тихим, что Диане подумалось: «Вот наконец раскрылось ее сердце». Миссис Рэбка уже знала, что ее сын умрет, что другого исхода после соприкосновения с гипотетиками просто не может быть, но часть ее ума все еще сопротивлялась этой правде.

— А может, он помнит и Лоутона? — сказала Сьюлин, — вы ведь об этом, Диана, хотели спросить?

Чертова ведьма с Марса с ее проницательностью! Не даром ее даже собственная планета своей не признала. Свой народ, свои Четвертые. Но хуже было, что она и правда, попала в точку. Это действительно был тот вопрос, который Диана никак не решалась задать.

— Может, лучше не надо? — испугалась Диана.

— Здесь нет доктора Двали, он нам не помешает. Он хотел оставить откровения Айзека для себя одного. Но сейчас его здесь нет.

— Ну и что с того? — спросила Диана, почти в панике.

— Айзек! — позвала Сьюлин.

— Прекратите! — выкрикнула миссис Рэбка.

— Айзек, ты меня слышишь?

Миссис Рэбка опять крикнула: «Хватит!», но тут едва слышно отозвался Айзек: «Да».

— Айзек, — спросила Сьюлин. — Ты помнишь Джейсона Лоутона?

Хоть бы он сказал «нет», взмолилась Диана.

— Да, — ответил Айзек.

— Что бы он сказал, если бы он был сейчас здесь?

Айзек прочистил горло. Голос его звучал как-то сыро и сдавленно:

— Он бы сказал: «Привет, Диана». Он бы сказал…

— Не надо, пожалуйста! — воскликнула Диана. — До вольно…

— Он сказал бы: «Диана, берегись. Это сейчас произойдет. Последнее…»

Что произойдет, они не успели даже переспросить. Оно уже началось.

Удары исходили из самой глубины земли, из меловых толщ. Здание содрогалось, полы ходили ходуном, ни о чем думать было уже невозможно, и этому не предвиделось конца.

ГЛАВА 27

Один Айзек видел, что происходит.

Он много чего видел, но мало что мог объяснить даже самым близким людям — миссис Рэбка и Сьюлин Муа.

Например, он видел себя. И яснее, чем когда-либо, несмотря на то что в разгромленной подсобке магазина царила темень. Не собственное тело, конечно, а присутствие гипотетиков в себе, выглядевшее чем-то вроде серебряной пряжи. Она слилась с его нервной системой, пустив в теле тонкие корневища своих волокон, которые сплетались и превращались в мерцающий столб, — это был его собственный позвоночник. Если б кто-то увидел его таким, каким он видел себя сам, этот кто-то, наверное, ужаснулся бы. Да и сугубо человеческая часть Айзека этому ужасалась. Но ее голос постепенно слабел и угасал, а другой, противоположный, наоборот, внушал ему: «Ты прекрасен, как электрический ток, как салют».

Трех женщин вокруг себя — миссис Рэбка, Сьюлин и Диану — он видел тоже перед собой, но их свечение было намного слабее. Айзек догадывался: это из-за курса Четвертых, благодаря которому в них просочилось немножко — совсем немножко — той жизни, что была в гипотетиках. Они выглядели расплывчато, как фонари в тумане, тогда как он себе казался сияющим прожектором.

Еще он видел, как падает пепел за окном. Для него это был звездный танец, где каждая звездочка сияет своим светом и теряется в общем сиянии. Но, какими бы яркими они ни были, он видел и то, что за ними, — особенно на западе.

Бесплотно-хрупкие машины гипотетиков падали не по случайным траекториям. Эти траектории сходились в том месте, где из толщи пустынных пород прорастало и поднималось что-то совсем древнее. Оно лениво ворочалось, как сонный бегемот, и опрокидывало буровые вышки, ломало насосы и трубы. Земля тряслась. Оно шевелилось снова и снова, по мере того как падал пепел, словно откликаясь на какие-то неведомые сигналы и оживая.

Вот оно заворочалось опять, как свирепый зверь. Земля уже не дрожала. Она *ревела.* Айзек-человек ничего не видел и не слышал, зато другая его часть внимала стону сдавленной до предела и надломившейся скалы, на которой стоял дом, слышала грохот осыпающихся стен. Айзек снова ощутил в горле едкий воздух, дышать стало трудно и больно. Но это не имело значения для той его части, что умела *видеть.*

Это машина, проносилось у него в голове. Огромная машина, рывками поднимающаяся из-под земли в темной пустыне в сотне или больше миль к западу. Это машина — но она живая. Машина, но живая. Эти понятия не исключают друг друга. Голос в нем — тот, что прежде был голосом Джейсона Лоутона, — произнес: «Живая клетка ведь тоже белковая машина». То, что падает с неба, и то, что встает из-под земли, — тоже жизнь, только иначе устроенная.

То огромное, что взламывало землю на западе, напоминало Арку, судя по тем изображениям, что Айзеку доводилось видеть. Это было гигантское полукольцо из той же материи, что и пепел, только уплотненной и по-другому структурированной, чье молекулярное строение опровергало все законы природы. У Айзека не было слов для ее описания, но память Джейсона Лоутона подсказала ему слова: «сильные и слабые взаимодействия». Арка завораживающе мерцала, как радуга, переливаясь оттенками, которым нет названий. Это была Арка, предназначенная для перехода, но она не вела ни на какую другую планету.

И сейчас через нее проходило нечто. За ней зияла чернота, в которой ничего не мог различить даже Айзек, а над ней поднимались к звездам сияющие облака.

* * *

Толчки следовали один за другим, не переставая. В кромешной темноте это вызывало непереносимый ужас. Первые секунды Диане как-то удавалось еще с ним справляться, мысли ее все еще крутились вокруг брата Джейсона. А потом здание начало рушиться.

Поняла она это по неожиданному удару и резкой боли в шее и правом плече. Она не успела даже сообразить, что это, и потеряла сознание. Пришла она в себя от боли и тошноты. Она задыхалась, чуточку воздуха ей удалось поймать ртом, но совсем чуть-чуть.

— Не двигайтесь, — услышала она чей-то гортанный голос.

Кто это, миссис Рэбка? Нет, наверно, Сьюлин Муа. Диана попыталась ответить ей, но не смогла из-за спазмов в бронхах. Она попробовала сесть, или хотя бы повернуться на бок, чтобы не вытошнило на себя. Но оказалось, что левая половина ее тела размозжена, мертва и ни на что не годна.

— На вас обрушилось полпотолка, — сказала Сьюлин Муа.

Диана подавилась тошнотой и ее едва не вырвало. К счастью, спазм отпустил и земля тоже успокоилась — толчков больше не было. Она собралась было оценить свои телесные повреждения, но ее ум был слишком для этого затуманен, а тело нуждалось хотя бы в глотке свежего воздуха. Ей было больно. И страшно. Не смерть как таковая ее страшила, а то, как она приходит к ней. Кто и почему решил, что ее жизнь должна оборваться сейчас, вот здесь, под завалами.

Она снова подумала о Джейсоне. Откуда эти мысли о Джейсоне? Потом вспомнила о Тайлере, своем покойном муже. Но думать ей стало совсем трудно, и она снова потеряла сознание.

* * *

Айзек понимал, что Диане очень плохо. Это было видно даже в темноте, по ее угасающему внутреннему сиянию. По сравнению со Сьюлин Диана выглядела задутой свечой.

Но ему сейчас было сложно думать о ней. Его завораживал тот невидимый пейзаж, что представал его глазам. Завораживал — потому что он сам был частью его, он им становился. Но… это могло подождать. Теперь, когда из молекул машин гипотетиков, из магмы пород и гранита, из памяти, на западе собралась новая Арка, — можно было позволить себе передышку. Серое одеяло пыли, покрывшее землю на много-много миль вокруг, готовилось к новой стадии перехода. На это потребуется время, и ему надо было только подождать.

Миссис Рэбка и Сьюлин Муа были поражены, когда он вдруг пополз по рухнувшим балкам, обломкам гипсокартонных стен вентиляции и монтажной пены туда, где лежала Диана. Ее придавила огромная балка. Легкие Айзека тоже с трудом выносили затхлый воздух, а рот был полон пыли, но он хотя бы мог дышать, а Диане это явно давалось с трудом. Он подполз к ней и сказал, что его тоже что-то стукнуло по голове. Он стал гладить ее по волосам, как это делала с ним миссис Рэбка, когда он болел. Но над левым ухом Дианы в том месте, которого коснулась его рука, оказался липкий провал. Он отдернул руку, почувствовав, что измазался чем-то клейким.

* * *

Тайлер Дюпре умер в один из дней нескончаемого

экваторианского августа.

Диана отправилась с ним просто погулять на крутой холм на побережье, чтобы посидеть на самой его вершине и полюбоваться лесом — его темно-зеленым покровом, скатывающимся по склонам к берегу моря.

Оба они были уже немолоды по любым меркам. Большую часть своей затянувшейся жизни они прожили, уже будучи Четвертыми. Тайлер периодически жаловался па усталость, но все равно исправно выезжал к пациентам. В основном это были молодые рабочие, трудившиеся на кладбище кораблей, где травматизм не был редкостью, или жители деревень минангкабау, среди которых они с Дианой поселились. В тот день он сказал, что чувствует себя отлично. Он настоял на дальней прогулке, о которой говорил, что это «самые большие каникулы, какие он может себе позволить». Диана отправилась с ним наслаждаться прохладой в тени деревьев, понежиться на солнце на горном лугу, но бдительности при этом не теряла.

Дело в том, что у Четвертых обмен веществ происходит гораздо интенсивнее, чем у обычных людей, хотя и сбалансирован идеально. Четвертые выдерживают любые перегрузки, но, как и у всего живого, запас их жизненных сил не безграничен. Жизнь нельзя продлевать бесконечно, у всего есть свой срок. С Четвертыми обычно бывало так, что если они умирают, то делают это сразу.

Так вышло и с Тайлером.

Диана думала впоследствии: могла бы и догадаться, что это он имел в виду и зачем затеял такую далекую прогулку. Они пришли в одно местечко, которое он очень любил, но ему редко удавалось побывать там. Вниз сбегала широкая полоса гранита, сквозь которую прорастали горные травы. Они расстелили на земле одеяло, и Диана достала из рюкзака все, что припасла для такого случая: австралийское вино, свежий хлеб из булочной в Порт-Магеллане и холодный ростбиф — нечто противоположное рациону минангкабау, которого им приходилось придерживаться. Но Тайлер не был голоден. Он лег на спину, положив голову на бугорок, поросший мхом. Последнее время он казался Диане каким-то эльфом — исхудавшим, с кожей, к которой не пристает загар даже под таким солнцем.

— Я, пожалуй, посплю, — сказал он.

Палило августовское солнце и пахло скалами, водой, сырой землей. Тогда Диана и поняла, что он умирает.

Ее охватил какой-то атавистический порыв — спасти его. Ведь когда она болела и думала, что умрет, чтобы спасти ее, он провез ее чуть ли не через все континентальные Штаты. И ей бы

сейчас надо было его куда-то увезти.

Но она понимала, что это бесполезно. Лечение средствами Четвертых помогает только раз.

Поздно уже горевать.

Она опустилась перед ним на колени и стала гладить его по голове.

— Могу я тебе сейчас чем-то помочь?

— Мне здесь хорошо, — сказал Тайлер.

Она лежала рядом и обнимала его. Слишком поздно, все слишком быстро. Солнце садилось, пора было возвращаться домой.

Но вернуться домой могла только Диана.

Мне здесь хорошо.

Кто это сейчас говорил с ней в темноте? Ее брат Джейсон, который умер столько лет назад? Или же этот странный мальчик Айзек, чей голос так похож на голос брата.

— Я помню о тебе, Диана. Если ты действительно хочешь, я могу тебе помочь.

Она поняла, что он ей предлагает. Гипотетики хранили ее брата в своей неповоротливой памяти, обнимающей биллионы лет. Она помнила его другой памятью — и что ей до биллионов лет? Зачем стремиться туда, где брат?..

Она попробовала повернуться к Айзеку, но не смогла. Набрала воздуха в грудь и прошептала:

— Нет, не надо.

ГЛАВА 28

Когда началось новое землетрясение, Турк спал. Они с Лизой и доктором Двали расстелили на бетонном полу матрасы, легли спать и попытались уснуть. В какой-то момент Лиза перебралась в темноте к Турку. На обоих была грязная одежда, которую они не снимали много дней, но оба уже не обращали на это никакого внимания. Она обняла его сзади и прижалась коленями к его коленям. Ее теплое дыхание щекотало его шею и шевелило волоски на ней. И вдруг пол выгнулся, как живой, и воздух наполнился оглушительным грохотом. Турк едва различил в нем крик Лизы, и то только потому, что она кричала ему прямо в ухо. Он рывком повернулся на бок и тоже обнял ее. Они лежали, вцепившись друг в друга. Грохот нарастал немыслимым крещендо. Окошко, которое они совсем недавно закрывали с таким тщанием, выскочило из проема целиком и разбилось. Ничего не оставалось, как только лежать обнявшись и не давать друг другу скатиться по полу, наклонившемуся и вставшему дыбом, словно машина над обрывом.

Так они и лежали, пока все не кончилось. Сколько времени это длилось, Турк не мог бы сказать. Вечность средних размеров. В ушах у него звенело, а тело ныло от ушибов. Он наконец вдохнул полной грудью и спросил Лизу, в порядке ли она. Лизе хватило дыхания, чтобы ответить, что да.

— А вы, доктор Двали?

Тот отозвался не сразу:

— Ноге больно. А в остальном, кажется, ничего.

Хотя пол уже не трясся, у Турка продолжало шуметь в ушах, голова кружилась. Постепенно к нему возвращалось самообладание. Он подумал: а вдруг будут еще толчки?

— Не попробовать ли нам выбраться отсюда?

Двали был против. Пока пепел падает — нельзя.

Турк освободился из объятий Лизы и пополз наугад по усыпанному обломками полу. Он искал фонарик, который, перед тем как уснуть, сунул под матрас. Фонарик нашелся под той стеной, в которой еще недавно было окно. Луч фонарика высветил столбы пыли и царивший в комнате разгром. Сама комната не пострадала, кажется. Лиза свернулась на матрасе, бледная, как привидение, а Двали, такой же бледный, сидел в углу. Под левой ногой его расплывалось пятно крови — что-то острое свалилось на него, но, кажется, не причинило серьезного вреда.

— Что нам теперь делать? — спросила Лиза.

— Ждать до рассвета, — сказал Двали. — И молиться, чтобы это не повторилось опять.

«Если только будет рассвет, — подумал Турк. — Если эти бесплодные и богом забытые земли когда-нибудь еще увидят что-то похожее на солнце».

— Не хотелось бы выглядеть циничной, — сказала Лиза, — но я хочу писать. Чертовски хочу.

Турк посветил фонариком в сторону ванной.

— Стульчак там. Только я бы не советовал смывать. *И*двери вообще нет.

— Тогда, значит, надо отнестись к делу проще, — сказала Лиза и завернулась в одеяло.

Турк подумал, насколько бы он мог относиться ко всему проще… если бы не любил ее так.

* * *

— Кажется, светает, — сказала Лиза через час или чуть позже.

Осторожно ступая по битому стеклу, Турк подошел к оконному проему.

Пепел перестал падать. Турк ожидал увидеть землю, покрытую толстым слоем убийственной пыли, но увидел островки нанесенных ветром хлопьев. Даже воздух казался посвежевшим, без примеси серы, от которого уже отвыкли их легкие.

Свет, на который Лиза обратила его внимание, стал особенно заметным, как только выключили фонарик. Но до рассвета было еще далеко, небо оставалось темным, и этот свет исходил не с неба, а снизу. От улиц маленького поселка нефтяников, от рухнувших крыш, от песков — словом, от всего, на что выпал пепел.

Турк позвал Лизу и доктора Двали взглянуть на это. Ему самому вспомнилось, как иногда ночью в море за кормой тянулся светящийся след, возникавший от мерцания взбаламученных люминесцентных водорослей. Глядеть на это ему всегда было не по себе. Но сейчас свечение было сплошным и ровным. То ли сама пустыня, то ли космическая пыль, покрывшая ее, фосфоресцировала и переливалась всеми красками — от рубиново-красной и ярко-желтой до искрящейся синей. Краски мерцали, перетекая друг в друга, как северное сияние.

— Что вы думаете об этом, доктор Двали? — спросила Лиза.

По лицу Двали бежали разноцветные огни. Он ответил, часто дыша:

— Я думаю, мы сейчас ближе, чем кто-либо когда-либо, к тому, чтобы увидеть гипотетиков воочию.

— И что они тут делают?.. — спросил Турк.

Но на это не было ответа даже у доктора Двали.

* * *

С наступлением рассвета выяснилось, насколько им повезло.

Большая часть северного крыла здания обрушилась. Коридоры заканчивались грудами обломков или обрывались в никуда. Если б они поселились слева, а не справа от холла, они были бы давно погребены под завалами.

Как только достаточно рассвело, они спустились вниз по лестнице. Здание не выдержало бы еще одного удара. «Нам необходимо найти Айзека», — заявил Двали.

Но Турк не очень представлял, как им это осуществить, потому что с наступлением утра также выяснилось, что местность изменилась до неузнаваемости. Там, где была пустыня, стоял лес. Или нечто напоминавшее лес.

* * *

С большим трудом одолев лестничные марши в уцелевшей части здания, они добрались до двери. Двали заметно хромал, но на предложения остановиться и передохнуть отвечал неизменно отказом. Им надо обязательно, твердил он, найти Айзека — и остальных. «Остальные», как подозревала Лиза, были в его голове чем-то вроде сноски мелким шрифтом. Для него имел значение только Айзек — Айзек и триумфальное появление гипотетиков, чем бы оно ни обернулось.

— Ну давайте же, открывайте, — поторапливал Двали, указывая на дверь.

Турк и Лиза были вполне согласны с ним, что лучшее из того, что сейчас можно сделать, — это попытаться найти торговый центр, где они оставили Айзека и женщин. Но найти его будет не так-то просто. Когда Лиза на рассвете выглянула в окно, то увидела совершенно изменившийся ландшафт, ничем не напоминавший вчерашний. Земля сплошь поросла неким подобием деревьев, если могут быть деревья из блестящих труб и радужных шаров, похожих на мячи. И у Лизы вырвался тот же самый глупый, безответный вопрос:

— *Зачем*?Для чего все это? Почему здесь, и почему сейчас?..

— Возможно, мы скоро это поймем, — отозвался Двали.

* * *

Судя по уже имеющемуся опыту, размышлял Турк, растения гипотетиков не обращают внимания на людей. Кроме, конечно, Айзека, — но он не совсем человек. Будет ли так и на этот раз?

Он слегка приоткрыл дверь. В нее ничего не врывалось, и он решился выглянуть наружу.

Его лицо обдала приятная прохлада. Серный запах исчез. Как и сам пепел. Он превратился в лес, раскрашенный безумцем. «Цветы», которые они видели в Басти, на его фоне выглядели бы засохшими нарциссами. А здесь был сад в самом разгаре лета. Так сказать, гипотетический Эдем.

Он распахнул дверь целиком. Из-за его спины выглядывали Лиза и доктор Двали.

Из пыли поднялся частокол стволов, увешанных шаровидными плодами вместо листьев. Стволы трупно-синих оттенков и высотой двадцать — тридцать футов росли так тесно, что между ними едва можно было протиснуться. Шары, составлявшие их кроны, были самых разных размеров: одни — величиной с толстостенный аквариум для золотой рыбки, другие — как детские надувные мячи, были и такие, что попавший в них человек легко мог бы распрямиться в полный рост. Они соприкасались друг с другом, чуть сминаясь в местах соприкосновения и образуя почти сплошную прозрачную массу. Сквозь нее едва проникал слабый и переливающийся всеми оттенками радуги свет.

Турк осторожно шагнул вперед. С того места, где он стоял, был виден весь ряд рабочих бараков, вплоть до северного крыла того из них, где они ночевали. Три этажа его были смяты в лепешку, остался один фундамент. «Хвала Господу, что мы не оказались там — подумал Турк. — И помоги, Господи, Айзеку и женщинам — хоть бы они тоже успели вчера где-нибудь укрыться!»

Стволы диковинных деревьев — Турк называл их про себя «стволами», хотя с тем же успехом их можно было счесть фонарными столбами, — проросли из-под земли. В тех местах, где была мостовая, они попросту взломали ее и поднялись ввысь. Турк не мог решить, куда им двигаться: на расстоянии сорока — пятидесяти ярдов все расплывалось, со всех сторон виднелся только мерцающий голубоватый туман. Найти магазин, возле которого они в последний раз видели Айзека и женщин можно

было разве что по компасу или по оставленным вчера следам, если они могли сохраниться.

— За счет чего *они*растут? — спросила Лиза полушепотом. — Здесь же нет воды.

— Я думаю, здесь ее побольше, чем в тех местах, где они растут обычно, — предположил Турк.

— Либо они живут за счет каких-то автокаталитических процессов принципиально другого обмена веществ, не требующего воды, — сказал Двали. — За ними — биллион лет эволюции в куда более жестких природных условиях.

Если эти существа можно назвать видом или расой, подумал Турк, и если за ними биллион лет эволюции, — то они куда древнее человеческой расы.

* * *

В полном молчании они шли по лесу гипотетиков. А вот сам лес не молчал. Внизу не ощущалось никакого ветра, но ветер слышался. Радужные шары, венчающие трубчатые стволы, время от времени вдруг сталкивались, издавая звуки, напоминающие удары резинового молоточка по ксилофону. Под ногами тоже все время что-то менялось. Тонкие синие трубки, похожие на корневища, внезапно приходили в движение и скользили между деревьями со стремительностью и силой, очень напоминающей удар хлыста, так что, не переступив вовремя такой «корень», можно было запросто и ногу сломать. Турк дважды замечал над головой порхающие объекты, похожие на бумажные листы. Они то притрагивались к шарам и улетали, то проникали внутрь них. Вроде той штуки, что напала на Айзека в Басти, приняв его за одного из «своих» — или не приняв, а узнав?..

Лиза шла вплотную вслед за Турком. Он слышал, как у нее перехватывало дыхание всякий раз, когда что-то трещало под ногами или пролетало над головой в сумрачном, колеблющемся освещении. Ему было горько сознавать, что это он виноват в ее страхе и всем том, что еще предстоит ей вынести, пока они не выберутся отсюда. Он обернулся к ней и сказал:

— Прости, что я втянул тебя во все это…

Она не дала ему докончить:

— Ты правда думаешь, что ты в ответе за все, что произошло?

— Во всяком случае, за то, что взял тебя с собой в этот идиотский вояж на запад…

— Я здесь по собственному выбору.

Это было правдой. И все-таки… «Она здесь из-за меня», —

думал Турк. Этот неверный колеблющийся свет словно вызывал к жизни тени прошлого. В его памяти теснились любимые женщины, оставленные им или оставившие его, друзья, ставшие врагами, и другие — искалеченные или убитые в драках, погибшие в море. «Все мосты мои сгорели. И за мной дорога слез», — вспомнилась ему строчка из песни. Он не желал Лизе чего-то такого. Не хотел, чтобы она не могла вернуться к другой жизни — такой, которую еще могла бы себе устроить, в которой возможны покой, семейное тепло, есть шанс на что-то более достойное, чем то, что он способен ей предложить, проводя дни и ночи в полетах, месяцы на койках в трюмах вонючих танкеров, неся в себе тяжелый груз горестных воспоминаний. Она ждала от него того, чего он не мог ей дать, постепенно разочаровываясь в нем и ожесточаясь.

Он должен найти способ, как вызволить ее из этих джунглей. А затем — лишь бы у него хватило на это мужества, даже пусть кто-то назовет это жестокостью — оставить ее.

* * *

Это и есть долгожданный выход на связь, полагал Аврам Двали.

В этом у него не было уже никаких сомнений. Их окружали гипотетики — маленькая, но важная часть сети, составляющей их огромный непостижимый разум. Как заявила в одной из дискуссий эта догматичка марсианка — все это процесс не более сознательный, чем образование спор плаунов или икры береговых улиток. Можно как угодно на него смотреть, но все равно это всего лишь эволюция, и разума в ней столько же, сколько в морских приливах. Но она ошибалась. Он чувствовал это. Он не имел ни малейшего представления, как именно эти организмы растут, каким образом они добывают себе питание из этой выжженной земли. Но во всем, что происходило вокруг, он видел выход на связь. Растения вырастали не в случайном порядке, а повинуясь исходящим откуда-то сигналам.

Он смотрел на чащу леса. Сгрудившиеся шары все время меняли оттенки, и ему казалось, что цвет каждого изменяется в зависимости от изменений цвета его ближайших соседей. Безусловно, это происходило не хаотично, а по каким-то законам. Бегущие узоры наполняли лес, словно стаи невидимых птиц. Это явно была коммуникация — в том же смысле, в каком клетки человеческого мозга взаимодействуют друг с другом, порождая в совокупности феномен сознания. Быть может, сейчас они не через

чащу леса пробираются, а через физическую архитектуру какой-то огромной мысли — мысли, которой ему никогда не постичь.

Но, может, это удастся Айзеку. Если только мальчик жив и если наконец понял назначение того дара, которым наградил его Аврам Двали.

ГЛАВА 29

Воздух полуразрушенной подсобки становился все горячее. Пыль в воздухе почти не чувствовалась — видимо, осела наземь, — но в каморке стояла невыносимая духота. «Рано или поздно, — думала Сьюлин, — нам придется отсюда выбираться. И лучше бы пораньше, но что делать с Дианой?» Сьюлин старалась отогнать от себя эти мысли.

Она проползла еще раз по всему периметру помещения, нащупывая руками, что бы могло пригодиться — ка кой-нибудь острый камень или арматуру. Ничего не нашла.

Она уже начинала верить, что придется ей умереть и этом жутком месте на этой жуткой планете, преследуемой духом Эша. Эша, в которого вселились, что называется, гипотетики.

В них она не верила в том смысле, в каком верил в них Аврам Двали, считая просто сетью самовоспроизводящихся машин. Какой-то давно угасшей цивилизации понадобилось когда-то засеять свой ближний космос этими машинами. Возможно, это повторялось неоднократно за прошедшие миллионы лет. В итоге образовалась сеть самовоспроизводящихся механизмов, и начался процесс ее эволюции в межзвездном пространстве. Процесс, отличающийся от органической эволюции в деталях, но не в самом принципе. Органическая эволюция тоже порой порождает странное, сложное, непонятное. И даже такие инженерно продуманные решения, как барьер Спина, окруживший Землю и Марс, или Арки, соединяющие планеты, находящиеся на огромном расстоянии друг от друга, — в конечном счете не больше свидетельствуют об участии разума в их создании, чем коралловые рифы или термитник.

Периодичность выпадения пепла и те безумные артефакты, которые из него вырастают, сами по себе это доказывают. Растениям свойственны тропизмы, заставляющие их определенным образом реагировать на свет, тепло, влагу. У Эша с Айзеком попросту развилась обостренная и болезненная чувствительность к чужим тропизмам. Эш не мог быть никаким коммуникатором — по той простой причине, что не с кем вступать в коммуникацию.

Эволюция в конечном счете приводит к появлению сознания. Сьюлин полагала, что и долгая межзвездная эволюция гипотетических машин тоже может порождать сознание, но очень ограниченное и нестойкое. Такое сознание если и существует, то является не целью процесса эволюции, а его побочным продуктом. Подобный разум ничем не управляет. «Гипотетиков» — таких,

какими их представляет себе доктор Двали — не существует и никогда не существовало.

И все же ей не давал покоя тот очевидный факт, что Айзек помнит Эша, умершего за много лет до рождения Айзека. Пусть Эш растворился в сетевой памяти гипотетиков, но разве можно вызвать его оттуда волевым усилием? И кому или чему принадлежат эти воспоминания?..

— Сьюлин…

Это была миссис Рэбка, ни на минуту не отлучавшаяся от Айзека. Голос ее доносился словно издали из кромешной темноты их запечатанной гробницы.

— Да?

Вы слышите это?

Сьюлин отвлеклась от своих мыслей и прислушалась.

Что-то скребется и звуки «тук-тук-тук», словно кто-то стучит по камню. Звуки становились отчетливее и громче.

— Кто-то пытается нас откопать. Это доктор Двали! — воскликнула миссис Рэбка. — Они нас нашли и хотят спасти!

Тук. Бух. Тук.

«Очень похоже», — подумала Сьюлин.

Но тут Айзек вдруг сказал громко и с поразительной ясностью:

— Нет, миссис Рэбка. Это не люди, которые хотят нас спасти. Это вообще не люди. Это *они*.

Сьюлин подалась в темноте туда, откуда слышался голос Айзека. Поборов ужас, спросила:

— Айзек… неужели тебе правда известно, что происходит?..

— Да, — ответил он недрогнувшим голосом. — Я их вижу.

— Кого? Гипотетиков?

Он помедлил с ответом.

— Можете и так их называть.

— Айзек, объясни мне, пожалуйста. Ты ведь принимаешь участие в этом сейчас, не так ли? Но с Эшем так не было. Ты мог бы это как-то объяснить?..

Какое-то время слышно было только это «тук-бух-бух» в стены их темницы.

Потом Айзек начал говорить.

ГЛАВА 30

Турк вел их за собой, пробираясь через инопланетный лес, прежде бывший поселком нефтяников, ориентируясь по растресканным остаткам мостовых и тротуаров. Ему удалось найти стоянку возле торгового центра по белым линиям на взломанном асфальте. Где-то рядом должен был находиться магазин, в котором они оставили Диану, Сьюлин Муа, миссис Рэбка и Айзека. Если только он уцелел. На разрушенном асфальте стоянки, по которому сейчас ступал Турк, деревья росли особенно густо, Свет под ними был совсем тусклым, хотя уже приближался полдень. Стоянку загромождали преграды из обломков досок, битой черепицы, искореженных алюминиевых листов. В сумраке за ними виднелся прямоугольный стальной скелет торгового центра. Кое-где продольные и поперечные балки были перекручены, словно корни деревьев.

— Надо бы пробраться туда, к южной части здания, — сказал Турк. Продуктовый магазин находился (вернее, еще мог находиться) там. Может, там еще что-то уцелело.

* * *

Призрачный лес, думала Лиза. Разве такое возможно?..

Она поймала себя на том, что вспоминает строчки из книжки, которую когда-то читал ей отец. И сказка, и сама книжка почти забылись, кроме этой строчки, что произносил отец нараспев: *и вот они вступили в сумрачный лес*. Да, они вступили в сумрачный лес. Лес, в котором гнездятся птицы, похожие на рваную бумагу. Лес, откуда (это было в той же книжке) *им следует бежать*. Но это легче сказать, чем сделать. В этом лесу водились волки, если не кто-то похуже. И она не знала дороги домой. Ей хотелось выбраться из темноты, ухватиться за руку отца, больше чем когда-либо.

В отчаянии Лиза принималась бранить себя, уже материнским голосом: «Элизабет, не будь дурой! Соберись. Веди себя правильно, детка».

Именно это она сейчас и пыталась делать, пробираясь по кучам, усыпанного штукатуркой металлолома. И тут Турк увидел вдруг машину, которую вела миссис Рэбка, перед тем, как они разделились. Лиза тотчас узнала ее по огромным шинам на стальных колесах. Машину трудно было не заметить: она лежала на боку. Ее опрокинул похожий на жезл ствол, проросший сквозь

асфальт. Она была так же бесполезна сейчас, как любая машина здесь, пока лес не засохнет и не осыпется на землю, во что верилось пока с трудом. «Если нам и удастся выбраться отсюда, — думала Лиза, — то только на своих двоих». Невеселая перспектива. Но у всего этого была и хорошая сторона: в машине не было никого — ни Айзека, ни женщин. Значит, они успели где-то спрятаться и, возможно, уцелели.

— Продуктовый магазин должен быть где-то тут, — сказал Турк.

Двали, забыв об осторожности, пробежал немного вперед — туда, где среди странной растительности смутно виднелись обломки фасада центра. Эту часть здания землетрясение не пощадило, и если женщины с мальчиком попытались укрыться тут, то скорее всего их уже не было в живых. Это было настолько ясно, что никому не хотелось произнести это вслух. Двали предложил немедленно приступить к раскопкам. Более бессмысленной затеи нельзя было придумать: они втроем — на многие тонны руин.

— Давайте сперва обойдем вокруг, — сказал Турк. — По моему ощущению, разрушения с той стороны не так велики.

Двали застыл в нерешительности, опустив плечи, на развалинах. Впервые Лиза испытала к нему что-то вроде сочувствия. Всю ночь и утро ее воображение рисовало Айзека и женщин в каком-то надежном укрытии. Группа снова воссоединится, после чего они с Турком отправятся дальше, к спасительной бухте на западном берегу, пусть даже чокнутые Четвертые решат остаться в этой Стране Безумия. Таков был ее оптимистический сценарий. Но теперь ей уже не верилось, что он сбудется. Сказка может окончиться трагически. Из сумрачного леса может не оказаться выхода. «Что, если, — думала она, — для Айзека и женщин сказка уже закончилась?»

* * *

Сзади здание на первый взгляд выглядело лучше, чем спереди, но только потому, что бетонные платформы для разгрузки товаров устояли во время землетрясения. Все остальное вокруг представляло собой груды развалин. У Лизы заныло сердце, а доктор Двали едва не плакал.

И только Турк с мрачной решимостью продолжал обходить завал по краю. Вдруг он обернулся, сделал знак всем остановиться и тихо спросил:

— Слышите?

Лиза замерла. Она слышала ставший уже почти привычным трепет леса — по верхушкам деревьев пробегал ветер, светящиеся шары продолжали свою игру на ксилофоне. Но откуда-то доносилось еще что-то. Совсем тихо. Что-то вроде поскребывания или рытья.

— Они живы! — сказал Двали. — Должны быть живы!

— Давайте не будем спешить с заключениями, — ответил Турк. — Идите за мной. И постарайтесь не шуметь.

Двали был Четвертым, и ему не составило труда подавить свой порыв воодушевления. Все трое шли на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Турк пытался определить, откуда исходит звук. По мере того, как с каждым шагом рытье и поскребывание становилось все явственней, Лизин оптимизм угасал. Было в этих звуках что-то не то. Их механический ритм и монотонность говорили о том, что вряд ли они были делом рук человеческих…

Турк снова сделал жест остановиться и кивком головы предложил им посмотреть вперед.

В одном из разрушенных отсеков здания что-то происходило. Как и заподозрила Лиза, эти звуки могли принадлежать гипотетикам. Здесь росла целая стена тех растений, что Двали называл «глядящими розами». Их глаза глядели из бутонов в сторону развалин. Обступившие их деревья покрыли всю землю густой сетью подвижных корней — местами крупных и заостренных на конце, местами плоских и заточенных по краю, как саперная лопатка. Это-то скопище корней и производило шум. «Сюр какой-то», — содрогнулась Лиза. Впечатление усугублялось тем, что руины состояли не только из бетона, стали и пластика. В них попадались также раздавленные коробки с крупой, консервы в банках, молочные пакеты. Лиза своими глазами видела, как чернильного цвета отросток обвился вокруг большой суповой кастрюли, ободрав красно-белую наклейку на ней, затем приподнял так, чтобы ближайшая «глядящая роза» могла ее изучить, после чего передал кастрюлю другому щупальцу, оно третьему и так далее, пока, наконец, кастрюля не пополнила свалку уже рассмотренного мусора.

Все это происходило с такой нелепой методичностью, что Лизе хотелось расхохотаться. Но вместо этого она стояла как завороженная, не в силах оторваться от этого зрелища. Если глядящие розы и знали об их присутствии, то не подавали виду. Раскопки шли своим чередом. Мусор разгребался, пробовался на ощупь, оглядывался, просеивался…

Лиза едва не закричала от неожиданности, когда Турк положил руку ей на плечо.

— Нам лучше отойти отсюда, — прошептал он.

Это показалось ей прекрасной мыслью, до которой она сама ни за что бы не додумалась.

* * *

Неужели уже близится закат? Лиза потеряла свои часы где-то по пути или в бараке нефтяников. Одна мысль о надвигающейся ночи ее ужасала.

Они не сразу решились заговорить. И то шепотом, как если бы глядящие розы могли их подслушать (может, и могли, впрочем).

— Жаль, что эти звуки оказались не тем, что мы думали… — сказал Турк доктору Двали.

Но у того по-прежнему в глазах светилась надежда.

— Да разве вы не понимаете, что это означает? Означает, что они живы под завалом. По крайней мере Айзек жив!

Понятное дело, что гипотетики искали именно Айзека. Пусть эти растения и не способны ничего чувствовать — ни поодиночке, ни сообща, — но они откуда-то знают, что камни и мусор преграждают дорогу к чему-то родственному им.

Они ищут Айзека. Но что они сделают с ним, когда найдут?..

— Нам остается только ждать, — сказал Двали. — Остановиться где-то здесь и ждать, пока они его откопают, и мальчик сможет оттуда выбраться.

«Да, выбраться на свою голову», — подумала Лиза.

ГЛАВА 31

Лежа в полной темноте на полу разрушенного магазина, Айзек отчаянно старался ухватиться мыслями за то, что оставалось в нем от него самого.

Сквозь завалы, окружающие его, он видел светоносный лес, огромные поля света, а посреди них — то невыразимо прекрасное, поднявшееся из расколотых толщ песчаников, с самого дна пустыни, то, чему память Джейсона Лоутона подобрала название «темпоральная Арка». Десять тысяч лет она провела в своем беспробудном сне, сдавленная скалами. Она звала его оттуда, куда указывала стрелка компаса, совмещаясь с буквой «W». Теперь она разорвала свои оковы, освободилась от тяжести земли, стала огромной и могущественной, и если б Айзек только мог вырваться из своего заточения, он бы тотчас устремился к ней.

— Айзек…

Голос марсианки доносился словно из немыслимой дали. Айзек пытался не обращать на него внимания.

Он видел Арку Времен. Но видел и другое. Например, как ни печально, тело Дианы Дюпре. Она умерла. Но то, что было не совсем человеческого в ней — ее «четвертость», — все еще теплилось в ее теле и пыталось его восстановить, хотя, конечно, это было уже невозможно. Свеча ее жизни догорела, превратившись в лужицу воска, где плавал угасший фитилек. Та часть Айзека, что была Джейсоном Лоутоном, переполнялась от этого скорбью.

Эти чужие памяти — принадлежавшие Джейсону, Эшу — поселились в его сознании и зажили собственной жизнью настолько, что он боялся потерять в них самого себя. Он погружался в воспоминания, и воспоминаниям не было конца, но только малая их часть принадлежала ему самому. Даже само слово «я» заключало в себе то две, то три сущности. *Я жил на Марсе. Я жил на Земле. Я живу в Экваториии.* Все эти утверждения были одинаково истинными.

К тому же ему не хотелось как-то подавлять эти борющиеся друг с другом памяти. Насколько это его пугало, настолько же и обнадеживало. С кем, как не с Джейсоном и Эшем, он сможет вступить в вихрь Арки Времен?

— Айзек, неужели тебе правда известно, что происходит?..

Да, известно. По крайней мере отчасти.

— Тогда объясни мне, пожалуйста… — Он узнал голос Сьюлин Муа. Она дружила с Эшем и дружила с Айзеком.

Объяснить мог только Джейсон Лоутон. Айзек повернулся к Сьюлин, нашел в темноте ее руку — как это сделали бы Эш или Айзек — и заговорил голосом Лоутона:

«Это своего рода подпрограмма… в сезонном цикле гипотетиков…» Он почувствовал точность этого слова: сезоны внутри эпох, приливы-отливы вселенского океана жизни. «В системах, которые… можно охарактеризовать как зрелые солнечные системы… структуры гипотетиков наращивают массу, аккумулируют информацию, размножаются, пока в какой-то критический момент самые старые из существующих экземпляров не запускают нечто вроде процесса образования спор… какая-то часть сети приносит себя в жертву памяти… внешне это выглядит, как превращение их в облака пыли и пепла… эти облака движутся по эллиптическим орбитам вокруг планет, на которые они осядут…»

— Они должны были сесть именно здесь? — спросила Сьюлин.

— Здесь, — то ли ответил вслух, то ли подумал Айзек. — На этой скалистой планете, которую они сделали сперва пригодной для существования потенциальной цивилизации, а затем и доступной для заселения.

— То есть они знают нас? — отрывисто спросила Сьюлин.

Айзека поставил в тупик ее вопрос. Но память Джейсона Лоутона подсказала ответ на него:

«Сеть накапливает информацию, объем которой исчисляется световыми годами и столетиями. Но некоторые биологические цивилизации живут так долго, что становятся восприимчивыми к ней. И, да, они заинтересованы в этих цивилизациях, поскольку те создают новые поколения машин, чтобы быть понятыми и принятыми…»

— Или сожранными! — докончила за него Сьюлин.

«Ну, в каком-то смысле, и так. И эти цивилизации порождают еще кое-что, что интересует сеть».

— Что?

«Руины, — ответил голос Лоутона. — Они порождают руины».

* * *

Снаружи, за бетонными стенами и их обломками, разыгрывался недоступный человеческим глазам и все ускоряющийся балет памяти.

«То, что сейчас происходит, — продолжал голос Лоутона, — я бы назвал вспоминанием. Десять тысяч лет эти машины

методично накапливали и распределяли между собой знание. Физически это знание сконцентрировано сейчас в светящихся сферах, образующих покров леса гипотетиков снаружи них. Оно должно быть сверено и отправлено дальше, сквозь Арку Времен. Эта Арка — нечто вроде рта, который должен вдохнуть в себя память обо всем: орбитах, климатах, эволюции планет, миллионах пересекающихся траекторий ледяных комет, на которых растут, развиваются и накапливают свою массу очередные поколения машин гипотетиков, это также сигналы из всех уголков галактики, которые предстоит обработать и отправить в будущее…»

— Что за память? — продолжала допытываться Сьюлин Муа. — И *чья* это память? Айзек… *чем* является то, что помнит все?

Чем оно является, он и сам не мог видеть даже «гипотетическим» зрением. На этот вопрос марсианки не нашлось ответа и в памяти Лоутона. Просто здесь и сейчас происходило самое обычное для сети явление. Обычное для разума… кого?., кого?.. *Диана, неужели это и правда растет где-то там, среди звезд? То, во что тебе раньше так хотелось верить!..*

— Айзек! Ты меня слышишь?

Но он не слышал. Он вернулся уже в бездну собственных мыслей.

* * *

Из того, что Айзек помнит Джейсона, следовало и обратное: Джейсон помнит Айзека. Его взрослые представления о жизни накладывались на детское восприятие Айзека, и это двойное зрение причиняло мальчику огромное неудобство и страдания.

Его жизнь представала перед ним словно в кривом зеркале. Например, миссис Рэбка. Он считал ее самым близким человеком и доверял ей всегда. Но стоило взглянуть на нее глазами Джейсона, как она становилась холодной, отчужденной — и никакой не матерью ему. Для Айзека она не подлежала ничьему суду. Для Джейсона она была олицетворением аморальности и безрассудства.

То же происходило в отношении доктора Двали. Для Айзека это был холодный бог, в чьем мире он жил. Для Джейсона — чудовище и маньяк.

Айзек изо всех сил старался не проникнуться ненавистью к этим людям, и даже та часть его, что была Лоутоном, сохраняла какую-то симпатию к миссис Рэбка. Она, как ни старалась это

скрывать, любила Айзека — и Айзек со стыдом сознавал, как трудно ей было любить *его*. Он возвращал ей ее вымученное безразличие и был не способен разглядеть ни ее боли, ни ее верности.

Теперь он это понял. Она уже больше часа не произносила ни слова. Айзек перебрался к ней и сел рядом. И разглядев ее своим «гипотетическим» зрением (он сам уже стал про себя это так называть), понял, что с ней происходит.

Обломки разрушенного землетрясением здания не пощадили ее. У нее была невидимая внутренняя рана, столь серьезная, что ее «четвертость» не могла с ней справиться. У нее открылось внутреннее кровотечение. Ее окружала аура багрово-медного цвета. Она непрестанно повторяла шепотом его имя, но стук и скрежет гипотетиков — за последние пару часов заметно усилившиеся — заглушали ее шепот.

— Мама, хочешь, я возьму тебя с собой? — сказал Айзек.

Сьюлин Муа, услышавшая его слова, спросила:

— Что ты имеешь в виду?..

Мать Айзека только кивнула в ответ.

И тут завеса тьмы разорвалась. В помещение ворвался прохладный свежий воздух, и в открывшемся проломе предстал светящийся лес гипотетиков.

ГЛАВА 32

— Надо бы нам сориентироваться получше, где мы находимся, — сказала Лиза, — пока не стемнело.

Турк поглядел на нее недоуменно. Он только что закончил сооружать вместе с доктором Двали некое подобие убежища под остатками бетонных опор, неподалеку от роющих землю деревьев. Он поймал неодобрительные взгляды, которые Лиза то и дело бросала в сторону доктора Двали, и сказал:

— Да, конечно, надо бы.

Он попросил Двали поискать в куче мусора, уже отсортированной деревьями, какие-нибудь консервы, пока они с Лизой сходят на разведку. Двали посмотрел на них подозрительно — ведь он был Четвертым и сходу распознавал любую полуправду, — но только кивнул и возражать не стал.

Турк и Лиза обходили по периметру разрушенное здание, огибая завалы. Как только они отошли на достаточное расстояние, Турк спросил:

— Ты действительно хотела сходить на разведку?

Лиза созналась, что ей просто хотелось побыть без доктора Двали, хотя бы немного.

— И вот бы посмотреть на эти деревья и все вокруг сверху.

— И как ты предлагаешь это сделать?

Лиза еще утром приметила в южной части здания уцелевшую часть стены с ведущей на крышу пожарной лестницей. Турк попробовал лестницу на прочность и счел, что она вполне выдержит их обоих. Пожалуй, при соблюдении осторожности это и правда было неплохой мыслью — оглядеть местность с высоты, пока не стемнело. Они поднялись по лестнице и стали на сетчатой стальной площадке, глядя в свете угасающего дня на полог из разноцветных шаров и не веря своим глазам.

Вид с крыши походил на то, что Лиза уже видела утром из окна барака, только к концу дня лес разросся во все стороны. Особенно в западном направлении, подумала Лиза в смятении, куда смотрит Айзек, — там из-под земли поднялось нечто воистину чудовищное.

Сумрачный лес расстилался под ногами, и с высоты в нем нетрудно было разглядеть руины человеческих построек. Вытянутые в линию развалины торгового центра разрезали лес, словно опрокинувшийся поезд. Здание, в котором они ночевали, торчало над деревьями, как задранный нос корабля, выброшенного на берег. Дальше виднелись силуэты буровых вышек, нефтеперегонных колонн и резервуаров. На бывших

нефтепромыслах что-то горело — вдоль горизонта тянулась неровная полоса черного дыма. Растения гипотетиков заполнили собой всю пустыню, отражая свет заходящего солнца и излучая свой собственный. (Лиза про себя сравнила это с ювелирной витриной, сияющей драгоценностями.) Сколько же вещества из пепла, воздуха и земли надо было пустить на эти деревья, чтобы они могли так вырасти! Наверное, на это пришлось бы употребить все строительные ресурсы Центральной Экватории. А тем временем на западе, в закатных лучах…

Крыша задрожала от вдруг налетевшего ветра.

— Держись! — закричал Турк, но Лиза и сама уже вцепилась мертвой хваткой в стальную балку.

На западе поднималось что-то огромное. Похожее на арку.

Лиза трижды путешествовала через Арку гипотетиков. Дважды в юности — когда она приехала в Порт-Магеллан с отцом и матерью, а назад вернулась только с матерью, — и один раз уже взрослой, сама. Та Арка, внушающая трепет, была слишком огромна, чтобы ее можно было объять взглядом. Те, кто проплывали под ней, видели только ближайшую опору, поднимающуюся из моря и теряющуюся в небе. С наступлением темноты можно было видеть еще фрагмент света, который отражался в зеркале моря, заливая его серебристым сиянием.

То, что сейчас представало их глазам, было много меньше. Арку, обрамлявшую закат, можно было увидеть всю целиком, но это только подчеркивало ее колоссальные размеры. Она поднималась в высоту миль на двадцать, если не на все пятьдесят. Свод ее терялся за облаками. При этом она выглядела изящной, даже хрупкой. Как она только выдерживала свой собственный вес? Но главное — что означало само ее появление здесь? Для чего она предназначалась?..

Ветер все сильнее раскачивал лестницу. Растрепанные волосы Турка падали ему на глаза, мешая смотреть. Лизе стало не по себе от выражения его лица. Ни разу еще с тех пор, как они познакомились, она не видела его таким растерянным, чтобы не сказать — напуганным.

— Пошли отсюда. Здесь слишком ветрено, — сказал он.

Она кивнула, соглашаясь. То, на что они смотрели, было нечеловечески прекрасным — и в то же время жутким. Что-то в нем было такое… Лиза спустилась по лестнице вслед за Турком. Они присели отдохнуть на нижней ступеньке. Над головой нависали шары. Лизе подумалось: «Мы сейчас как мышки — прячемся под большим грибом, укрылись от непогоды». Какое-то время они не разговаривали.

Потом Турк полез в карман своих грязных джинсов и достал

компас. Тот самый увесистый армейский компас в помятом медном футляре, который был с ним и в тот день, когда они впервые полетели в горы. Он открыл футляр и посмотрел на чуть колеблющуюся стрелку, словно хотел проверить направление. Потом взял руку Лизы и вложил в нее компас.

— Ты что?

— Я не знаю, есть ли конец у этого чертова леса. Но если есть, тебе понадобится компас, чтобы из него выбраться.

— Почему мне? Я пойду за тобой. Возьми его обратно.

— Я хочу, чтобы он был у тебя.

— Но…

— Бери, Лиза. За все время, что мы вместе, я не дал тебе ничего. Мне хочется хоть что-нибудь дать. Так будет лучше. Бери.

С благодарностью и тревогой Лиза сжала в руке прохладный медный футляр.

* * *

— Я все думала про Двали. — Она понимала, что не стоило бы ей этого говорить. Но от изнеможения, мерцающих сумерек леса (хорошо еще не сумрачного леса) и неожиданного подарка Турка она была немного не в себе. — Вот он организовывает в пустыне свою коммуну. Сьюлин Муа говорила, что ровно это уже пытались сделать и до него, но прежде эти попытки удавалось вовремя предотвратить. Неужели он не знал об этом?

— Скорее всего знал.

— И тем не менее он не так уж скрывал свои намерения. Посвятил в свой план множество людей, включая моего отца.

— Вряд ли это от безрассудства. Скорее он искал сообщников.

— Как он сказал, у него потом изменились планы. Сперва он собирался основать поселок на западном побережье, а после ухода из университета передумал.

— Лиза, он не идиот.

— Я и не говорю, что он идиот. Я говорю, что он врал. Он никогда не собирался на западное побережье, а только хотел запутать следы — пустить преследователей по ложному следу.

— Допустим, — ответил Турк. — И что?

— То, что он подставлял всякого, кто что-то знал о его планах. Их обязательно бы схватили, понимаешь? Он знал, что за ним следит Генетическая Безопасность. Не мог не знать, что они доберутся до моего отца. Турк, он сидел со мной вот также близко, как мы сейчас сидим, и рассказывал мне о том, какой мой

отец честный и принципиальный, что он никогда не выдал бы его УГБ, — чего они от него добивались, разве только под очень сильным нажимом. Двали мог бы предупредить отца сразу же, как узнал, что УГБ появилось в Порт-Магеллане. Или того раньше. Но это не входило в его планы. Отец не хотел помогать Двали принципиально, из нравственных соображений. И Двали подсунул его вместо себя, как красную тряпку.

— Он же не знал, что твоего отца убьют.

— Он должен был знать, что такое возможно. В любом случае должен был понимать, что отца станут пытать. Что, пытка лучше убийства? Предпочтительнее?.. Четвертые себе никаких других вариантов смерти и не представляют…

Она сама не знала, что делать с этими мыслями, от которых полыхала ее голова. Может, ей вообще больше не встречаться с Двали? Высказать ему прямо в лицо все, что она поняла, — или, наоборот, прикинуться дурочкой, пока они отсюда не выберутся? А дальше?.. Есть ли вообще какая-то вменяемая мораль у Четвертых? Наверное, на это могли бы ответить Диана Дюпре или Сьюлин Муа.

Если только они еще живы.

— Прислушайся, — сказал вдруг Турк. — Слышишь?

Лиза не слышала ничего, кроме постукивания и позвякивания шаров в кронах деревьев под порывами ветра. Они с Турком подошли к разгрузочной платформе и страшноватой живой изгороди гладящих роз. Звуков рытья и перебирания мусора больше не слышалось.

У Лизы перехватило дыхание.

— Они перестали копать, — сказал Турк.

Раскопки закончены, значит.

ГЛАВА 33

Двали искал и подбирал в мусоре консервы, ежась от ветра. Вдруг звуки рытья прекратились, как по команде. Двали испуганно замер.

Первой его мыслью было: мальчик мертв. Айзек мертв, поэтому деревья гипотетиков прекратили раскопки. Какую-то бесконечную секунду это казалось ему не предположением, а неоспоримой истиной в траурной рамке. Но тотчас пришла другая мысль: «Они нашли его!»

Двали бросил консервы и побежал. В спешке он чуть было не наткнулся на частокол «глядящих роз». Одна из самых высоких повернулась и оглядела его своим холодным, как черная жемчужина, глазом. Двали не обратил на нее никакого внимания.

Его поразило, как много успели сделать деревья за это время. Лопатообразные корни, не торопясь, ощупывая и поочередно перекладывая предметы, сумели в конце концов обнажить уцелевшую стену. За грудой утрамбованных камней виднелся пролом, ведущий внутрь.

Двали протискивался через заросли «роз», отталкивая их мясистые стебли. Там, в этой темной келье, должен был находиться Айзек. Без сомнения, живой и сумевший заговорить с теми силами, которые Двали так возлюбил и которых так страшился с тех пор, как они завладели Землей и вырвали ее из потока времени: с гипотетиками.

Корни деревьев, закончив свои раскопки, улеглись беспорядочным сплетением у входа в погребенную комнату. Стоя перед проломом, Двали заколебался. Пролом был так узок, что в него едва можно было протиснуться. Понятно было, что это опасная затея. Полуразрушенный потолок комнаты придавливали сверху тонны обломков, и весь этот груз держался на нескольких поскрипывающих и постанывающих балках. Но Двали уже не мог остановиться.

Ветер усиливался. Он завывал среди развалин с методичностью сирены.

Двали сделал шаг в темноту и сразу сморщился от невыносимого запаха. Несомненно, здесь находились мертвые. Его сердце колотилось. «Айзек!» — закричал он. В сумеречном свете, идущем из пролома, невозможно было что-либо различить, пока глаза не привыкли к темноте. Потом стали угадываться какие-то тени.

Марсианка, Сьюлин Муа. Жива она или мертва? Жива. Она смотрела на него с пола, сидя на обломках, полными ужаса

глазами. Должно быть, ее ослепил тусклый свет, неожиданно ворвавшийся в комнату. Каким же адом это было, думал Двали, провести здесь ночь и день. Сьюлин Муа поползла на коленках к выходу. Ему хотелось бы помочь ей, но все его помыслы были по-прежнему сосредоточены на одном Айзеке. Если б нашелся хоть фонарик, лампа, что угодно!

Ветер снаружи выл, как раненый пес. Под потолком покачивался наполовину отвалившийся кусок гипсокартона. Двали продвигался вглубь, стараясь не обращать внимания на разгром и зловоние.

Он обнаружил тело Дианы Дюпре. Четвертая с Восточного побережья была мертва. Как только он убедился в этом, то поспешил дальше. Потолок был низким, то и дело приходилось пригибаться. И наконец он различил в темноте Айзека — живого Айзека! Мальчик стоял на коленях перед распростертой на полу Анной Рэбка.

Айзек чуть подался в сторону, когда Двали приблизился к нему. Его глаза светились и поблескивали золотыми искорками. Даже его кожа казалась слегка светящейся. С людьми такого не бывает. Впрочем, он и *не человек*, напомнил сам себе Двали.

Анна Рэбка не двигалась.

— Она умерла? — спросил Двали.

— Нет, — ответил Айзек.

* * *

— Айзек, оставь ее в покое! — крикнула Сьюлин Муа из проема, откуда сочился тусклый свет гаснущего дня. — Оставь ее и выбирайся отсюда! Здесь нельзя оставаться!

Но горло настолько пересохло, что вместо приказа у нее получилась невнятная мольба.

* * *

Двали приложил пальцы к горлу Анны, чтобы нащупать пульс. Но едва коснувшись его, он понял, что пульса нет. Айзек ошибался или не хотел принимать очевидную истину.

— Нет, Айзек, — сказал он тихо, — она умерла.

— Это только ее тело, — сказал Айзек.

— Что ты имеешь в виду?

Мальчик принялся сбивчиво объяснять, приводя Двали во все большее изумление.

* * *

«Этот ветер, — думала Сьюлин, — он всех нас в конце концов доконает».

Навстречу ей спешили Лиза с Турком. Их окружал лес неземных растений, *как будто лес* —после долгих часов слепоты в подсобке она различала все вокруг с трудом. Странные мерцающие шары над головой, на этих… деревьях, что ли?.. Плотное скопление глядящих роз, наподобие зарослей ежевики поблизости. Некоторые из них повернули свои головы и пялились на нее бессмысленным взглядом.

Мир стал до неприличия не похож на себя.

И этот ветер — откуда он пришел? Он усиливался с каждой секундой и уже начинал перекатывать камни. Куски толя и гипсокартона взлетали в воздух и парили между деревьями, как воздушные змеи.

Она еще раз обернулась и позвала уже громче:

— Айзек!

Безумный Аврам Двали мало что значил для нее. А мальчик значил.

— Айзек, выходи же!..

Неустойчивая груда развалин шевелилась, постанывая под порывами ветра.

* * *

Двали сразу понял, что пытается сказать ему мальчик. Почти так он всегда это себе и представлял. Айзек действительно подключился к каналу связи с гипотетиками. Но Двали и присниться не могло, что он сумеет перед смертью миссис Рэбка вобрать в себя ее воспоминания. Теперь она жила в нем. Как и то марсианское дитя, Эш.

— Анна! — прошептал Двали.

Если б он мог призвать ее явиться из мальчика, как медиумы вызывают духов! Но в глазах Айзека читалось что-то другое и отчетливо враждебное. Уголки его губ опустились словно с отвращением. Именно таким в последнее время было выражение лица у Анны, когда она смотрела на Двали.

Тогда Двали решился произнести то, что казалось ему логичным и неотвратимым завершением всего пути. Он сказал:

— Возьми меня с собой.

Мальчик отшатнулся и помотал головой.

— Возьми меня с собой, Айзек. Где бы ты ни оказался, куда б

ты ни шел, возьми меня с собой!

Сдавленные балки и брусья трещали, словно их придавила вся тяжесть мира. Время от времени раздавался похожий на выстрел треск ломающейся древесины.

— Нет, — тихо, но твердо сказал мальчик.

Двали сходил с ума. Оттого, что все было так близко, — и облом! Но еще и оттого, что отказавший ему голос был так похож на голос Анны.

ГЛАВА 34

Сьюлин Муа лежала на земле, под стеной глядящих цветов. Переборов свой страх перед растениями гипотетиков, Лиза оттащила ее подальше от развалин, которые продолжал разрушать ветер.

Турк наклонился над марсианкой:

— Что с остальными?

Поначалу Сьюлин ничего не могла ответить. Она беззвучно открывала рот, как рыба. Болевой шок, решила Лиза.

— Их нет, — наконец вымолвила марсианка. — Дианы нет, и Анны…

— А Айзек?

— Он жив. Там с ним Двали. Почему же они не выходят?! Это плохо кончится…

Турк постоял, глядя на развалины и крохотный проем, проделанный в стене деревьями.

Лиза схватила его за руку. Нельзя туда, в эту шаткую пещеру! Нельзя!

Он выдернул руку. Лиза навсегда запомнит чувство, испытанное ею, когда он выдернул свою руку из ее. Как все лучшие и худшие воспоминания, такое не сотрешь из памяти. Оно будет преследовать ее весь остаток жизни, долгими ночами.

Но она была не в силах остановить его. И не могла набраться мужества, чтобы последовать за ним.

* * *

В погребенной под завалом подсобке было темно. Турк едва не споткнулся о тело Дианы Дюпре. Потом он разглядел Айзека и доктора Двали, сидящих друг напротив друга перед горой камней и обвалившихся полок. Двали пытался ухватиться за мальчика, а тот шаг за шагом отползал, не желая, чтобы его касались, но и не собираясь бежать. Турк слышал умоляющий голос Двали — сквозь этот оглушительный ветер из ниоткуда, словно пытающийся сорвать с петель весь континент. Он достаточно навидался в жизни всяких невероятных вещей — и раньше это даже бодрило его, — но ничего подобного он еще не видел. Кожа мальчика светилась молочно-белым светом, а золотые глаза озаряли лицо, как свечи. Все его тело сияло, как лампа, в прорехах его рваной и грязной одежды.

— Айзек! — позвал Турк. Мальчик обернулся к нему. — Все

хорошо. Можно выходить, путь свободен. Можно выходить!

Айзек взглянул на него с благодарностью.

Но тут нарастающий вой ветра перешел в утробный гудок океанского корабля, покидающего порт. Придавленный грудой развалин потолок не выдержал и начал рушиться.

* * *

Сьюлин Муа стояла, опираясь на Лизу Адамс, когда остатки здания на их глазах обрушились и осели. Облако цементной пыли и разлетевшейся штукатурки взлетело над верхушками деревьев, и его унес ветер.

— Не ходите туда, — сказала Сьюлин. — Вы уже ничем не сможете им помочь.

Лиза не сразу поняла, что та говорит. Ее вдруг покинули силы. Она снова почувствовала себя маленькой девочкой, и ее крепко обнимала за плечи Сьюлин Муа, поглаживая по спине.

«Вот он — ужасный финал», — подумала Сьюлин в преддверии развязки, после которой не останется в живых никого. Но это был еще не финал.

Поваленные ветром глядящие розы глядели все теперь в одну сторону.

— Смотрите! — сказала Сьюлин.

Деревья гипотетиков снова взялись за дело и принялись копать.

ЧАСТЬ VI
ПОРЯДОК ВРЕМЕНИ

ГЛАВА 35

Когда все кончилось — когда от огромного сверкающего леса не осталось ничего, кроме омертвелых и быстро разрушающихся стволов, когда Арка Времен сделала свое дело и рассыпалась в прах, а чаша пустыни Руб-эль-Хали заснула еще на десять тысяч лет, — Лиза вернулась в Порт-Магеллан.

Небо было ясным, на рейде стояло на якоре с полсотни кораблей. В былые времена бывало и больше, но, может, то время еще вернется, когда нефтяная индустрия восстановится и туристический бизнес оживится.

Лиза сняла номер в гостинице. Генетическая Безопасность, кажется, потеряла к ней интерес с тех пор, как Четвертые взорвали свой биореактор в окрестностях Могилы Кубелика. Ее имя могло все же остаться в каких-нибудь их списках. Поэтому она сняла номер под чужим именем и стала думать, как ей теперь заново наладить жизнь. Через неделю после возвращения — не на рыбацком траулере, как она планировала, а на автобусе с полусотней других беженцев из Руб-эль-Хали, — она собралась с духом, если это слово здесь уместно, и позвонила Брайану.

После всех его изумленных и недоверчивых восклицаний Лиза согласилась встретиться с ним на нейтральной территории — в «Харлейз», во второй половине дня за столиком у окна, откуда видны горы и лежащий внизу Порт-Магеллан.

Приехав туда раньше, она попыталась сосредоточиться на мыслях о том, что она скажет Брайану, но это у нее никак не получалось. Официант принес воду со льдом и хлеб, от чего ее мысли еще больше спутались. На его бейджике было написано: «Махмуд». Она спросила Махмуда, работает ли до сих пор в их ресторане Тайрелл. Она помнила Тайрелла по тому вечеру, когда впервые выпал пепел — 34 августа, когда она встретилась здесь с Турком, чтобы показать ему фотографию Сьюлин Муа. Нет, сказал Махмуд, Тайрелл вернулся в Штаты. После того как с неба стали сыпаться всякие странные вещи, очень многие решили отсюда уехать.

Здесь все по-прежнему, подумала Лиза, и все не так. Как только Махмуд отошел, в дверях появился Брайан. Найдя ее глазами, он неуверенно улыбнулся. Она помахала ему в ответ.

Он подошел к столику и сел. Брайан Гэйтли, бывший сотрудник Управления Генетической Безопасности. Когда она позвонила ему, это было едва ли не первое, о чем он ей сообщил. «Я больше не работаю на них, — сказал он, словно излагая свое новое кредо. — Я ушел». Почему, он не пояснил.

— Ты очень вовремя позвонила, — сказал он. — Я на следующей неделе уезжаю. Все, что есть у меня сейчас, это четыре упакованных чемодана и билет домой.

— Ты возвращаешься в Штаты?

— Нет смысла оставаться. Признаюсь тебе по секрету, Лиза, я терпеть не могу этот город. Более того — всю эту планету.

Он больше не был сотрудником УГБ и не мог ничем ей помочь. Но и повредить тоже. Кажется, с его стороны опасность ей больше не грозила. Но стоило ли рассказывать ему о том, что произошло в пустыне? Ведь чего-чего, а расспросов было не избежать, и Лиза это понимала.

* * *

«Держитесь!» — крикнула Сьюлин Муа. Лиза и так пыталась это делать изо всех сил — ей казалось, что земля уходит у нее-из-под ног, а мир опрокидывается. Сверкающие шары срывались с ветвей деревьев и уносились туда — в самое сердце водоворота Арки Времен. Ветер превратился в бурю, буря — в ураган. Лиза уцепилась за бетонный столб, и ее охватил такой ужас, что она не в силах была даже кричать. Она видела только, что и Сьюлин неподалеку делает то же самое — пытается ухватиться за выступы камней.

Ветер не унимался. Она временами теряла сознание, ухитряясь каким-то образом не отрывать рук от балки, словно оказавшись внутри нескончаемого кошмара: кончится ли когда-нибудь эта ночь? Это уже день, или снова ночь?..

Внезапно все прекратилось. Ураганный ветер утих. Мир вернулся в свои границы.

Сьюлин Муа окликнула ее:

— Мисс Адамс! Лиза, вы не пострадали?

На этот вопрос у нее было не меньше тысячи ответов, но не было никаких сил ответить Сьюлин.

* * *

Сколько-то времени она проспала, а когда проснулась, то увидела, что Арка на западе пропала, а с ней и большая часть сумрачного леса. Остались только рухнувшие дома, фундаменты, взломанный и вздыбленный асфальт, да пни от леса гипотетиков. Вокруг опять простиралась пустыня. Лиза чувствовала невыносимую боль в мышцах, но ее душевная боль была еще

сильнее.

Через несколько дней она сидела со Сьюлин Муа на обочине заброшенной дороги — исхудавшая, оголодавшая, грязная. Неподалеку от них сидело около десятка столь же измученных людей, в основном мужчин, переживших кризисные события в покинутых и разрушенных зданиях поселков для нефтяников. Все ждали автобуса. Говорили, что он должен прибыть с минуты на минуту. Его конечным пунктом был лагерь для нефтяников, организованный в северо-восточной части побережья, но Сьюлин и Лиза намеревались выйти раньше. Возможно, в Басти, чтобы оттуда перебраться через горы.

Лиза повернулась к Сьюлин. Та сидела, обхватив голову руками.

— Пить не хотите?

— Нет, я ужасно устала, — произнесла в ответ марсианка тем тонким старческим голосом, при звуках которого Лизе представлялся ненаканифоленный смычок, терзающий струны скрипки. — И еще я думала о докторе Двали.

Аврам Двали. Умерший без надежды на воскрешение.

— И что вы думали?

— Он ошибался очень во многом. Но в одном, возможно, он оказался прав. В том, что касается гипотетиков. — Голос марсианки зазвучал печально. — Я была убеждена, что их не существует как субъектов сознательных действий, как мыслящих существ. Стихийный процесс, и больше ничего — бесконечно прядущиеся нити эволюции.

Лизе сейчас было трудно сосредоточить внимание на таких материях. Но должна же она была хоть чем-то отблагодарить марсианку.

— Вы считаете теперь, что это не так? — переспросила Лиза. — Что всем, что сейчас случилось, — управляла чьято сознательная воля?

— Не совсем. Разумеется, не существует никакого Галактического Совета, который бы собрался и решил, что, например, темпоральная арка должна находиться именно в центре Экватории. Я думаю, она здесь росла много миллионов лет. А до нее было еще что-то, из-за чего она выросла… Словом, обычная эволюция и больше ничего.

— Так, выходит, Двали заблуждался?

— Не совсем, но его подход был слишком прямолинейным. Это успел объяснить мне Айзек, — сказала Сьюлин, — там, в разрушенной подсобке. Миллионы высокоразвитых машин накапливают и сортируют информацию об огромном участке Вселенной. Эта информация периодически поступает сюда для

сверки. Темпоральная Арка отправляет ее отсюда в будущее, на десять тысяч лет вперед, и одновременно такой же объем обработанной информации возвращается оттуда в настоящее — чтобы ее можно было усвоить заново и восстановить утраченные звенья. Это не память в пассивном смысле. Это активное вспоминание. И живые организмы помнят для того, чтобы закреплять и корректировать свое поведение.

— Ну, пусть память гипотетиков так устроена. И что?

— Но если сеть *вспоминает*, это уже в каком-то смысле волевой акт. Хотя бы в самом простейшем смысле — отделения себя от природного мира. Иными словами, если брать все в целом, это именно то, что представлял себе доктор Двали — трансцендентное бытие таких масштабов, что и поминутная запись человеческой жизни для него — бесконечно малая частица его мельчайшей крупинки.

«Исчерпывающая запись человеческой жизни, — думала Сьюлин. — Жизни Эша, жизней…»

— Но из этого следует кое-что еще, — продолжала она. — И это может привести к ужасным последствиям. Подумайте о Лоутоне. Если сеть помнит его, значит, он в некотором смысле приобрел вечную жизнь. Пусть пассивную, несамостоятельную, но это не умаляет ее ценности. Как нам относиться к этому? Если попытаться определить это самыми простыми словами: существует Бог, дающий личное бессмертие. И это бессмертие можно принять в виде инъекции. Той, которую сделал себе Лоутон и которая убила его, подключив его к сети гипотетиков.

— Но если это смертельно…

— Физически — конечно, смертельно. Но если человека *помнят*, если можно через смерть попасть прямо в сознание самого что ни на есть реального Бога…

— Это будет страшным искушением для людей.

— Еще каким. Скоро это начнут называть Пятым возрастом, попомните мои слова. Жизнь после смерти еще соблазнительнее, чем жизнь после жизни. Этому будут поклоняться, с этим будут бороться. Появится Управление Духовной Безопасности. К чему это в конце концов приведет, страшно и подумать.

Сьюлин закрыла глаза, словно отгоняя кошмарное видение будущего.

Лиза пыталась ухватить смысл сказанного марсианкой. Если «они» способны вспоминать, значит, у них есть какое-то подобие самосознания, личного разума. Разум, состоящий из бессчетных миллионов неразумных частиц? Но разве не так устроен любой разум? Хотя бы ее собственный?

Полуденное солнце палило нещадно. Лиза отхлебнула из

бутылки воды, которой с ними поделились нефтяники, и поправила на голове шляпу — шляпа тоже ей досталась от них.

— Если они способны помнить, то что они еще умеют? Знакомо ли им, например, чувство жалости? Или воображение?

Сьюлин выслушала ее вопрос с улыбкой. Наверное, ей больно улыбаться, подумала Лиза. Старческие губы марсианки растрескались, на них виднелась запекшаяся кровь.

— Не знаю. Возможно, мы исполняем в этом свою собственную роль. Разумеется, как вид. Вторжение гипотетиков привело к совершенно непредсказуемым для нас последствиям. Почему бы не увидеть в этом работу их воображения?

«Ну хорошо, — продолжала размышлять Лиза, — допустим, сеть все помнит. Может, она даже обладает воображением и как-то учитывает существование человечества в своих расчетах. Но способна ли она сочувствовать? Имеют ли гипотетики представление о чувствах, столь же далеких от них, как одна галактика от другой? Правда ли они говорят с нами? И правда ли нам отвечают?..»

Ровно те же вопросы на ее месте задавал бы ее отец.

Ее тень лежала перед ней, словно ее темный двойник. Она прищурилась и посмотрела вдаль. В однообразной пустыне появилось какое-то пятнышко — наверное, автобус.

Если что-то живет — значит, это что-то когда-нибудь умрет. А знает ли оно, что умрет? И хочет ли жить вечно?

* * *

Многое из того, что Лиза видела своими глазами — инопланетный лес, восставшая из-под земли и исчезнувшая без следа Арка Времен, — было запечатлено камерами беспилотников и передано в Порт-Магеллан. Теперь эти съемки обошли весь здешний мир и весь куда более заселенный соседний — земной. Комментаторы говорили в новостях о «событии, связанном с гипотетиками, значения которого никто не может пока оценить». Лиза сказала Брайану, что была на месте событий, когда все это произошло, и ей просто повезло, что она выжила, — но в детали вдаваться не стала. Не потому, что не доверяла ему, а потому, что все случившееся было еще слишком свежо и не укладывалось в слова.

Брайан, казалось, понял ее состояние. Но потом спросил все же — со всем тактом, на который был способен, — а что стало с Турком Файндли? Лиза прикрыла глаза. Как ему сказать, что стало с Турком?..

* * *

В мыслях у нее было одно — но говорить она об этом не могла. Голос Турка, доносящийся сквозь вой ветра из темноты.

Ночь расцвечена была сиянием «плодов», все еще облеплявших деревья гипотетиков. Шары на хрупких черенках по-прежнему светились неземным светом, а вокруг завывал ветер, срывая их один за другим. На лице Сьюлин Муа играли бесконечные переливы красок, она, завернувшись в кусок брезента, ползла к бетонной опоре — не слишком надежному убежищу, но других здесь не было. Лиза клялась себе, что наутро, когда ветер утихнет — если только он утихнет — и можно будет без помех передвигаться, она примется за раскопки. Будет копать в том же месте, где копали деревья-гипотетики. Откопает Турка, Айзека, и даже доктора Двали. Но с того момента, как здание рухнуло окончательно, прошло уже несколько часов, а ветер все набирал силу, деревья гипотетиков сгибались под ним, словно кающиеся грешники. Он стонал и выл в щелях бетона, в остатках стальных и фанерных перегородок. Светящиеся шары болтались на неподатливых ветках, а затем один за другим срывались и улетали. Лиза видела — или ей это снилось? — как в небе, над уже голыми остовами деревьев, собралось целое скопище, река шаров, целая стая сверкающих перелетных птиц, несущихся в Арку Времен.

— Лиза, — произнес голос из-за спины. Голос странно громкий, слышный даже сквозь рыдания ветра. Это был Турк.

Лизу охватил страх. Она села и попробовала оглянуться. Он должен быть где-то здесь, за бетонными плитами, он тоже каким-то образом сумел уцелеть в этом бешеном вихре!

— Турк!

— Не смотри на меня, Лиза. Не стоит.

Она перепугалась настолько, что уже и не смела оглянуться. Должно быть, он смертельно ранен, искалечен. Она опустила глаза, но лучше бы она этого не делала. Под ногами Лизы на землю лег мощный луч света, исходивший как раз оттуда, где по ее предположениям должен был находиться Турк — его тень. Это еще больше повергло ее в ужас. Она зажмурила глаза. Крепко-крепко. Сжала кулаки. И ждала, что он еще скажет.

* * *

— Лиза, — встревожился Брайан, — тебе дурно?

— Нет, — с трудом выговорила Лиза. Перед ней стоял бокал,

и Махмуд наливал в него вино. Потом налил ей еще. Лиза отодвинула бокал.

— Прости меня.

Турк сказал совсем немного.

Но это было очень личное. Это имело значение только для них двоих. Она будет помнить это всегда, до самой смерти.

Он попросил прощения за то, что оставил ее. Сказал, что у него уже нет выбора. Для него теперь открыта только одна дверь.

— Какая дверь?.. — спросила Лиза.

Турк ответил коротко:

— На запад.

— Он уехал на запад, — сказала Лиза Брайану.

…И все же она заставила себя тогда повернуть голову, чтобы увидеть, увидеть самой. За ее спиной оказался не Турк, а Айзек, чье тело было чудовищно изувечено, а рука переломана сразу в двух местах. Но он сиял, словно полная луна. Его кожа светилась и переливалась всеми оттенками, как эти шары памяти над головой. Как будто он и сам стал одним из них. Впрочем, он им и стал, решила Лиза.

Она понимала, что происходит, потому что Турк уже объяснил ей это. Тело Турка оставалось под завалами, но его живая память была здесь. В останках Айзека, которые деревья гипотетиков откопали из-под руин. С ним был не только Турк. И Эш, и Джейсон Лоутон, и Анна Рэбка.

— А почему нет Дианы?

Она предпочла остаться, сказал Турк.

— А доктор Двали?

— Нет. Только не Двали.

Тут светящуюся оболочку Айзека подхватил ветер, поднял и стремительно понес на запад.

* * *

Брайан спрашивал ее что-то о книге.

— Не было никогда никакой книги, — сказала Лиза.

— Но ты что-нибудь узнала об отце?

— Немного.

— Потому что я тоже кое-что узнал. После того как ты позвонила и сказала про Томаса Джинна, я решил сам в этом разобраться. Его больше нет — его убили… оперативники.

Лиза молчала.

— С твоим отцом могло случиться то же самое.

— Могло?..

— Да нет. К сожалению, случилось.

— У тебя есть доказательства?

— Только фотография. Доказательством в суде она, конечно, послужить не сможет… Но это та правда, Лиза, которую ты так хотела узнать.

Она понимала, что за фотографию он имеет в виду. Но она не захотела ее видеть.

— Я и так все знаю, — сказала Лиза.

— Ты уверена?..

Да, она знала, что случилось с ее ни в чем не виновным отцом. Даже больше того, что мог знать Брайан. За что и почему его убили. Она уже отправила сообщение в Калифорнию:

«Он не ушел от нас. Он был похищен. Я знаю это».

«Тогда ты можешь теперь возвращаться домой», — ответила мать.

«Я и так дома», — написала ей Лиза. И позже, проходя мимо пристани в утреннем тумане, поняла вдруг, что так оно и есть.

* * *

Она распрощалась со Сьюлин Муа по пути в Порт, на какой-то из пригородных автобусных остановок. Лиза спросила марсианку, не трудно ли ей будет одной продолжать свой путь, и та ответила, что она в порядке. Впрочем, Лиза и не сомневалась, что кто-кто, а Сьюлин справится. Десятилетиями она жила, руководствуясь только собственным умом и потребностью бескорыстного служения, присущей Четвертым. «Мне еще есть чем заняться», — сказала она. Айзек стал ее самым большим провалом. Но дальше будет только хуже. Что бы ни представляла собой сеть гипотетиков, сказала Сьюлин, ей по-прежнему не хочется, чтобы они обращались с людьми как с материалом. «Я не согласна быть просто фишкой в чьих-то грандиозных затеях, — как выразилась она. — И не желаю такой судьбы всему нашему виду».

— И куда вы теперь отправитесь? — спросила Лиза.

Марсианка улыбнулась и сказала:

— Думаю, на запад. А вы-то как? С вами все в порядке?

Разумеется, с ней было не все в порядке. Воспоминаниям о Руб-эль-Хали суждено преследовать ее годами. Но она только пожала плечами и ответила:

— Я справлюсь.

Должно быть, это прозвучало так искренне с ее стороны, что марсианка взяла ее за руки и, глядя в глаза, с чувством пожала ей

на прощание обе руки.

* * *

— Жаль, что все так вышло, — сказал Брайан. На его языке это означало: «Понимаю, что о нашем браке уже не стоит и заговаривать». — Очень многое могло быть иначе, но так уж обернулось.

Хорошо, что он это сказал. Теперь Лизе легче было взглянуть непредвзято на все, что он делал — или пытался делать — для нее.

И уже ни в чем его не упрекать.

Их обед затянулся. Близились сумерки. Внизу в Порту начинали перемигиваться огни — от подсвеченных щитов на Рю де Мадагаскар до разноцветных светодиодных гирлянд, которыми манили рынки и базары. Дивный город, говорящий на сотне языков, — думала Лиза, — он тоже ведь единый организм, подчиняющийся своим суточным ритмам, погруженный в свой собственный процесс эволюции, подстегиваемой воображением. Интересно, простоит ли он еще тысячу лет? А десять тысяч лет — до тех пор, пока тень Турка не выйдет из Арки Времен, чтобы начать здесь новое существование?

«Если мы хотим в действительности понять природу гипотетиков, мы должны всегда принимать во внимание тот факт, что они были очень древними, когда мы впервые столкнулись с ними. Но теперь они еще старше».

Из предисловия к отцовской книге.

Брайан напоследок пожал ей руку и направился к выходу. Ей захотелось побыть здесь еще немножко. Во дворике стояла приятная прохлада. Уже зажигались звезды. Махмуд принес кофе в серебристой турке.

«Чего мы не можем вспомнить, то должны открыть заново».

— Простите, что вы сказали?

— Ничего. Уже темнеет…

— Такие уж тут закаты, — улыбнулся Махмуд. — Кажется, что они длятся вечно.

notes

Примечания

1

Фамилии, избранные автором, не случайны. Дж. Двали — ученый грузинского происхождения, внесший значительный вклад в современные космологические представления. Г. Рэбка (совместно с Р. Паундом) осуществил первый в земных условиях эксперимент, подтвердивший замедленное течение времени в поле тяготения (1960 г.). — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Пустыня названа так по имени пустыни на Аравийском полуострове, одной из крупнейших в мире.

З

Постановление о разводе *(брит., юр.)*.

4

В связи с дальнейшим развитием сюжета уместно упомянуть о так называемой Пепельной Среде — первом дне католического Великого поста.

5

Клеточный автомат — математическая модель самовоспроизводящейся машины, разработанная Дж. фон Нейманом.

6

Национальная нефтедобывающая компания Саудовской Аравии, крупнейшая в мире.

7

Традиционная арабская одежда — длинная широкополая рубаха.

8

Минангкабау — одна из коренных народностей Суматры.

9

Мади (араб, «ведомый») — согласно исламским веровани-ям, последний преемник пророка Мухаммеда. Его приход, возвещающий о скором конце света, призван освободить мир от греха и беззакония. Ср. далее в романе название перевала в горах Акватории — «Бодхи» (что переводится с санскрита как «просветленный»).

10

Образ глядящих роз, очень возможно, заимствован из «Четырех квартетов» Т. С. Элиота: «И розы смотрели навстречу взглядам» (пер. А. Сергеева). В подстрочном переводе: «У роз был такой вид, какой бывает у цветов, когда на них смотрят».

11

Левый берег {фр.). Левый берег Сены олицетворяет интеллектуальную и художественную жизнь Парижа, тогда как правый — деловую и торговую.

12

Город в штате Айова, административный центр округа Дубьюк.

13

Ангостура — венесуэльская горькая настойка, используемая для приготовления коктейлей, а также в лекарственных целях. В оригинале напиток ошибочно назван по имени испанского города Ангостина.

14

Во чреве (лат.).

15

Сарандиб — древнее арабское название острова Шри-Лан-ка (Цейлон до 1972 г.).

16

Жевуны — одна из народностей страны Оз в сказках Л. Фрэнка Баума.

17

Отсылка к Библии (Быт. 22:1–13). Внимательный читатель, наверное, давно уже догадался, что автор не случайно дал героям имена Айзек (Исаак) и Аврам (Авраам).

18

Пояс Койпера — область Солнечной системы за орбитой Нептуна, заполненная в основном малыми космическими телами. Кроме Плутона, в поясе Койпера находится еще несколько карликовых планет.

19

Ян Кубелик (1880–1940) — выдающийся чешский скрипач. Рафаэль Кубелик (1914–1996) — дирижер, сын Яна Кубе лика. По-видимому, речь идет еще об одном потомке знамени той музыкальной династии.

20

Маленькая кустарная кукла, голова которой делается из сушеного яблока, а тело из проволоки, на которую надевается сшитое вручную платье.

21

Горнолыжный курорт в Швейцарии.

22

Пиньята — полая игрушка из папье-маше, обычно в форме какого-нибудь животного. По мексиканскому обычаю, на праздник ее наполняют сладостями и подвешивают к потолку или к дереву, затем одному из детей завязывают глаза и дают в руки палку, которой нужно разбить пиньяту.

23

Кантон — европейское название китайского города Гуанчжоу и провинции Гуандун.